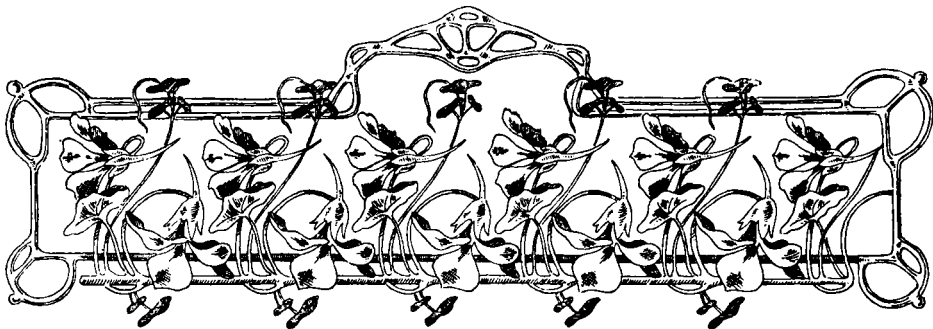

ИЗЪ КРЫМСКАГО ДНЕВНИКА Ю. Н. БАРТЕНЕВА.

Корейсь. 1843.

Имя Юрія Никитича Бартенева неоднократно появлялось на страницахъ „Русскаго Архива“¹⁾ и его читателямъ достаточно извѣстны жизнь и дѣятельность этого человѣка достопамятнаго по уму, характеру и вліянію на окружающихъ. Предлагаемая нынѣ выдержка изъ его „Дневника“ не имѣютъ историческаго значенія, если не считать изображенія обстановки, въ которой доживалъ свой вѣкъ князь Александръ Николаевичъ Голицинъ, дѣятель въ исторіи значительный. Тѣмъ не менѣе литературныя достоинства этихъ записей не позволяютъ оставлять ихъ подъ спудомъ, въ пыли архивнаго шкафа.

Писанныя почти безъ помарокъ онѣ изложены языкомъ яснымъ, сильнымъ, мѣстами глубоко-поэтичнымъ. Безыскусственность и полная искренность ихъ создаетъ картину характерную маленькаго уголка жизни. Душа автора открывается до дна, съ ея глубокими нравственными запросами, тончайшею чувствительностью, раскаяніемъ въ грѣхахъ, которымъ онъ не рисуется ни предъ собою, ни предъ публикой, ибо нѣтъ ни тѣни предположенія, что дневникъ этотъ сдѣлается кому либо извѣстнымъ. С. Б.

*

10-го Октября.

Начитавшись чего слѣдовало, я пошелъ къ обѣднѣ. Былъ благодарный молебень за благополучное разрѣшеніе Цесаревны желаннымъ сыномъ²⁾; мы всѣ усердно помолились. Въ церкви³⁾ была семья князя Го-

¹⁾ (см. статья Ю. П. Бартенева 1897 г. III кн. 395 и 614 стр. 1898 г. I кн. 100 стр., II кн. 67 стр., III кн. 516 стр. Изъ бумагъ Ю. Н. Бартенева 1818 г. I кн. 628; жизнь въ Крыму Ю. Н. Бартенева 1899 г. II кн. 549 стр. III кн. 116 стр.; Письмо князя П. А. Вяземскаго къ Ю. Н. Бартеневу 1879 г. III кн. 404 стр. и др.

²⁾ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

³⁾ Домовая церковь въ Гаспрѣ, устроенная такъ, что князь А. Н. Голицинъ изъ своей спальни во второмъ ярусѣ могъ слышать богослуженіе. Въ церкви особенно замѣчательнъ престольный, небольшого размѣра, образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

лицына. Я перешелъ съ ковра на плиту и немножко охолодиль ноги, отъ того во весь день чувствовалъ что-то лихорадочное; на дворѣ было холодно, вѣтрено и дождливо. Обѣдалъ у меня священникъ Коранскій, прибывшій для служенія молебна. Послѣ обѣда читалъ *Voleur* и пробѣгалъ газеты.

*

11-го Октября.

Попелся къ князю на чтеніе и обѣдъ; вѣтеръ сильный дулъ мнѣ на встрѣчу, заболѣла грудь у меня. Чтенія однако сего-дня не было, потому что дожидались семейства Голицыныхъ, которые хотѣли заѣхать проститься съ княземъ. Княгиня Голицына, урожденная Нарышкина, пріѣзжала сюда съ мужемъ своимъ на нѣсколько дней и останавливалась въ Мисхорѣ, для того, чтобъ ѣздить по вечерамъ къ князю и читать ему книги; это она дѣлала въ подражаніе графинѣ Воронцовой. Князь приказалъ дѣвицѣ Мауреръ прочитатъ мнѣ одно интересное пророчество какого-то знаменитаго между благочестивыми людьми иностранца, гдѣ сказано, что внутренняя сила христіанства неминуемо перейдетъ изъ Западной Церкви въ Восточную и что въ Россіи разрѣшатся разные вопросы міровой жизни. Послѣ того читано было путешествіе въ видѣ письма къ матери графа Суворова, сына княгини Голицыной. Суворовъ описываетъ свои впечатлѣнія и чувства христіанина достойнымъ перомъ. Мы еще не успѣли окончить піесы, какъ самъ графъ Суворовъ пріѣзжаетъ съ своею матерью и вочимомъ. Суворовъ имѣетъ благовидную наружность, кротокъ взоромъ; онъ воспитывался въ Швейцаріи въ Фелленберговомъ заведеніи. Князь распространился, рассказывая анекдоты о его дѣдѣ. Послѣ обѣда я зашелъ къ Аннѣ Александровнѣ¹⁾, которая приняла меня хотя съ радостіемъ, но наблюдала большую осторожность. Пришедши домой въ шубѣ, я началъ читать повѣсть Бальзака: *Лилія въ долинѣ*. Мнѣ трудненько было привыкать къ манерному стилю Бальзака.

*

12-го Октября.

Жалкое дѣло изъ сплетней составлять журнальную свою записку; впрочемъ, журналъ долженъ быть вѣрнымъ зеркаломъ, истиннымъ отраженіемъ того, что дѣлается въ психической и пластической половинахъ жизни нашей. Это состояніе показываетъ ту клѣтку, въ которой я, какъ бѣлка, верчусь около колеса. Точно, дѣйствіе сестры князево²⁾ нетерпѣливо мною переносятся; сердце скоро и опрометчиво

¹⁾ Турчаниновой.

²⁾ Дѣвица Елисавета Михайловна Кологривова, сестра князи отъ второго брака его матери.

воспламеняется и даетъ чувствовать жизнь горькою. Потерпимъ, понесемъ и не все будемъ записывать. Богъ намъ да поможетъ и святая Его Матерь. Идея объ отставкѣ у меня не выходитъ; но куда мнѣ дѣваться, куда пріютиться? О томъ вѣдаетъ одно лишь Святое Провидѣніе, не измѣнявшее мнѣ въ милости, мнѣ, не стоящему помилованія. Но чтобъ дать другое направленіе мыслямъ и отбратъ клубъ сплетничества и грошевого мнѣнія, я вспомнилъ, что обѣщалъ моему журналу. Выписываю подлинныя строки этого обѣщанія. „*Понедѣльникъ, 19-го Юля, гор. Симферополь*. Я получилъ письмо отъ инспектора почтъ Подолинскаго, въ которомъ приложены были стихи, назначенныя для моего Альбома. Когда нибудь на досугъ я впишу въ свой дневникъ эти стихи“. Исполняю теперь по прошествіи почти трехъ мѣсяцевъ моего обѣщанія.

Да, средь горъ Тавриды чудной
Скалы въ дымкѣ облаковъ,
Моря отблескъ изумрудный,
Нѣга солнца и цвѣтовъ,
Все волнуешь животворно
Обаяньемъ красоты.
Какъ родникъ изъ кручи горной
Брызжутъ сильныя мечты;
Жизнь блеснетъ опять надеждой,
Вдохновеніе слетитъ,
И подъ форменной одеждой
Грудь поэта задрожитъ!

Массандра, 28-го Мая 1843 года.

*

13-го Октября.

Что я выигралъ въ тепломъ климатѣ, мыслилъ я про себя, и куда мнѣ теперь путь держать, когда выйду въ отставку? Жить мнѣ въ Симферополѣ не хочется, въ Эвпаторіи поселиться скучно и безцѣльно. Надобно будетъ попробовать жить въ Кіевѣ; но и тамъ не ждетъ ли меня разочарованіе? Гдѣ мои знакомые и присные въ Кіевѣ, ихъ нѣтъ; если оставаться для Алекс. Петр.¹⁾, то понадобится ли ей самой это мое пребываніе и не будетъ ли преслѣдовать меня подозрительная недовѣрчивость со стороны Ѳедора Ивановича?²⁾ Въ Москвѣ жить дорого, не по состоянію; то не лучше ли ѣхать на родину, если не къ друзьямъ, которые вездѣ рѣдки, то по крайней мѣрѣ въ нѣдро родныхъ? Въ Костромѣ есть у меня больной братъ, есть пле-

¹⁾ Хвостовой.

²⁾ Прянишникова.

мянница, и такъ въ Кострому. Жена моя, не зная этихъ мыслей моихъ, написала къ Машенькѣ о желаніи своемъ хотѣ когда нибудь увидѣться съ родными въ Костромѣ. Такая стачка въ мысляхъ удивила меня немножко.

*

14-го Октября.

Сдѣлавъ свое обычное чтеніе, напившись чаю, накурившись табаку, съ сжатымъ сердцемъ отправился я на чтеніе и на обѣдъ къ князю. Я нашелъ у него гостей: жену Горяинова и новую сосѣдку нашу княгиню Александру Борисовну Мещерскую; она очень расположительно со мною познакомилась, съ участіемъ и привѣтливостію занялась мною; видно, что мужъ хорошо походатайствовалъ въ мою пользу. И вотъ на первыхъ порахъ она спрашиваетъ меня, почему я не отвѣтствовалъ ея мужу на письмо его ко мнѣ посланное. Я отвѣтствовалъ, что я не получалъ никакого письма отъ князя Мещерскаго. При мнѣ онъ писалъ, продолжала она, и я сама видѣла это письмо большое и пространное. Странно, что здѣсь на почтѣ письма воруютъ. Она нѣсколько разъ начинала этотъ отзывъ, никто ей не отвѣтствовалъ. Князь молчалъ, сестра его также. При разставаньи, княгиня просила бывать у нея. Послѣ ухода гостей я продолжалъ извѣстное чтеніе. Сестра князева что-то отмачивалась. За обѣдомъ мы всѣ развеселились любезностями Шмидта, который, кажется, выпилъ лишнюю чарку. Послѣ того мы остались втроемъ съ княземъ: разговоръ навелся на благочестіе. Мнѣ одно только остается въ жизни, сказалъ князь, чтобы Господь разодралъ рукописаніе о грѣхахъ моихъ; я много грѣшилъ предъ Господомъ, въ жизни своей былъ эгоистъ и проч. Такая смиренная и неожиданная рѣчь князева привела меня въ умиленіе, и даже скажу, радость: мнѣ пріятно было видѣть такое сознаніе веледушія въ князѣ. Послѣ далъ онъ мнѣ читать письмо сенатора Штера, въ которомъ доказывалось, что единственный и надежный спутникъ старца должна быть жизнь уединенная.

*

15-го Октября.

Озаботился встать поранѣе, выбриться и пріодѣться, чтобы принять княгиню, которая пришла къ намъ въ двѣнадцатомъ часу въ сопровожденіи двухъ компаньоновъ. Она сказывала намъ, что мужъ ея все и обо всемъ къ ней писалъ, что здѣсь происходило и что письма тѣ читала Татьяна Борисовна Потемкина, что князь Козловскій ей не нравится и что даже онъ успѣлъ и ей показать грубость. Я ей далъ почитать интересную книгу: Путешествіе по Кавказскимъ горамъ; а маленькой дѣвчкѣ, ее сопровождавшей, прелестнѣйшему ребенку.

подарилъ книжку съ картинками: *Paradis terrestre ou la colonie exilée*. Я проводилъ княгиню до ея дома, который въ первый разъ и посѣтилъ. Она заставила играть свои органы, привезенные съ собой изъ столицы, увертюру изъ Фенеллы, другія увертюры, вальсы и игривыя мотивы изъ Фенеллы; эти органы одною третью менѣ князевыхъ и въ такомъ отдаленіи отъ хорошей музыки замѣняютъ маленькій оркестръ. На домѣ княгиня еще откровеннѣе со мною разговаривала и вымолвила мнѣ, что даже сама Императрица желала-бы, чтобы одинъ достойный молодой человѣкъ въ Петербургѣ замѣнилъ Козловскаго у князя. Такимъ образомъ началось наше новое знакомство съ новою сосѣдкою. Я писалъ письма вечеромъ въ Кологривъ къ любезному моему бывшему письмоводителю Сирину и послалъ въ библіотеку Кологривскаго училища въ подарокъ книжку; еще писалъ къ Черкасскому почтъ-мейстеру Голубинскому. Къ Сирину я написалъ очень ласково въ замѣнъ его ласковыхъ и привѣтливыхъ писемъ. Торопясь принять княгиню, я нехорошо молился Господу. Осужденіямъ не было конца, и имя сестры князевой не мало пострадало отъ моей закоренѣлой къ ней непріязненности. Господи! Дай мнѣ благодатныя и мирныя чувства, да не согрѣшу я языкомъ моимъ противу ближняго моего.

*

16-го Октября.

Вышедши на террасу въ одномъ сертукѣ и смотря на эту еще свѣжую зелень, я не могъ не увлечься желаніемъ положить и кости мои въ этой райской по наружности и климату землѣ; ходя съ женою, мы вслухъ рассуждали, какъ бы это было пріятно имѣть свой домикъ и со всѣми удобствами. Церковь близко, предполагаемое мѣстечко есть лучшее на всемъ берегу; покуда строиться будетъ домикъ, жили бы вблизи, въ Корейскъ и наблюдали за строеніемъ; такъ мы рассуждали, ходя по террасѣ и вдыхая въ себя упоительный и ароматическій воздухъ Русской Италіи. Чтобъ вполнѣ утвердиться въ рѣшеніи, недоставало лишь двухъ необходимостей: именно воли Божіей, живо проясненной, и денегъ.

Размышленія наши прерваны были приходомъ Дмитр. Ивановича, который остался у насъ и обѣдать. Между прочими разговорами рассказывалъ онъ, что вчера была у нихъ Анна Александровна. Жена моя, продолжалъ Дмитр. Иванов., жаловалась ей, что дня три какъ чувствуетъ она оконечности рукъ и ногъ холодными и что этотъ холод дѣлается для нея нестерпимымъ. Анна Александровна промолчала; но спустя не болѣе полу-часа, какъ у жены моей эти оконечности такъ сдѣлались горячи, что даже ей этотъ жаръ сталъ несносенъ. Мы

надивиться не могли сему событію, доказывающую великую какую-то силу въ Аннѣ Александровнѣ. Дмитр. Иван. закончилъ разговоръ тѣмъ, что онъ бы самъ охотно на себѣ испыталъ дѣйствіе этого врачевства. Послѣ обѣда пріѣхалъ Ялтскій лекарь, мы просидѣли и много говорили; я пустился въ рассказы, но врядъ ли они были у мѣста и у случая.

*

17-го Октября.

Былъ за обѣдней, послѣ которой княгиня Мещерская опять насъ посѣтила, а потомъ я провожалъ ее до дому. Тамъ замѣчательный разговоръ имѣлъ я съ нею о внутреннемъ христіанствѣ. Княгиня съ увлеченіемъ говорила мнѣ о самопреданіи въ волю Божію; пересказала мнѣ нѣсколько опытовъ милосерднаго водительства Божія, гдѣ самопреданіе оправдалось отраднымъ и блаженственнымъ для нея образомъ. Вѣрнѣ Богъ, когда душа Его ищетъ и Ему предается. Молчать и неотступно просить Бога: вотъ девизъ ея практики. Мнѣ оставалось на слова ея сказывать радостное и торжественное согласіе. Сладко было мнѣ найти, такъ сказать, возлѣ себя женщину имѣющую всѣ права на свѣтскія претензіи, но которая ихъ отметааетъ съ тѣмъ, чтобы искать молитвеннаго уединенія съ Господомъ. Княгиня содержала все это въ тайнѣ и сама удивлялась, почему мнѣ пересказала о томъ. Благодарю Бога за эту сосѣдку; мнѣ отраднѣ была такая бесѣда. Возвращаясь домой, я снова прошелся ея садомъ и притомъ по новой дорожкѣ; деревья въ саду, не смотря что велики, посажены рукою княгини. Садикъ на плоскомъ мѣстѣ, и въ немъ очень пріятно прогуливаться. Вечеромъ посѣтилъ меня Дм. Иван. и Анна Александр. Турчанинова, для которой въ моемъ кабинетѣ мы приготовили особенную кровать; какъ только она пришла, такъ и повалилась на нее. Она очень къ намъ ласкается, но осторожна въ словахъ; это производитъ на мое сердце не такъ пріятное прикосновеніе.

*

18-го Октября.

Начитавшись по обыкновенію, пошелъ къ князю на обычное чтеніе. Князь интересовался нашимъ домашнимъ положеніемъ, особенно спрашивалъ о здоровьѣ жены моей. Послѣ обѣда, когда дѣвица Мауреръ начала читать ему Дорожныя Записки по Россіи виконта Дарленкура, я хотѣлъ было уйти, то онъ удержалъ меня. Ты такъ рѣдко ко мнѣ ходишь, сказалъ онъ мнѣ, то пожалуй посиди у меня сего-дня. Я остался у князя до чаю, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Вообще, князь съ нѣкотораго времени началъ ласковѣе принимать меня. Замѣчаю новыя лады сестры князевой съ Козловскимъ; надолго ли только это? Мнѣ удалось приласкать Шмидта въ присутствіи князя, чѣмъ лекарю

было очень пріятно. Я взялъ у сестры князевой романъ Вальтеръ-Скота: Пертскую красавицу, которую и началъ читать, а поутру дочиталъ книгу, Бальзаковъ рассказъ: Лилія въ долині. Я прочиталъ книгу Бальзакову съ увлеченіемъ; не одинъ разъ глаза мои наполнялись слезами; тема рассказа состояла въ изображеніи чувственной и платонической любви; стиль Бальзака изысканъ, но съ большимъ одушевленіемъ. Я читаю много книгъ разомъ; сего-дня же началъ читать другой рассказъ Бальзаковъ: Сельскій Докторъ. Это сочиненіе не въ первый разъ я прочитываю. Дѣвица Мауреръ рассказывала у князя забавные и занимательные анекдоты о покойной княгинѣ Голицыной, владѣтельница Корейса и о мальчикѣ Ошандо, племянникѣ баронессы Беркгеймъ *).

*

19-го Октября.

Я забылъ важнѣйшее обстоятельство: вчера исполнился годъ, какъ я живу на южномъ берегу Крыма. Сколько чувствованій перемелькало въ душѣ моей; сколько страстей разливалось по вѣроломному сердцу; сколько разъ прогнѣвлялъ я своего Господа-благодѣтеля. Прости мнѣ, Искупитель мой, всѣ паденія мои и не сочти на мнѣ строго мою преступную немощь; прошу тебя, во имя Твоей Матери. Нынѣшній день я весь зачитался. *La Jolie Fille de Perth* и *Médecin de Cambragne* Бальзака увлекли меня въ водоворотъ мечтаній. Все это на щетъ бѣдныхъ глазъ моихъ. Всѣ мои занятія состоятъ въ непрерывномъ почти чтеніи книгъ и въ яденіи винограда, котораго въ десять дней съѣли мы цѣлый пудъ. Кромѣ Мюската Александрійскаго, который мнѣ и понаскучилъ, кромѣ Изабель, который также мнѣ надоѣлъ, мы лакомились большими гроздами краснаго и фіолетоваго винограда, подъ названіемъ Малагскаго. Виноградъ этотъ крупный, нѣжный и сладкій; еще ѣли мы виноградъ такъ называемый Кларетъ; это желто-зеленый цвѣтомъ и пріятнаго вкуса. Виноградъ мнѣ полезенъ, онъ поправляетъ желудокъ.

*

20-го Октября.

На нынѣшнее утро у меня было очень много письменной работы: писалъ письмо къ директору Гартвису о винѣ; писалъ отвѣтъ Михайлѣ Кондратьевичу Липсу въ Петербургъ и Констант. Николаев. Жегочеву въ Симферополь; къ симъ письмамъ присоединены и прочія, которыя прежде были изготовлены, и все это передано моему слугѣ Ивану, котораго верхомъ отправили въ городъ Ялту; на силу могли

*) Баронесса Беркгеймъ—дочь знаменитой Крюднерши.

нанять для него Татарскую лошадь, въ двухъ мѣстахъ наемъ нашъ получалъ неудачу. Слугѣ слѣдовало въ тоже время проѣхать въ Никитскій садъ къ Гартвису и привести мнѣ вина, котораго ни вчера, ни сего-дня не было у меня за столомъ. Управитель отказалъ мнѣ въ ослѣ. Эти подробности ничтожны, скучны, но онѣ опредѣляютъ характеръ моего житія и что если въ самомъ раѣ не будетъ комфорта, то и тамъ не весело покажется. Всякая бездѣлица, къ спокойствію съ трудомъ добываемая, очень колюча для сердца, которое щемитъ и тоскуетъ. Въ архивъ къ Варинькѣ отдалъ пятнадцать старыхъ писемъ, на которыя уже отвѣчено. Я радъ, что освободился отъ писанья и набросился на чтеніе; Вальтеръ-Скотъ и Бальзакъ не выходили изъ рукъ моихъ; теперь-то я ясно вижу, какъ геніаленъ былъ Вальтеръ-Скотъ и сколько разнородныхъ элементовъ достоинства вмѣщаль этотъ могущій талантъ. Вечеромъ уже возвратился мой человѣкъ и все исправно выполнилъ по моему назначенію.

*

21-го Октября.

Полутру посѣтилъ меня митрополитъ Агаангелъ, Грекъ, проживающій въ монастырѣ Святаго Георгія на южномъ берегу; онъ возвращается во свояси изъ путешествія предпринятаго вмѣстѣ съ здѣшнимъ епархіальнымъ архіереемъ, который еще и до сихъ поръ не возвратился въ Одессу. Старецъ очень добродушный, родомъ изъ Кефалоніи; деньги получаемыя отъ казны на свое содержаніе онъ употребляетъ на пользы монастырскія. Сего-дня—день моего дежурства у князя; я ему читалъ его рукопись въ то время, какъ сестрица его предавалась сладкому сну..... Ясновидящая нахваливаетъ Ан. Алек. Турчанинову и выхваляетъ ея quasi-духовно-врачебную силу. Князь замѣтилъ мнѣ съ добродушіемъ, что я два только раза бываю у него въ недѣлю и что онъ будетъ радъ меня чаще у себя видѣть. Я замѣтилъ, что присутствіемъ своимъ могу помѣшать его обычнымъ занятіямъ. Ты никогда мнѣ не помѣшаешь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, и вотъ въ слѣдствіе сего напоминанія я отозвался, что на какой нибудь часъ времени я буду являться къ нему по Воскресеньямъ. Замѣчаю возрастающую пріязнь между сестрою князя и Козловскимъ; въ малый промежутокъ времени, когда мы оставались одни, сестра успѣла объявить мнѣ о своемъ неудовольствіи на гр. Салтыкова; видно, что Козловскій успѣлъ опрокинуть ее на графа, который, по словамъ ея, много накуролесилъ.... Нескончаемая драма сплетней, обмановъ и притворства! Во время, когда я былъ въ домѣ княземъ посѣтила его княгиня Мещерская. Разговоры были кое о чемъ и между прочимъ о балахъ Кореисскихъ..... Мастерница и княгиня козыряютъ въ чужую масть, но

это еще не мѣшаетъ ея истинному аристократическому достоинству. Послѣ сего пріѣхалъ и Крымскій губернаторъ. Я его не очень хорошо разглядѣлъ по причинѣ худыхъ глазъ моихъ и темноты въ комнатахъ. Князь занялся съ нимъ.

*

22-го Октября.

Нынѣшній день Православная Церковь празднуетъ Казанскую Божию Матерь; я счелъ за нужное быть въ церкви за обѣдней. Это мой родной праздникъ; но я не умѣлъ святить его; коварное сердце мое все умѣло и желать и дѣлать кромѣ хорошаго. Родными моими я благословленъ былъ образомъ Казанскія Божія Матери. Въ лѣта отрочества моего, когда я гостилъ въ селѣ Горинскомъ, въ домѣ бабушки моей Авдотьи Никитишны Колобовой, урожденной дѣвицы Гурьевой, я былъ благословленъ ею симъ образомъ. Теперь не соображу, въ которомъ это было году; но кажется не за долго до 1805 года. Маленькому мнѣ въ день именинъ обыкновенно дарили рубль серебромъ; на эти-то подаренные рубли родители мои заказали сдѣлать простинькую серебряную ризу; на другой сторонѣ иконы отецъ мой собственноручно написалъ: образъ Юрія Бартенева, 1805 года. Этимъ образомъ благословляли родители меня, когда отправляли учиться въ Москву въ Университетскій Пансіонъ; послѣ смерти отца моего этимъ образомъ благословила меня и мать моя, когда, въ 1809 годѣ, отпускала меня на службу въ Дворянскій полкъ. Помнится мнѣ, что покойная сестра моя, Марья Никитишна, сшила на этотъ образъ футляръ изъ толстаго темно-зеленаго сукна. Сколько достаетъ памяти моей, я вѣрно припоминаю, что во всѣхъ походахъ и поѣздкахъ я носилъ и ношу его на груди своей. Въ незабвенную кампанію 1812 года я носилъ его, и часто на бивакѣ моя Казанская Царица стояла въ изголовьѣ моей солдатской постели; словомъ, образъ всюду сопровождалъ меня, и благодать Всепѣтой Матери дивно хранила меня отъ всякой напасти. И когда поѣхалъ въ Крымъ, она была на груди моей, вмѣстѣ съ финифтянымъ образомъ св. Митрофанія, которымъ благословилъ меня кн. Александръ Николаевичъ. Вотъ и въ самую эту минуту, когда пишу сіи строки на своемъ бюро, Царица Небесная стоитъ на этомъ же бюро у Распятія прямо предъ глазами моими. Перейди, моя Царица благодѣтельная, перейди въ мое сердце грѣшничье, будь со мною неразлучна и покрывай насъ Твоимъ божественнымъ покровомъ; пусть мое сердце, знойное отъ страстей и коварныхъ пожеланій, очистится Твоимъ чистѣйшимъ присутствіемъ и будетъ постояннымъ Твоимъ престоломъ и сѣдалищемъ. Да будетъ тако, Пресвятая Царица, если только на это есть воля сына Твоего. Аминь. Я молился за

обѣднею усердно, но день провелъ не такъ покойно. И во первыхъ, подали обѣдъ испорченный и дурной; виновать въ томъ не столько поварь, сколько здѣшняя пустая сторона; и если что изъ съѣстныхъ припасовъ и достать можно, то негдѣ сохранить и сберечь; мнѣ даже немножко тошно сдѣлалось, и я запилъ тошноту чашкою густо сваренаго чернаго кофею. Вино, которое привезли мнѣ отъ Гартвиса, оказалось не то, что было прежде; это какое-то затхлое, окрѣпое и дурное; управитель директора не того отпустилъ мнѣ, котораго отпускали прежде. И понапрасну человекъ мой трудился и сберегалъ эти десять бутылокъ ѣдучи верхомъ. Кромѣ того и зелень, присланная на дорогой подводѣ Жегочевымъ изъ Симферополя, оказалась по большей части мелкою, гунявою и негодною; покрайней мѣрѣ такъ моя грустная хозяйка отозвалась. Все это навело на меня грустное чувство, которое, однако имѣло скоро хорошую сторону, ибо своею оппозиціею шаткимъ и преходящимъ желаніямъ моимъ оставаться въ Крымѣ оно проясняло, утверждало и окрыляло меня въ намѣреніи оставить совсѣмъ Крымъ, если только на то будетъ воля Божія. Кромѣ печальнаго настроенія духа, сердце поражалось сбродомъ нечистыхъ припоминаній былаго, позорнаго... Какъ знать, не увивалось ли что около этихъ позорныхъ припоминаній.—Не берегъ я глаза свои и почти неотступно пробѣгалъ: *La Jolie Fille de Perth*.

*

23-го Октября.

Я былъ за обѣднею и сего-дня, хотя и поздно пришелъ въ церковь. Въ церкви было мало народа. Погода стоитъ восхитительная; деревья въ пріятной для глазъ осенней зелени съ жолтизною. Катя моя вздумала идти отдать визитъ княгинѣ Мещерской, я остался одинъ съ моими думами; чего только я не передумалъ, ходя по своему обширному кабинету и стеклянной галлерей. Мысли мои были и смутны и проникнуты надеждою. Болѣе думалось объ оставленіи края, который казался мнѣ обширною тюрьмою. Варинька отправилась на обычное дежурство къ князю. Она была свидѣтельницею продѣлокъ сестры князевой съ Козловскимъ, котораго она ласкаетъ въ глаза, а за глаза бранить. Лиза приходила ко мнѣ просить моей подорожной; завтра отправляется въ Ялту приобщаться святыхъ таинъ. Утромъ я съ наслажденіемъ дочиталъ *La Fille de Perth* и не могу довольно возблагодарить автора, котораго душу да упокоитъ Господь въ Своихъ селеніяхъ. Чувствую, что боль въ лѣвомъ боку не проходитъ; чувствую въ себѣ также и изжогу, это вѣрно отъ худаго обѣда. По внутренности не впадаю въ совершенное уныніе, однако сего-дня грустилъ и скучалъ почти цѣлый день.

*

24-го Октября.

Погода стала измѣняться; подули холодные вѣтры; началъ накрапывать дождикъ, когда я пошелъ къ обѣднѣ, за которою приобщалась святыхъ тайнъ дѣвица Мауреръ. Потомъ, отдохнувши немножко дома, пошелъ къ князю съ толстымъ квадрантомъ въ переплетѣ. Это въ слѣдствіе намеренія его полу-упрека, что я рѣдко къ нему хожу; доселѣ по Воскресеньямъ я къ нему не ходилъ. Вотъ я началъ читать ему изъ моей толстой книги разныя росказни. Сія книга есть *Musée des Familles*, извѣстный иллюстрированный журналецъ, и такія страшныя пьесы попадались, что дѣвица Мауреръ принуждена была уходить изъ комнаты; читалъ о кончинѣ Жанны Грей, о судебномъ поединкѣ и проч. И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ чтенія пріѣзжаютъ гости: княгиня Голицына со своимъ сыномъ Суворовымъ и еще съ женихомъ и невѣстою, которыхъ представляли князю. Разумѣется читальщику ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти, что я и сдѣлалъ. Впрочемъ я имѣлъ немножко времени поговорить съ Суворовымъ.

Потомъ Варинька, ходившая къ князю читать газеты, принесла еще письмо мнѣ отъ Бардовскаго. Я все не получаю писемъ отъ тѣхъ, которые должны были бы написать ко мнѣ; но лучше оставить заботу и предать себя въ волю Божию.—Сего-дня послѣ обѣда Анна Александр. прислала мнѣ жареныхъ каштановъ, которые я съѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ; онѣ такъ свѣжи и вкусны; у меня въ домѣ не умѣютъ такъ жарить.

Съ нѣкотораго времени Дмитр. Иванов. становится со мною какъ-то сухъ и пересталъ ко мнѣ ходить; мы встрѣчаемся съ нимъ за обѣдней, что и сего-дня случилось, но уже по прежнему не заходитъ ко мнѣ. Мнѣ кажется, что онъ ожидаетъ моего визита....

*

25-го Октября.

Сегодня мы пошли въ церковь слушать заупокойную обѣдню и панихиду по батюшкѣ, прочимъ роднымъ моимъ и многочисленнымъ знакомымъ, потому что въ моемъ помянникѣ всѣ почти имена записаны тѣхъ, которые близко касались или гражданской, или внутренней жизни моей. 1806 года 25-го Октября скончался добрый мой родитель, и по прошествіи тридцати семи лѣтъ едва ли не впервые разъ удалось мнѣ вспомнить его предъ Господомъ. Живя въ Крыму болѣе года, въ первый еще разъ случилось, что я четвертый разъ сряду бываю за обѣдней.—Сего-дня Понедѣльникъ, а потому я и отправился къ князю на чтеніе и обѣдъ. Мнѣ тяжело было идти противу вѣтра.

Послѣ чтенія обычнаго о магнетизмѣ я началъ читать ему продолженіе (еще и до сихъ поръ тянущееся) не докончанной многотомной повѣсти Евгенія Сю: *Les mystères de la ville de Paris*, которую началъ читать еще въ Москвѣ прошлаго года. При этомъ чтеніи вышло одно обстоятельство или, лучше сказать, новая мистификація Елис. Михайловны. Не хочу описывать, въ чемъ она состояла (всего не опишешь), но только, что она не хотѣла слушать, чтѣ я читалъ брату, хотя тотъ всемѣрно упрашивалъ ее, чтобы послушала. За обѣдомъ опять новое обстоятельство подобнаго же рода; здѣсь уже я не успѣлъ сдержать себя, такъ сказать, прорвался и подъ фигурую общихъ выраженій ясно ей изобразилъ мое негодованіе; на остатокъ моего посѣщенія, соперница моя поприсмирѣла, и душа моя пришла въ должныя границы. Старикъ послѣ обѣда вздремнулъ, а я потихоньку выбрался изъ дому и зашелъ къ Аннѣ Александровнѣ, у которой очень давно не бывалъ. Старуха была мнѣ очень рада, и мы провели съ ней часокъ-другой времени очень пріятно. Странная мысль пришла ей однажды въ Петербургѣ объ Адамѣ: она посылала одного ей знакомаго человека спрашивать священника, можно ли служить Адаму молебны, или приносить о немъ моленіе за панихидою? Анна Александровна успокоила раздраженные мои чувства, и я спокойно и даже съ пріятностію возвратился домой. Горы величественно красовались въ какомъ-то серебряномъ или стальномъ отраженіи; у меня просторно, тепло, свѣтло. Въ такомъ отдаленномъ краѣ, гдѣ теперь я живу, какъ пріятно обознаться и осматриваться въ своей кельѣ. Сбросивши платье, въ шлафрокѣ, съ трубкою табаку, спокойный видишь, какъ все обращается около тебя, идеи и событія, все колышется, какъ бы внѣ тебя; отъ тебя зависитъ быть покойнымъ зрителемъ всего окружающаго; но, увы! я не таковъ: малая война, которую открываетъ иногда противу меня сестра князева, мятетъ и раздражаетъ духъ мой, и чувство мое, обращаясь въ ропотъ, оглашаетъ безвременно слухъ моего ближняго.

*

26-го Октября.

Я пробудился поздно, наполненный стихіями негодованія и какого-то безпокойства, происходящими отъ вчерашнихъ событій. Хотя я и не имѣлъ большаго упрека въ совѣсти, но это помѣшало моей утренней молитвѣ, и я провозился въ этой болотной тинѣ все то время, которое предназначено было для сего занятія. Вышелъ ли я однакожъ изъ сей тины не загрязнившись, не знаю. Душа моя какъ-то облѣнилась, и я долго нынѣшнее утро не одѣвался. Швейцарецъ Эпельманъ, архитекторъ южнаго берега Крыма, посѣтилъ меня, и мы долго съ нимъ побесѣдовали; онъ остался у меня и обѣдать, чѣмъ Богъ по-

слалъ. Мы о многомъ разговаривали, и я немало отъ него узналъ мѣстныхъ подробностей. Но не довѣтъ христіанину всего того записывать. Вотъ и докторъ Шмидтъ присылаетъ ко мнѣ письмо и проситъ книжки почитать: потомъ опять присылаетъ ко мнѣ съ вопросомъ, угодно-ли мнѣ, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ. Разумѣется, я изъявилъ согласіе, и добрый Шмидтъ явился ко мнѣ не безъ замѣшательства. Этотъ визитъ можно назвать полнымъ примиреніемъ. Между прочимъ, былъ у насъ занимательный разговоръ о Вѣнскомъ окулистѣ Эгерѣ, котораго удобнѣе было бы вызвать князю, чѣмъ Вандетти, который Богъ знаетъ, гдѣ теперь находится. Но взятую и усвоенную идею князь не скоро перемѣняетъ.

*

27-го Октября.

Я расположился было остаться на весь день дома и одѣвшись покойно ходилъ по своей комнатѣ, какъ вошедшая въ мою комнату Варинька вздумала дать мнѣ вотъ какой совѣтъ: не худо-бы вамъ побывать у князя; Козловскій уѣхалъ на балъ по случаю сговора побочной дочери кн. Голицына; слѣдовательно князь остался одинъ, и ему естественно предстанитъ себѣ, что вы о томъ знаете. Ваше къ нему теперь посѣщеніе возьметъ характеръ произвольнаго дѣйствія и побужденія быть ему пріятнымъ. Я послушался Вариньки, какъ голоса Провидѣнія, указывающаго мнѣ даже на мелочъ жизни, отправился тотъ же часъ къ князю и взялъ съ собою толстую книгу: Musée des Familles, чтобы продолжать чтеніе, начатое и прерванное въ Воскресенье. Прихожу: князь сходитъ сверху. Вотъ я пришелъ къ в. сіят., зная, что Козловскій уѣхалъ. Благодарю, сказалъ мнѣ князь, но ты самъ мнѣ далъ обѣщаніе ходить ко мнѣ по Серодамъ, такъ чтобы въ недѣлю два раза обѣдать, да два раза такъ прійти. Такимъ образомъ Юрій Никитичъ еще день въ недѣлю долженъ являться на дежурство. Да будетъ воля Божія: я отъ того дѣла не прочь, только бы было князю пріятно; трудность бы не велика, да только люди мнѣ не нравятся кѣмъ окруженъ князь. Какъ себя чувствуешь? спросилъ меня князь. Не такъ-то хорошо, в. сіят. А какъ же, братецъ, сестра и мои люди сказали мнѣ, что у тебя цвѣтъ въ лицѣ прекрасный. Неужели я стану лгать, в. с., если я чувствую себя нездоровымъ? Въ продолженіе моего чтенія, я не однажды будилъ князя, а сестру его просто оставилъ не будя. Я упомянулъ о цвѣтѣ лица для того, что и въ первый пріѣздъ мой на южный берегъ дѣвица Кологривова встрѣтила меня такимъ же взглядомъ, и видно глазъ ея не хороша, что я столько мѣсяцевъ пролежалъ боленъ.... Вообще, когда она говоритъ со мною о моемъ здоровьѣ, то меня по кожѣ подираетъ. Старикъ-князь охотно

спить, потому что дряхлѣетъ и особенно если чтеніе не по его вкусу. Когда время сближалось съ обѣдомъ, я поспѣшилъ уйти домой. Дмитръ Ивановъ. Поповъ зашелъ ко мнѣ по утру, и мы вмѣстѣ отправились по дорогѣ. Кажется, что нѣтъ причины думать, что онъ убѣгаетъ меня, хотя онъ и рѣдко началъ ходить ко мнѣ; мнѣ самому точно слѣдуетъ побывать къ нему. Обѣдъ былъ у меня хорошъ, но отъ печеныхъ каштановъ я почувствовалъ какое-то разстройство въ желудкѣ: винограду, особенно Малагскаго, ѣмъ много, и онъ мнѣ и пріятенъ, и полезенъ. Съ почты мнѣ принесли одно письмо изъ Петербурга, отъ одного Миллера, который проситъ моего ходатайства у князя; но писемъ ожидаемыхъ нѣтъ какъ нѣтъ! Я уже не буду объ этомъ обстоятельстве распространяться, все отдамъ въ волю Божию. Вечеромъ приходила ко мнѣ Лиза и объявила, что послѣ завтра совсѣмъ уже переходитъ она на житье къ княгинѣ Мещерской. Добрый и благословенный путь сиротѣ, въ обществѣ которой я прожилъ болѣе года; Господь да управитъ ея будущностію; судьба сиротъ въ рукахъ добраго нашего Господа. Варинька принесла мнѣ много газетъ отъ князя.

*

28-го Октября.

Отправился передъ обѣдомъ къ князю для чтенія магнетическаго трактата, который, матку правду сказать, скучноватъ. До обѣда вышелъ крупный разговоръ, и вотъ по какому случаю. Я сказалъ, что Лиза ко мнѣ приходила вчера съ увѣдомленіемъ, что она переходитъ къ княгинѣ Мещерск. На это Козловскій такъ отозвался: Во время вчерашняго бала у кн. Голицына жена Гартвиса много говорила празднаго на щетъ этой сироты, что напрасно княгиня ее беретъ, что лучше бы было, когда бы Лизу отдать въ домъ какого-нибудь простаго, но честнаго семьянина, въ которомъ бы научилась женскому, хозяйственному ремеслу; что Лиза, бывъ низкаго происхожденія, не должна быть возводима въ высшее и проч. и проч. Я довольно умиротворилъ выраженія жены Гартвиса, какъ онѣ были переданы Козловскимъ; жена Гартвиса говорила рѣзче и обиднѣе. Козловскій заступился и почти заставилъ молчать эту болтунью. Это подало поводъ къ общей матеріи, гдѣ мы всѣ разгорячились; сестра князева тоже вистовала, подпуская разныя врачебныя замѣчанія, что вызвало, между прочимъ, Козловскаго сказать князю, что есть въ жизни такія обиды, которыхъ простить нельзя и проч. Я отвѣтствовалъ, что христіанину всѣ нанесенныя ему обиды прощать должно, но есть изъ нихъ и такія, которыхъ забыть невозможно, и подойдя къ князю, продолжалъ: Есть обиды нескончаемыя, продолжительныя, наносимыя, такъ сказать, методически, образованныя въ систему малой войны, о которыхъ обидахъ

самые даже ближніе не помышляютъ, а чувствуютъ и страдаютъ только тѣ, кому онѣ наносятся. Вотъ эти-то обиды тяжки, и ихъ забыть нельзя; впрочемъ, мои правила я вывожу стихомъ одного Русскаго поэта: могущему пороку—брань, безсильному—презрѣнье. Не знаю, догадался ли князь, на кого я мѣтилъ; но слова мои выливались отъ сильнаго ощущенія и если бы было побольше ко мнѣ любви у князя и помѣнѣ эгоизма, то онъ не могъ не замѣтить, что эти слова произносило сердце оскорбляемое и обижаемое ближнимъ ему человѣкомъ—его сестрою... Въ это время дѣвица Кологривова сидѣла какъ стопочка, моргая и, можетъ быть, въ опасеніи, чтобъ не окончилось дѣло худомъ. Она всегда присмирѣетъ, когда дашь ей острастку. Послѣ обѣда надлежало мнѣ читать продолженіе повѣсти Евгенія Сю, но помѣшалъ чтенію пріѣхавшій Ягницкій *), съ которымъ князь долженъ былъ немножко заняться. Впрочемъ князь не очень былъ на сторожѣ; ибо, поговоря нѣкоторое время, онъ задремалъ. Я побольше разглядѣлъ полковника Ягницкаго, который во все время посѣщенія говорилъ только о симоніи духовенства, о содержаніи, которое потребовалось отъ него для пѣвчихъ его преосвященства и о сборахъ, взимаемыхъ съ церкви. Есть Греческая церковь, говорилъ онъ, въ Симферополѣ, которая имѣетъ нѣсколько вкладовъ и слѣдовательно болѣе постоянныхъ доходовъ, чѣмъ другія; изъ девяти тысячъ рублей, получаемыхъ ею въ доходъ, отылаются въ епархіальное вѣдомство акциденціи. Какъ-то звалъ прошлаго года гр. Воронцовъ, помнится, четырехъ іеромонаховъ изъ здѣшняго монастыря на служеніе, и въ два дня полковникъ Ягницкій отпустилъ къ полному ихъ обѣду полведра Французской водки, два ведра винограднаго вина, шестнадцать бутылокъ лучшаго столоваго вина и шесть бутылокъ Шампанскаго. Святые отцы все это выпили и еще получили сто рублей серебромъ награды. Вотъ что поразсказалъ Ягницкій князю. Не смотря на интересность разговора, онъ мнѣ что-то не понравился; кажется, себѣ на умѣ. Сегодня я долго сидѣлъ у князя даже до вечерняго чаю и дочитывалъ ему разныя мелочи изъ газетъ. Пришелъ домой, и меня дружески встрѣтили моя Катя и Варинька. Князь подарилъ мнѣ глазной зонтикъ, или, лучше сказать, я самъ у него выпросилъ этотъ зонтикъ. Почиталъ Бальзакова Лекаря, да что-то не такъ нравится.

*

29-го (Октября).

Ночью шестеро Татаръ вломились въ маленькій домикъ на улицѣ, занимаемый вдовою Клоцъ, сосѣдкою нашею; она откупилась, давши

*) Сослуживецъ М. С. Воронцова и главный управляющій его имѣніями.

имъ что-то; между тѣмъ, успѣла выскочить въ заднее окошко и разбудить нѣкоторыхъ изъ дворовыхъ людей, принадлежащихъ къ усадьбѣ Корейской; пришедшіе на помощь люди застали только двухъ Татаръ, не успѣвшихъ или не умѣвшихъ по причинѣ пьянства убѣжать, и опознали ихъ. Въ продолженіе дня нашъ управитель отправился въ Ялтинскій Земскій Судъ съ прошеніемъ вдовы Клоцъ, и сей часъ же пріѣхавшій засѣдатель схватилъ тѣхъ двухъ опознанныхъ людей и отправилъ подъ карауломъ въ тюрьму; въ числѣ схваченныхъ былъ одинъ лавочникъ, ближайшій нашъ сосѣдъ. Подобнаго событія никогда не запомнятъ въ здѣшнемъ краѣ, вообще здѣшніе Татары тихи и робки. Странно, какъ это случилось; схваченные не отпираются, что они приходили въ домъ, въ которомъ выбита окончина, но запираются въ томъ только, что ничего не получали отъ вдовы и все сваливаютъ на безпамятное пьянство. Услышимъ, что будетъ впослѣдствіи. Я опять принялся дочитывать мою любезную психологію Ботеня; она вводитъ по маленьку меня въ міръ тайнствъ жизни внутренней, души человѣческой. Вечеромъ заготовилъ письмо и посылку къ Ѳедору Карловичу Мюльгаузену; посылка составляетъ подарокъ и состоитъ изъ пяти томовъ довольно рѣдкаго путешествія по Черкесіи, Грузіи, Крыму и проч. и тома Живописнаго Путешествія по Крыму Демидова, при которомъ множество прекрасныхъ картинокъ. Письмо вылилось изъ души съ силою; желаю, чтобъ оно принялось съ тѣмъ же радушіемъ съ какимъ и писалось. Большую часть дня я былъ одинъ; ходилъ или сидѣлъ по комнатѣ; событія прошедшей жизни, особенно растерянной по столицамъ Москвѣ и Петербургу, припоминались и подтамливали мою чувственность; разумѣется, что событія сіи были наимерзостнѣйшія по любострастію гнусному и безотчетному. Не знаю навѣрное, какъ я ихъ переживалъ; но я просилъ Господа и Чистѣйшую Дѣву, Мать Его, отогнать столь привычныя для меня навожденія..... Лакомлюсь виноградомъ, особенно Малагскимъ; Катя подаетъ мнѣ его въ обиліи; столъ у меня прекрасный. Богу благодареніе! Тропа моя не шероховата. Лиза приходила днемъ прощаться съ нами, остающимися въ Корейскъ; она совершенно уже переходитъ на житье въ домъ княгини Мещерской.

*

30-го Октября.

Я принялся приводить въ порядокъ, читать и отмѣчать статьи для князя въ двухъ журналахъ: *Pittoresque Revue de Paris*. Изъ нихъ выбираю самыя любопытныя пьесы для прочтенія его сіятельству, и мнѣ придется ихъ передавать ему по Средамъ и Воскресеньямъ. Покуда—

это дѣло наладилъ. Вдругъ посѣщаетъ меня г. Казначеевъ*); онъ предсталъ мнѣ съ улыбающимся видомъ, какъ добрый знакомый. Я принялъ его привѣтливо, но не съ такимъ внутреннимъ расположеніемъ, какъ бывало то прежде. Онъ ожидаетъ жены своей въ будущее лѣто вмѣстѣ съ сыномъ, котораго въ то время выпустилъ въ инженерные офицеры. Сынъ его, по словамъ отца, нынѣшнее лѣто былъ откомандированъ въ Тверь, для дѣланія полотна на желѣзную дорогу. Еще сказывалъ онъ мнѣ, что сенаторъ Данилевскій по высочайшему соизволенію приступилъ къ составленію исторіи о Итальянскихъ походахъ Суворова. Вмѣстѣ съ Казначеевымъ приходила къ женѣ моей и княгиня Мещерская, которая распространялась о выгодахъ жизни въ Крыму; для богатыхъ вездѣ просторно. Съ почты получилъ двѣ книжки Отечественныхъ Записокъ, на которыя я накинудся какъ голодный коршунъ на лакомую добычу. Обѣ проглотилъ я въ малое время. Варинька, пришедшая отъ князя, подсыпала мнѣ новыхъ газетецъ и принесла романъ Вальтеръ-Скота Вудстокъ, который тутъ же я началъ читать. Я не жалѣлъ вечеромъ глазъ моихъ и подъ зонтикомъ роскошествовалъ въ чтеніи, сколько душѣ было угодно; очень поздно легъ спать. Признаться, Крымъ для меня есть обширная тюрьма, и я утѣшаюсь Русскою пословицею, что если чего не найдешь въ себѣ, то не найдешь и въ селѣ. Не могу, однако, отказать себѣ въ удовольствіи считать дни, какъ они проходятъ; грѣховна моя нетерпимость и мала вѣра моя въ неизмѣнно-благое Провидѣніе. Ночи я сплю спокойно и терпѣливо пропускаю проволоку жизни моей.

*

31-го Октября.

Я немножко поопоздалъ къ обѣднѣ; послѣ, отдохнувши немножко и выкуривши трубки полторы табаку, побѣжалъ къ его сіятельству на предобѣденное чтеніе. На этотъ разъ мнѣ привелось читать заключеніе извѣстной повѣсти Евгенія Сю на четырехъ фельетонахъ Журнала Преній. Такимъ образомъ окончилась эта длинная повѣсть, начатая чтеніемъ еще въ Кіевѣ. Елис. Михайл., чтобъ не дать мнѣ этихъ листовъ, выкинула обычную штуку, будто бы не захотѣла слушать, легла на софу и предалась сну праведницы; одно лишь дизгармоническое ея храпѣнье разносилось по горницѣ. Чтенія еще оставалось, какъ явились къ обѣду Дм. Ив. Поп. и Козловскій. Князь показывалъ загадочное нетерпѣніе; ему хотѣлось и кушать, и дослушать рассказъ; мое состояніе чтеца, который долженъ быть во время выпровожденъ, тоже незавидное; наконецъ я дочиталъ повѣсть и побѣжалъ опростеться

*) Это Александръ Ивановичъ, Таврическій губернаторъ.

домой. Дома меня засталъ вкусный обѣдъ, добрыя щи съ Русскимъ пирогомъ, было и жаркое и пирожное, котораго я съѣлъ нѣсколько кусковъ; послѣ обѣда винограду въ волю, потомъ чашка кофе. Слава Богу! Не завидую ничьему обѣду; у меня дома хорошо.

*

1-го Ноября.

Чтенія не было, по той причинѣ, что пришла въ тоже время къ князю княгиня Мещерская. Вскорѣ прибылъ туда же и Горяиновъ недавно пріѣхавшій изъ Россіи; онъ предъ этимъ разсматривалъ въ Кореисѣ Розовый Павильонъ и маленькій домикъ, что на дорогѣ, и все это по препорученію сестрицы своей Вѣры Алексѣевны Муравьевой, которая намѣревается пріѣхать жить сюда. При общемъ разговорѣ я счелъ за нужное молчать; канва бесѣды состояла въ воспоминаніи о людяхъ и ихъ свойствахъ. Княгиня Мещерская приласкала меня, сказавши, что, не смотря на то, что она третьяго дня была у насъ, она нарочно хотѣла вчера придти на мой счетъ. Горяиновъ что-то косится на меня и даже, взошедши, не счелъ за нужное поклониться. Послѣ обѣда пришелъ и архитекторъ Эшельманъ; это душа доброжелательствующая мнѣ. Княгиня очень любезничала въ разговорѣ и прочитала вслухъ письмо изъ Англіи графа Воронцова къ князю.

*

2-го Ноября.

Опять позабылъ про вчерашнее свое занятіе. Я написалъ два письма: въ Петербургъ и Москву, первое къ Миллеру въ отвѣтъ на его письмо, второе къ Аннѣ Егор. Смѣльской, чтобъ прислала намъ хорошаго Московскаго чаю. Я принялся опять за чтеніе психологіи Ботеневой; она просвѣщаетъ мой умъ и довольно ясна по первому прикосновенію. Когда я брился, то вдругъ нечаянно входятъ ко мнѣ нежданные гости: Казначеевъ и полковникъ Олива съ сыномъ. Послѣдній пріѣхалъ повидаться съ княгинею Мещерскою. Мнѣ вздумалось посѣтить сію послѣднюю, и вотъ одѣвшись я пошелъ къ ней; тамъ еще вновь встрѣтился съ моими гостями и увидалъ дочь Оливы, дѣвушку съ умною фizioноміею, но болѣзненную и блѣдную.

*

3-го Ноября.

Пришедши къ князю, засталъ у него архитектора Эшельмана и только что расположился читать, какъ входитъ князь Голицынъ со своимъ пасынкомъ. Они не дали мнѣ читать и все проговорили; здѣсь и я довольно говорилъ. Впервые здѣсь услышалъ о смерти кн. Козловскаго, дипломата бывшаго при г. Паскевичѣ въ Варшавѣ; я его

видывалъ во время оно въ Петербургъ, на вечеръ князя Одоевскаго; онъ пользовался репутаціею очень умнаго дипломата. Говорили о сатирическомъ и недобросовѣстномъ взглядѣ на Россію маркиза Кюстина; я сказалъ имъ, что какой-то Русскій напечаталъ въ Парижѣ опроверженіе на этотъ гнусный и зловонный пасквиль, въ которомъ помѣщены даже личности.

Я читалъ занимательнѣйшую книжку, какихъ мало печатають на Русскомъ языкѣ: *Странствователь по сушѣ и морямъ* *); авторъ неизвѣстенъ. Предметы имъ описываемые отрывочны, дѣло все касается срединной части Азіи; рассказы оригинальны и по предмету, и по изложенію.

*

4-го Ноября.

На этотъ разъ чтеніе состоялось, никто не помѣшалъ; нѣкоторые изъ слушателей дремали. Послѣ чтенія, когда сошли внизъ, то князь сказалъ мнѣ по нѣкоторомъ предварительномъ подготовленіи, что я не возвратилъ самъ ему той рукописи, которую князь давалъ читать кн. Одоевскому; я точно на этотъ разъ запомнилъ объ этой рукописи. Сестра его молвила по этому предмету: какая еще чудная память у брата! Нисколько не чудна, замѣтилъ я: о рукописи, у меня хранящейся, вѣроятно, напомнилъ вамъ кн. Козловскій, которому я давалъ ее читать. Дѣйствительно, Козловскій сказалъ мнѣ объ этомъ, продолжалъ князь, потому что теперь мы дѣлаемъ каталогъ рукописямъ и ставимъ ихъ подъ номера. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи не отыскивается у меня тетрадки; недостаетъ также одной портфели съ собственноручными бумагами импер. Екатерины II. Такъ какъ эти слова ко мнѣ обращались, то я отвѣтствовалъ: когда Ковальковъ разбиралъ съ вами кабинетъ, то въ это время в. с. не позволяли ни мнѣ, ни даже сестрицѣ вашей входить къ вамъ, а потому я и не могу ничего вамъ сказать объ этой потерѣ. Мы еще не всѣ бумаги разобрали, сказалъ старецъ, одинъ столъ остается непочатымъ; тамъ, можетъ быть, найдемъ эту рукопись. Князь хотѣлъ мнѣ дать знать, что онъ разбираетъ свой кабинетъ съ Козловскимъ, обѣщавъ до своего отъѣзда нѣсколько разъ препоручить мнѣ этотъ трудъ; объ обѣщаніи, во время оно, я пересказалъ и Козловскому. Какъ онъ, т. е. Козловскій долженъ быть доволенъ, что меня обошли этою чаркою и что это дѣло ему было предоставлено. За обѣдомъ сестрица отозвалась, что она съ братомъ своимъ особенно занимается и вникаетъ, какія-бы кушанья приготовить, чтобы трапеза ихъ была для меня пріятнѣе. Угостили,

*) Сочиненіе Егора Петровича Ковалевскаго.

употчивали до сыта; считаю дни, когда мнѣ можно будетъ уѣхать съ этого пира. Я постарался воспользоваться первымъ временемъ, чтобы уйти поскорѣе домой съ пресыщеннымъ желудкомъ, но тощимъ сердцемъ.

Князь разсказалъ мнѣ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ Государя. Его Императорское Величество въ отвѣтъ на письмо князево отозвался, что точно въ Позенѣ выстрѣлили въ экипажъ, въ которомъ находилась его канцелярія, но было-ли намѣреніе сдѣлать это противъ него, сего нигдѣ не видно и по слѣдствіямъ еще нигдѣ не оказывается. Но какъ бы то ни было, это событіе, продолжаетъ Государь, открыло ему, какъ много нашлось людей, принявшихъ искреннее и преданное усердіе къ его особѣ. вмѣстѣ съ симъ Государь съ особеннымъ удовольствіемъ услышалъ о намѣреніи князя допустить себѣ операцію. Самъ Государь и всѣ его ближайшіе будутъ просить Господа, чтобы произошелъ ожидаемый и желанный успѣхъ. Старецъ очень доволенъ этою новою неоцѣненной милостью великодушнаго Монарха.

*

5-го Ноября.

Послѣ обычнаго чтенія я расхаживалъ по кабинету моему; мысли, глубоко проникавшія меня, струились во внутренности; тщета и скоротечность жизни всплывали для ближайшаго воззрѣнія. Благі были сіи мысли, онѣ и ужасали, и ободряли душу мою; онѣ были печальны и радостны. Давно не приходило въ меня такихъ глубокихъ впечатлѣній, и мнѣ остается благодарить Господа за низпосланіе подобныхъ внушеній. Вечеромъ является ко мнѣ и Косаковский; онъ проговорилъ мнѣ родъ апологіи въ отношеніи своего пріязненнаго поведенія съ докторомъ Крапивинцынымъ. Нѣкоторыя подробности бросаютъ невыгодную тѣнь на сего послѣдняго. Долгое наше знакомство притупляетъ настоящее изложеніе того, какъ я думаю объ этомъ человѣкѣ; довольно, что по словамъ Косик. онъ сблизился съ Козловскимъ, сперва бранивши и поносивши его. Чтѣ онъ мнѣ поразскалъ вчера, оказалось или невѣрнымъ, или приумноженнымъ. Косаковский человѣкъ степенный и, кажется, хозяинъ своего слова. Онъ ѣдетъ теперь сухимъ путемъ, и его хозяинъ сопровождаетъ его до Николаева; иначе онъ долженъ былъ одинъ ѣхать, даже безъ слуги, котораго сослалъ по настоянію лекаря. Читалъ Вудстока; прелесть да и только! Не хочется оторваться отъ чтенія. Окончилъ книжку Странствователя; книжка эта достойна вниманія.

*

Суббота, 6-го Ноября.

Въ вечеру, когда я спокойно сидѣлъ и занимался чтеніемъ, входитъ ко мнѣ тотъ чиновникъ изъ канцеляріи губернатора, съ которымъ

я познакомился въ Симферополѣ и котораго фамилію и имя теперь только я узналъ: Толстолѣсъ. Въ слѣдъ за нимъ ѣдетъ стая земской полиціи подъ предсѣдательствомъ исправника. Услышавши о происшествіи въ Кореисѣ, губернаторъ строгое далъ предписаніе чрезъ этого нарочнаго чиновника, исправнику, чтобы непременно открыть шалуновъ, обезпокоившихъ вдову Клоцъ. Она, я думаю, и сама уже не рада этимъ наѣздамъ, и управитель, угощая эту воронью породу, все въ послѣдствіи поставитъ на счетъ бѣдной вдовы. Послѣ ухода этаго чиновника является докторъ Шмидтъ и привозитъ мнѣ три письма, одно отъ Жегочева, второе отъ книгопродавца Гауера и компаніи, а третье отъ Вас. Ник. Латкина. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, узнавши, что онъ живъ и здоровъ и притомъ послѣ четырехмѣсячной сомнительной неизвѣстности. Письмо было большое, связано написано, и я оставилъ чтеніе его до завтраго. Докторъ Шмидтъ предложилъ мнѣ рѣчь съ тѣмъ однако, чтобъ я далъ ему слово, что никому о томъ не буду говорить. Вотъ въ чемъ дѣло. Нѣсколько дней тому назадъ показалась горломъ кровь у князя; онъ ее выплевываетъ поутру почти тарелку; носовые платки его всѣ въ крови, но, повидимому, слѣпецъ этаго не видитъ и не знаетъ. Сестра князя объявила Шмидту, что два брата князевы умерли отъ этой болѣзни, что самый пульсъ у него бываетъ иногда не ровень. Сестра не велѣла Шмидту никому о томъ сказывать, а сама нѣкоторымъ пересказала, потому что Шмидта именно спрашиваютъ, когда онъ гдѣ бываетъ, объ этой болѣзни князевой. Когда Шмидтъ былъ на балѣ у князя Голицына, то княгиня спросила Шмидта объ этой крови князевой. Притомъ, говорятъ, Шмидтъ и Козловскій говорятъ о томъ всѣмъ безъ зазрѣнія. Шмидтъ желалъ бы написать о здоровьи князя родъ рапорта въ Петербургъ, чтобы не быть въ отвѣтъ, на всякій случай, и проч. Однако теперь князю лучше, и кровь унялась послѣ какихъ-то порошковъ, данныхъ Шмидтомъ.

*

Воскресенье, 7-го Ноября.

Только что успѣлъ одѣться, побѣжалъ въ церковь. Послѣ обѣдни зашелъ ко мнѣ Дмитр. Ивановичъ; мы съ нимъ выкурили по трубкѣ табаку. Странны наши отношенія съ нимъ; онъ совсѣмъ пересталъ ходить ко мнѣ, а ежедневно отправляется мимо меня къ Анн. Александр. Турчаниновой. Связь наша видимо холодѣетъ. Пошелъ къ князю для чтенія, онъ былъ въ верху, мы только были одни съ сестрою; я коснулся того, какъ непріятно мнѣ было, что князь напомнилъ о рукописи. неужели я не возвратилъ бы ея къ нему самъ: это все продѣлки Козловскаго. Еслибъ обстоятельства мнѣ дозволили, то слѣдовало бы сей часъ же удалиться. Я читалъ князю интересное событіе,

исполненное всѣхъ историческихъ достовѣрностей и при томъ таинственное, подъ названіемъ: *Mystère historique*. Въ саду нашемъ, предъ террасою, многія деревья совершенно еще зелены. Прочиталъ письмо Латкина. Съ нимъ случилось несчастье: плывя по одной рѣкѣ, онъ хотѣлъ стрѣлять на утокъ; видно безъ его вѣдома, ружье было переложено, онъ началъ тянуть его изъ подъ крыши лодки, курокъ соскочилъ, произошелъ выстрѣлъ и убило выстрѣломъ почти на поवालъ гребца, добраго и услужливаго... Я тотъ-же часъ написалъ и отвѣтъ къ нему и утѣшилъ его, какъ зналъ и какъ могъ.

*

Понедѣльникъ, 8-го Ноября.

Прежде чѣмъ я читать началъ скучную хронику сомнительнаго ясновидѣнія, князь сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ Шмидта о нездоровьи жены моей; что хотя онъ и согласился, чтобы она приставила пѣявки, но это временная помощь, но что ей надо по словамъ Шмидта серьезное леченіе, прибавилъ онъ значительно. Точно такъ, в. с. отвѣтствовалъ я: Катя моя очень нездорова, и это, я полагаю, отъ дома; домъ нашъ сыръ, какъ погребъ и когда на дворѣ вѣтеръ, то у насъ всегда бываетъ холодно; вотъ, продолжалъ я, какъ опростаю я квартиру для Вѣр. Алекс. Муравьевой и когда та подтвердитъ вамъ мои слова, тогда вы повѣрите болѣе; а теперь вы не видите, слѣдовательно вамъ трудно сіе объяснить. Послѣ обѣда уговаривали всѣ мы (Козловскій вышелъ) князя, подъ предсѣдательствомъ Шмидта, чтобы онъ на рукахъ поставилъ котеръ, на что онъ не соглашался, ибо объ этомъ его Любинька не писала; потомъ сказалъ намъ, что если онъ и рѣшился на операцію, то это по тому, что Любинька сіе ему указала. До обѣда я намекнулъ князю, что я поусталъ, потому что пришелъ пѣшкомъ по грязной дорогѣ, но напоминаніе не помогло, и я долженъ былъ возвращаться по той-же грязной дорогѣ, да при томъ и сопровождаемый дождичкомъ. Князь въ этомъ невиноватъ: слѣпому-ли догадываться о такихъ бездѣлицахъ; напомнить же ему никто не хочетъ.... Дома также у меня не совсѣмъ ладно: Варв. Петр. не на шутку разсердилась, молчитъ, дуется; Катя сказывала мнѣ, что она какъ-то на дняхъ сердилась на ребенка, сына моего камердинера, и проявляла свою досаду на невинномъ дитяти за то, что прогнѣвалась на отца его и на меня. Катя ей замѣтила съ кротостію все неприличіе и бесполезность этаго гнѣва и когда я сталъ ласкать ребенка, то и она начала цѣловать и ухаживать за нимъ..... Вездѣ, право, и неблагодарность, и неудачи; признаюсь, разочарованіе томно и темно, но по крайней мѣрѣ та выгода, что усматриваешь наконецъ истину. Вотъ что Катя моя сказала мнѣ, сего-дня съ торжественностью: Если я умру, не только позволяю,

но даже желаю для твоего спокойствія, чтобы ты женился. Женись, мой другъ, на комъ ты хочешь, только не на той, которая живетъ съ нами и которая содѣляетъ твое несчастье. Нѣтъ, другъ мой Катя, Господь да помилуетъ меня и защититъ даже отъ одной мысли подобной; прошу Господа, чтобы онъ далъ тебѣ постигнуть мои душевныя намѣренія и думы по этому предмету. Другая жена моя должна быть Сыра-Земля; пусть обручится душа моя Господу Богу и пусть милующій Его промыслъ сохранить и помилуетъ кающагося грѣшника, столько разъ измѣнявшаго своему долгу и самой священнѣйшей изъ обязанностей! Помилуй, Господи, раба твоего и содѣлай, чтобы мужъ невѣрный освятился женою вѣрною. Аминь.

*

Вторникъ, 9-го Ноября.

Долго я не одѣвался, почти вплоть до обѣда, радъ что никуда не идти; за то ко мнѣ пришелъ прощаться чиновникъ губернаторскій Толстолѣсъ, который отправлялся во свояси. Я ему подарилъ книжку христіанскаго содержанія и вмѣстѣ послалъ другую такую-же писарю на послѣдней станціи отъ Симферополя. Послѣ его пришелъ ко мнѣ князевъ священникъ въ сопровожденіи другаго священника, старца благовидной наружности. Этотъ шестидесяти-семилѣтній старецъ назначается владыкою Херсонскимъ во священники единственной церкви въ гор. Ялтѣ. Онъ отправленъ былъ епархіальнымъ начальствомъ для сбора вкладовъ на строящуюся при соборѣ Одесскомъ теплую церковь, и вотъ, другой годъ ѣздя по разнымъ мѣстамъ, онъ собралъ нѣсколько тысячъ рублей. „Не разъ простужался я на дорогѣ и всякій разъ вылѣчивался тою же дорогою, надѣясь на Бога и не принимая никакого лѣкарства“. Старецъ маститый и сѣдовласый. Я имъ обоимъ подарилъ по книжкѣ духовнаго содержанія, и старецъ отходя сказалъ мнѣ, что онъ болѣе радъ книжкѣ чѣмъ какойнибудь вкладѣ. За обѣдомъ я встрѣтилъ сюрпризъ отъ доктора Шмидта: на столъ подали мнѣ звѣно свѣжей осетрины; *c' est galant de sa part!* Вечеромъ пришелъ ко мнѣ архитекторъ Эшельманъ, весь разстроенный и встревоженный; жалуется на Елис. Михайловну, которая начала уже искать, по его словамъ, въ Козловскомъ; онъ такъ завладѣлъ старцемъ, что жалко видѣть, и родная сестра князева, чтобы успѣть чтонибудь сдѣлать, должна прибѣгать къ посредству Козловскаго. Въ примѣръ сего привелъ онъ слѣдующій казусъ. Одна стѣна дома князева, по какому-то случаю, сдѣлана была изъ стеколъ; къ пріѣзду князеву стекла вынули и загородили досками; не одна стѣна такимъ образомъ была сдѣлана, а двѣ, но первую изъ нихъ задѣлали камнями изъ остатковъ отъ церкви, а на другую не достало матеріала. Слѣпой князь въ старческой

мономаніи непремѣнно хотѣлъ, чтобы и другая стѣна была сдѣлана и сдѣлана безъ отлагательства. Чтѣ сестра ни говорила ему о томъ, что не припасены матеріалы, что трудно ихъ собирать въ теперешнее время, что труднѣе и того строить въ такой холодъ, ничто не помогало; равно какъ не помогали и резоны самага архитектора по тому же предмету. Елис. Мих. въ отчаяніи, не зная чтѣ предпринять, обратилась къ Козловскому и каммердинеру князя Семену Филимонову, и вотъ тѣ, только что поговорили, и мономанія князева прошла, и постройку отложили до лѣта. Козловскій, по словамъ Эшельмана, хвастаетъ въ Ялтѣ всѣмъ и каждому, что всѣ въ немъ ищутъ и всѣ къ нему забѣгаютъ, что въ числѣ этомъ и я состою. Сего-дня Варвар. Петр. отправлялась на чтеніе къ князю, и тотъ-же Козловск. не упустилъ сказать ей, что онъ три noci кутилъ съ лекаремъ Крапивинцинымъ и что провожавши его на паракодъ выпили съ нимъ бутылку настоящаго Шампанскаго, впредъ до свиданія. Какъ до свиданія? сказала Варв. Петр., Крапивинцинъ намѣревался изъ Одессы отправиться въ Петербургъ? Нѣтъ, отвѣтствовалъ Козловскій, онъ подождетъ въ Одессѣ, пока я справлю для него мѣсто лекаря въ Ялтѣ; хорошо бы было, когда бы то можно на мѣсто Зеленевица. Вотъ тайны съ одной стороны исканія, а съ другой прізнаннаго покровительства; а давно ли этотъ лекарь поносилъ Козловскаго и смущалъ меня, пересказывая мнѣ разные безпорядки до него касающіеся? Онъ сближался тайно отъ меня, конечно думая, что я ничего объ этомъ не узнаю. Варв. Петр. все еще отмалчивается, сердится и вымѣщаетъ, такъ сказать, на насъ дурный нравъ свой; это тревожить и Катю и меня; но нельзя не вспомнить, какъ таже Варв. Петр. усердствовала мнѣ въ болѣзни и замѣняла меня у князя въ утомительныхъ занятіяхъ чтенія.

*

Среда, 10-го Ноября.

Я забылъ написать о нѣкоторыхъ вчерашнихъ занятіяхъ моихъ, именно: о прочтеніи занимательныхъ свѣдѣній о новой республикѣ Техасъ въ Сѣверной Америкѣ и о таковыхъ же свѣдѣніяхъ касающихся до Алжира. Съ большою пріятностію все это я прочиталъ изъ Мальт-брюновой Географіи, которую у себя имѣю въ послѣднемъ пятомъ изданіи; я имѣлъ ее нѣкогда въ Петербургѣ, когда она еще показалась первымъ изданіемъ. Началась сырая погода, верхи горъ покрылись снѣгомъ, выпало много дождя; дорога и грязна и склизка. Князь прислалъ за мною карету. Я читалъ ему разныя любопытныя вещи и, кажется, угодилъ ему; отъ него пріѣхалъ я домой уже на дрожкахъ. Кончивши свое обычное чтеніе, я раздумался немножко и ясно усмотрѣлъ въ себѣ скуку и унылость настоящаго моего житія. Богъ и

здѣшняя природа ко мнѣ милостивы, но за то козьи лица встрѣчаю я въ людяхъ и особенно тѣхъ людяхъ, которымъ я существенныя показалъ услуги. Поповъ пересталъ ко мнѣ ходить, управитель вздурился Богъ знаетъ за что, пересталъ тоже посѣщать меня, не говоря уже о Козловскомъ, тотъ уже просто противу меня враждебствуетъ и ищетъ и, можетъ быть, находитъ случай отгѣснять меня. По слухамъ до меня дошедшимъ Турчанинова взяла подъ свое покровительство Попова, она сближаетъ его съ княземъ. Поповъ, всякій день, подъ видомъ отчета о успѣхахъ леченія, ходитъ всякое утро къ Турчаниновой, и такъ это все пригоняется, что въ то время и князь у нея бываетъ. Справедливы ли слухи, но только они есть, и я нынѣ объ нихъ узналъ, что будто бы Поповъ желаетъ поступить на мое мѣсто, когда я оное оставлю. Въ добрый часъ! Искренно говорю. Чтѣ за тягостное и странное ощущение, котораго я не чувствовалъ, ощущение считать нетерпѣливо остающіеся дни, которые я въ своемъ малодушіи предположилъ прожить здѣсь, какъ будто бы жизнь могла отъ меня зависѣть. Господи! Не поставь немощи моей во грѣхъ.

*

11-го Ноября.

Окончивъ обычное чтеніе мое, то есть, христіанскія размышленія и первый годъ Penny-Magazin на 843 годъ, я вздумалъ почитать и Психологіи Ботеня. Онъ разсуждаетъ о словѣ и языкѣ человѣческомъ, или, вообще о языкахъ, и ясно доказываетъ, что не нечаянность образовала языки народовъ, но что Богъ нашъ, Богъ всякаго порядка, привнесъ въ основаніе оныхъ дѣло Своей премудрости, которая разлилась въ пространствѣ и времени. Авторъ указываетъ на первоначальный, типическій языкъ, котораго нынѣшніе языки суть какъ бы разбросанные и перемѣшанные обломки. Предѣлы назначенія сего летучаго листка воспрещаютъ мнѣ распространиться далѣе, но я благодарю Господа за Ботеня: онъ современное украшеніе человѣческое.

Пошелъ къ князю на обычное дежурство и обѣдъ; онъ уже дожидался на верху нашего прихода. Я началъ чтеніе. Ничего новаго нѣтъ, кромѣ только того, что сомнамбула непрестанно и неумолчно сближала князя съ Анной Александр. Турчанин. и, кажется, эта связь основана на исключеніи другихъ. Сомнамбула повторяетъ почти однѣ и тѣже апофегмы. Удивляюсь и разочаровываюсь; сегодня Козловскаго не было, онъ уѣхалъ за почтою, слѣдовательно аудиторы, кромѣ князя, были сестра его и дѣвица Мауреръ, послѣдняя ничего почти не понимаетъ и даже не скрываетъ этого; первая, то есть сестра, спитъ отъ скуки. Мнѣ кажется, что и самъ князь скучаетъ, потому что охотно велитъ заканчивать чтеніе, и рѣдко бываетъ, чтобы я болѣе часу читалъ.

Въ нынѣшній разъ Елис. Михайл., усмѣхнувшись, сказала мнѣ: какъ вамъ урокъ!.... Эта дѣвица Мауреръ очень забавна со своимъ усердіемъ къ князю; ей очень хочется помѣститься въ домъ его на житье и какъ она душитъ его безпрестаннымъ чтеніемъ! Только что успѣли мы сойти внизъ, какъ она уже и принялась было читать ему прежнюю сказку Евгенія Сю: Артюрь; но сестра и князь воспретили ей то, сказавши: У насъ теперь въ гостяхъ Юр. Ник., то вы и послѣ можете читать; онъ къ намъ такъ рѣдко ходитъ, и мы хотимъ разговаривать. Это слово ее осадило, и она положила книгу. Вскорѣ прѣхалъ и Козловскій, онъ почти ничего не привезъ кромѣ газетъ. Тщетно ожидая, чтобы по имѣющейся у него довѣренности онъ привезъ мнѣ изъ Ялты мое мѣсячное содержаніе, я наконецъ рѣшился напомнить ему объ этомъ, хотя вообще мнѣ очень не хотѣлось говорить ему о томъ. И вотъ онъ отвѣчаетъ мнѣ отрывистымъ и далеко отъ пріязненности тономъ, что онъ дожидался, чтобы я ему объ этомъ напомнилъ. У васъ есть моя довѣренность. Что нужды, я вѣдь не знаю, вы могли другаго послать за вашимъ жалованьемъ, какъ вы это и сдѣлали по одному предмету (онъ хотѣлъ напомнить мнѣ о письмахъ). Послѣ обѣда князь уснулъ, зазвенѣлъ голосъ мамзель Мауреръ, и Сю заговорилъ ломаннымъ Швейцарскимъ нарѣчіемъ, а я отправился посѣтить Ан. Алек., но она отправилась къ Поповымъ; уже не нарочно-ли она уѣзжаетъ въ тѣ дни, когда обыкновенно я захожу къ ней? Посмотримъ и увидимъ. Съ почты я получилъ одно только письмо отъ Офрейна и отъ души порадовался, что близится желанное имъ опредѣленіе къ новому мѣсту, гдѣ онъ можетъ быть обезпеченъ довольствомъ содержанія. Вечеромъ читалъ газеты и приготовилъ двѣ посылки, т. е. книжки съ записками, одну протоіерею въ Симферополь, другую къ архіепископу Гавріилу въ Одессу; эти книжки я обѣщалъ имъ, когда эти господа были у меня въ домѣ.—И сегодня поутру имѣлъ, какъ вчера. припадокъ тоскливой грусти, что я здѣсь остался, какъ ракъ на мели. Но вечеръ имѣлъ свою сладость: мое бюро, свѣтлота въ комнатѣ, небольшое мое семейство, сидящее въ одной со мною комнатѣ и беззаботно работающее; я, или сижу, читаю, или стоя пишу, или хожу, размышляю. Слава Богу, за все! Тепло, свѣтло, тихо, покойно, чего же болѣе? Предаюсь въ Его святую волю, скука и тоска мои отлегли. Въ будущемъ надѣюсь всего добраго.

*

12-го Ноября.

Нынѣ у меня свободный день; никуда не идти, а потому я долго и не одѣвался. Окончивъ мое обычное чтеніе, я велѣлъ затопить свою

желѣзную печку, придвинулъ къ ней покойное свое кресло (все таки не такое, какъ въ Петербургѣ), закурилъ трубку и принялся читать разнообразный *Penney-Magazin*, отмѣчая въ этомъ занимательномъ журналѣ лучшія и любопытнѣйшія статьи, чтобъ прочесть ихъ послѣ князю. Мнѣ отрадно было такъ сидѣть; солнышко, проходя сквозь цвѣтныя стекла галлерей и сквозь стекло моей комнаты, освѣщало столько, сколько нужно было для покойнаго чтенія. Я вытягивалъ старое и недужное свое тѣло, чтобъ наслаждаться роскошествомъ бездѣлья. Долго я сидѣлъ и много прочиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не утомилъ глазъ. — Послѣ сытной трапезы я опять отдыхалъ въ спокойствіи духа, которое однакожь было встревожено болѣзнью жены моей: она бѣдненькая почувствовала себя какъ-то худо; хотя ночью и хорошо спала, но были судороги; теперь же и голова болитъ и разстройство нервъ перемѣшанное съ геморроидами. Болѣзнь лишаетъ ее нужнаго для нея спокойствія и сколько лѣтъ она, такимъ образомъ, мучится. Господи, позолоти, какъ теплое весеннее солнышко, состояніе радостно увидѣть жену мою здоровою; хотя бы немножко пожить мирно и въ нѣкоторомъ субботаствованіи духа. Всю жизнь она, бѣдненькая, терпитъ и потому мало зазнала радостей въ своемъ смиренномъ существованіи. Не терпитъ ли она за меня? Господи! Обаче не моя, но Твоя да будетъ воля! Принимался читать и новую книгу: это романъ Жакъ, г-жи Дю-Дефанъ, извѣстной подъ псевдонимическимъ прозваніемъ Георга Занда; но я скоро пересталъ ее читать, думая прочесть эту книгу князю. Мнѣ хочется поближе посмотреть на ея сочиненія, впрочемъ мнѣ извѣстныя, отличающіяся особенною прелестью стиля.

*

13-го Ноября.

Я опять было расположился поужинать съ трубкою и книгой у своей желѣзной печки, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что княг. Мещерская желаетъ со мною повидаться и что она сидитъ теперь внизу у Ольги Карловны. И вотъ принужденъ я былъ бросить и трубку и книгу и печку; началъ поспѣшно одѣваться, умываться, надѣвать свой волосяный тупей на голову.

Является княгиня со своею компаньонкою; откуда только не взялась прилетѣла и дѣвица Мауреръ. Княгиню и ея дѣвицу я одарилъ книжками христіанскаго содержанія, первой еще предложилъ цѣлый пукъ Французскихъ религіознаго содержанія книжекъ, изъ которыхъ обыкновенно прежде дарилъ по книжкѣ и по двѣ Лизанькѣ. Къ этимъ книжкамъ какое-то особенное прилѣпленіе имѣетъ княгиня, читаетъ ихъ съ удовольствіемъ и пользою, слѣдовательно я очень ей угодилъ

этимъ подаркомъ. Потомъ я подарилъ княгиню вышитыми по канвейной бумагѣ закладочками; эти закладочки подарены мнѣ были Царско-сельскою Нѣмкою, которую мнѣ удалось сосватать за Француза; думали она и воображалъ-ли я, что эти закладочки чрезъ нѣсколько лѣтъ достанутся княгинѣ Мещерской? По видимому и гости, и хозяева разстались очень хорошо настроенными, а княгиня забавно шутила надъ дѣвицею Мауреръ, какъ она боится Елис. Михайл. и оглядывается на всѣ стороны, чтобы не просрочить ни минуты времени. Послѣ обѣда писалъ записочки къ Исакову и Гауеру; перваго просилъ, чтобы прислалъ мнѣ остальные томы Георга Занда; я успѣлъ вечеромъ почитать Индіану сего автора. Книга читалась съ удовольствіемъ и наслажденіемъ; тоже удовольствіе и наслажденіе я думалъ доставить и князю ея прочтеніемъ. Я заранѣе радовался, что Исаковъ пришлетъ мнѣ остальное сего автора, котораго не удалось мнѣ прочитать всего. Несмотря на сладость ожиданія, я, прочитавши Индіану, почувствовалъ какое-то глухое смущеніе въ совѣсти, но я не очень занялся подобнымъ внушеніемъ.

Полутру я перечитывалъ и приводилъ въ порядокъ Musée de Famille, все приготовляя чтеніе для князя. Захотѣлось ужинать, и я прикрипился къ жареной свининѣ съ рыжиками, но ночь прошла благополучно, и я спалъ порядочно. Варинька принесла мнѣ отъ князя романъ Вальтеръ-Скоттовъ: Веверлей; я его читалъ нѣсколько разъ, но онъ для меня всегда занимательное чтеніе. Варинька также вмѣстѣ съ книгою передала мнѣ и приглашеніе князя обѣдать у него завтра, потому что Мещерская обѣщала прислать къ нему два вкусныхъ блюда ея рукодѣлья, или, лучше сказать, трудовъ ея поваровъ, по наслышкѣ, очень искусныхъ.

*

14-го Ноября.

При пробужденіи встрѣтила меня безпокойная дума о вредѣ, какой можно получить отъ чтенія сочиненій Зандъ, о несовмѣстности занимать старца таковымъ чтеніемъ, о ловушкѣ или западнѣ поставленной для меня самаго въ написанномъ письмѣ къ Исакову; потому что, если получу остальные сочиненія Занда, то мнѣ захочется опять собирать современные романы, и я снова взойду въ этотъ омутъ, въ который погружался не десятокъ разъ въ моей жизни. Самая даже утренняя молитва моя была не безъ труда; я былъ смущаемъ и волнуемъ. Однакожь, по благости Божіей, я рѣшилъ уничтожить письмо къ Исакову и замѣнить другимъ, гдѣ уже требовать тѣхъ книгъ или продолженія тѣхъ сочиненій, которыхъ первые томы я имѣю, наприм. Лейбница и проч.

Не успѣло еще улечься во мнѣ и это искушеніе, какъ поразило меня новое; я расскажу по порядку. Я сѣдѣлъ бриться, какъ вдругъ подають мнѣ запечатанную записку отъ управителя. Въ этой бумажкѣ ломаннымъ Русскимъ языкомъ требуютъ съ меня лишнихъ 300 рубл. за квартиру; мы оговорились съ управителемъ, что, во время временнаго отъѣзда моего изъ Корейса, онъ бы починилъ и привелъ въ надлежащій порядокъ мою квартиру, въ которой жить почти нельзя было. Управитель ничего этого не сдѣлалъ, самъ не пришелъ ко мнѣ для объясненія и когда я послалъ къ нему мальчика, то онъ съ ироніею ему отвѣтствовалъ на приказанныя слова: „знаю, что это удивило вашего барина“. Вообще управитель нахаленъ и дерзокъ, и забылъ наше словесное условіе, чтобы не платить ему тѣхъ денегъ, которыя онъ такъ неучтиво съ меня требуетъ. Взволнованный я пошелъ однакожъ къ обѣднѣ; молитва моя была сбивчива, разсѣянна и непокойна. Съ Поповымъ мы размѣнялись фразами и условными поклонами. Князь повторилъ мнѣ свое приглашеніе; княгиня Мещерская со своими обѣими воспитанницами зашла ко мнѣ послѣ обѣдни. Я началъ было возвышать обиденный разговоръ нашъ, но онъ упдалъ ежемгновенно или отъ недостатка надлежащей стачки, или отъ недостатка элемента, или отъ нерасположенія главнаго дѣйствующаго лица, то есть, княгини. Конференція изсякла, и мы всѣ пошли изъ дома, семейство княгини во свояси, я къ своему князю; однако я счелъ за обязанность проводить княгиню до ея дома. Наблюдательная мамзель Мауреръ и здѣсь явилась; странное учашеніе и при томъ тогда, когда бываетъ у меня кн. Мещерская. Разговаривая со мною дорогою, княгиня сказала мнѣ, что она, прогуливаясь вчера по дорогѣ, встрѣтила какого-то монаха, ѣдущаго на трясилкѣ, въ которую впряженъ былъ оселъ; на монахѣ была круглая шляпа, и онъ лежалъ, а не сидѣлъ. И вотъ какъ-бы выдумали, продолжала княгиня, это не монахъ былъ, а дѣвица Турчанинова..... Во время прогулки я не могъ надивиться ясности, теплотѣ, аромату дня; хотѣлъ даже скинуть свою шинель, но потому побоялся, что былъ въ испаринѣ. Словомъ, такіе были день, каковыхъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ и посреди лѣта.

Пришелъ къ князю, онъ былъ у Турчаниновой, и вотъ я долженъ былъ остаться съ Елис. Михайл. Она мнѣ сейчасъ сообщила разные свѣдѣнія касающіяся до Попова; какъ Ан. Ал. и Поповъ пригоняють время, чтобы быть въ тотъ моментъ, когда князь приходитъ къ Турчаниновой; что Турчанинова всячески старается сближать Попова съ княземъ; что даже, во время обычной прогулки князевой, Поповъ, какъ-бы ненарочно встрѣчаясь, заводитъ разговоръ съ княземъ и со-

проводжаетъ въ прогулкѣ; что князю эта наянливістьъ Попова становится скучною; что однажды, остановясь съ нимъ на дорогѣ и поговоря съ Поповымъ, князь сказалъ ему: прощайте, почему Поповъ долженъ былъ отойти и проч.

Но всѣхъ сплетней не перепишешь. Князь далъ мнѣ совѣтъ отдать деньги управителю и написать къ баронессѣ¹⁾. За обѣдомъ ѣли мы курицу въ маіонезѣ и кашу изъ саго и свободно объявляли о достоинствѣ блюдъ свое мнѣніе. Послѣ обѣда я зашелъ посѣтить Анну Александровну. Она приняла меня съ обычнымъ радушіемъ и умиротворила взволнованную душу мою. Сказала мнѣ, что на досугѣ она много обо мнѣ думала; что мнѣ выходить въ отставку не должно; что всего лучше служить мнѣ по иностранному министерству; въ этомъ родѣ службъ менѣе, по ея словамъ, мелочей и интригъ; все творится по данной инструкции; что житье на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи разпрекрасное; что даже въ самомъ Стамбулѣ для человѣка любознательнаго нашлось бы много пищи; что самое даже письмо писанное обо мнѣ княземъ къ Императору было условно; что старецъ силенъ выпросить все у Государя, что она ожидаетъ моего приказанія, дабы подробно переговорить о томъ съ княземъ и проч. Потомъ позвала свою дѣвочку и сказала ей: что есть въ печи, то все на столъ мечи, и это для того, чтобы меня употчивать. Я поздно отъ нея воротился домой, утѣшенный ея участіемъ, хотя и вовсе несозвучный съ ея обо мнѣ предположеніями. По приходѣ къ себѣ встрѣтили меня мои присные, и Катя подала мнѣ четыре письма съ почты полученныхъ. Одно изъ Москвы отъ жены Смѣльского, другое изъ Кіева отъ бывшей ключницы Алек. Петр., которая повадилась ко мнѣ писать; третье письмо отъ вдовы покойнаго Дружинина и четвертое отъ доктора Мюльгаузена²⁾. Последнее было всѣхъ интереснѣе. Онъ пишетъ очень пріятно и о князѣ. Занятій у меня особенныхъ не было, началъ читать и восхищаться Веверлеемъ, но долго читать не могъ: усталъ и отъ чувствъ и отъ досады. Катя даже смачивала мнѣ голову Кельнскою водою; чувствую себя немножко разстроеннымъ. Стихія гнѣва для души, какъ сильная буря для моря; скоро ли все успокоится? Господи подкрѣпи меня! Я весь разсѣлся, разстроился и пролился, какъ вода изъ сосуда.

*

15-го Ноября.

Путру управитель присылаетъ напоминать мнѣ о вчерашней запискѣ; я послалъ къ нему съ Варинькою 75 рублей сер. Онъ ихъ не

¹⁾ Беркеймъ.

²⁾ Докторъ Мюльгаузенъ, кончившій жизнь въ Москвѣ главнымъ докторомъ Странноприимнаго дома графа Шереметева, тестъ Т. Н. Грановскаго.

принялъ, требовалъ всѣхъ. Я вновь послалъ къ нему тѣ-же деньги и велѣлъ сказать ему, что если онъ ихъ не возьметъ, то я буду вести счетъ съ баронессою. На этотъ разъ онъ снѣжилъ и проговорилъ что-то въ свое оправданіе и проч. Въ слѣдъ за этимъ явился столяръ также съ требованіемъ денегъ, хотя обязанность платить была вовсе не моя, да и стекла были Елис. Михайл. У князя я засталъ княгиню Мещерскую; завязался общій разговоръ; пришелъ и Козловскій. Она начала говорить объ управителѣ, который пилъ вчера чай у нея. Признаюсь, я далъ волю языку и негодованію; рѣзко оболванилъ я этого человѣка и выставилъ болѣе и менѣе многіе его поступки. Княгиня говорила, что онъ вчера рассказывалъ о кротости своего управленія Кореисомъ, которая показалась ей примѣрною. Я возразилъ ей: въ вашемъ домѣ, княгиня, хранится бумага, въ которой завернуты выдерганные изъ крестьянской головы волосы, принесенные самимъ крестьяниномъ вашему мужу, слѣдовательно кротость его очевидна. Дѣвица Мауреръ, агентъ Кологривой, зорко озиралась, но врядъ ли она все поняла; Козловскій тоже въ этомъ духѣ пополнялъ словесно мои свѣдѣнія, особенно, когда говорили о похищеніи церковной казны управителемъ. Тутъ Кологривая замѣтила мнѣ, что онъ не вызвалъ бы меня на поединокъ; это вызвало сказать мнѣ ей очень рѣзкое. За столомъ также поднялся у насъ шумный разговоръ, только уже не въ этомъ духѣ, и тутъ Кологривая нашла случай покровительственнымъ тономъ сказать что-то также про управителя, но я уже не считалъ за нужное доказывать несомнѣнность и неприличность словъ ея; вообще она очень должна быть рада, что можетъ унижить меня и Козловскаго и вообще она тѣхъ ненавидитъ, которыхъ братъ ея искренне полюбить. За столомъ, однако, я также былъ въ духѣ; опровергалъ ея ложныя взгляды и сужденія. Князь и до обѣда и за обѣдомъ держалъ нашу сторону. Впрочемъ, я говорилъ не договаривая, иначе привелось выводить наружу всѣ ея козни и обманы. Я почти увѣренъ, что она трепетала за себя, по пословицѣ, что пуганная ворона и куста боится. Въ нынѣшній мой приходъ я услышалъ двѣ занимательныя для меня новости: Государь приказалъ объявить свое повелѣніе окулисту Ванцети, чтобы онъ, по пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ, не заѣзжалъ являться къ своей должности въ Харьковъ, а прямо бы ѣхалъ къ князю и приступилъ къ операци; это сообщила княгиня Мещерская; она получила это извѣстіе отъ кого-то, теперь не припомню. Второе извѣстіе тоже она сообщила, что будто вчера управитель приносилъ ей письмо отъ баронессы, въ которомъ приказывается ему припасти маленькій домикъ, что на дорогѣ, для Муравьевой, которая, по словамъ письма, намѣревалась отправиться 26-го Октября. Это князя озаботило; но

вѣрно-ли это, неизвѣстно. Родной ея братъ, Горяиновъ, долженъ бы былъ знать объ этомъ; а онъ утверждаетъ противное. Князь разсказывалъ съ умиленіемъ о Великой Княжнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, которая счастливую мысль свою облекла въ дѣйствіе. По ея желанію открывается въ Царскомъ Селѣ институтъ для дочерей священниковъ и дьяконовъ. Этого заведенія недоставало въ Россіи. Слава и благодарность дочери Царевой, утѣшенію царственныхъ своихъ родителей и всѣхъ Русскихъ.

*

16-го Ноября.

Послѣ обычнаго моего чтенія христіанскихъ размышленій, я довольно долго занимался Психологіею Ботеня; она и утѣшаетъ, и просвѣщаетъ меня; замѣтно, что авторъ готовится развивать ее въ глубокомъ объемѣ; доживу ли я до совершенія сего подвига? Господи! Да будетъ воля Твоя. Поутру посѣтилъ меня лѣкарь Зеленкевичъ: онъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ; часто встрѣчаются дѣла уголовныя между Татарами, драки или подлые дѣла нечистоты и буйства плотскаго. Только что успѣлъ я выбриться, какъ заходитъ ко мнѣ гость рѣдкій и неожиданный: князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ. Мы съ нимъ говорили кое о чемъ занимательномъ; онъ мнѣ пересказалъ любопытный анекдотъ, касающійся до перваго его пасынка графа Суворова, какъ онъ, бывши еще унтеръ-офицеромъ, не хотѣлъ присягать Государю Императору и какъ Государь великодушно и мудро наставилъ и вразумилъ его. Я передалъ князю благодарныя мои чувства за посѣщенія сдѣланныя имъ во время моей долговременной болѣзни и общался, если Господь поможетъ, то въ полномъ уже просторѣ прожить у него дня два въ прелестномъ его постоянномъ убѣжищѣ на южномъ берегу Крыма.

*

17-го Ноября.

Прочитавши главу изъ *Méditations Religieuses*, я довольно много читалъ изъ Психологіи Ботеня; все ясно и наставительно; потомъ лакомился Веверлеемъ; утро въ томъ и прошло. Отъ кн. Василія Сергѣевича Голицына я получилъ отвѣтную записку обязательную и ласковую, гдѣ онъ приглашаетъ меня погостить у себя на нѣсколько дней въ настоящемъ его мѣстопребываніи, а теперь онъ временный только жилецъ въ Мисхорѣ. День былъ ясный и теплый; мнѣ надлежало идти къ князю, а Катѣ вздумалось заплатить визитъ княгинѣ Мещерской; вотъ она съ Варенькою меня и проводили до самаго дома князева. Подходя къ дому, мы завидѣли дѣвицу Мауреръ, которая большими шагами спѣшила также въ домъ князевъ, даже на насъ не

взглянула; она, такимъ образомъ, шла отъ кн. Мещерской. У князя я читалъ изъ Musée de Famille повѣсть, которая у всѣхъ у насъ извлекала слезы; у меня онѣ капали крупныя. Передъ обѣдомъ явился кн. Козловскій съ почтою; онъ былъ въ ударѣ рассказывать новости, но я сей часъ же подобрался бѣжать домой, не смотря что князь приказывалъ остаться послушать свѣжихъ газетъ. Вашему сіятельству вѣрно пріятнѣе будетъ, когда я уйду, чѣмъ останусь, сказалъ я шутя и сей часъ же побѣжалъ домой; отобѣдалъ, затопилъ желѣзную печку, сѣлъ грѣться и сладко уснулъ.

Я проснулся уже тогда, какъ возвратилась Варинька отъ князя, куда она отправлялась, по его приказанію, читать иностранныя газеты; она принесла мнѣ ихъ цѣлый пукъ и въ томъ числѣ конвертъ отъ почтмейстера Ялтскаго, въ которомъ было мнѣ два письма отъ Жегочева и Латкина изъ Вологды. Бѣдный Латкинъ, въ дождь, холодъ, въ темныя ночи на перекладныхъ, доплелся изъ Устьсысольска до Вологды, что составитъ протяженія 850 верстъ. Онъ, кажется мнѣ, туманенъ и грустенъ; я очень былъ радъ получить отъ него письмо и сей часъ же приступилъ къ отвѣту, который потокомъ изъ меня вылился.

*

18-го Ноября.

Отправился читать и обѣдать къ князю; когда пришелъ, то всѣ уже они были собраны на верху, то есть, князь, сестра его, Козловскій и дѣвица Мауреръ. Я былъ въ непріятномъ расположеніи духа; съ болячкою досады къ сестрѣ князевой я не расстаюсь. Жалкая и постыдная мономанія; христіянину-ли враждебствовать? Господи, удержи языкъ мой отъ зла и уста мои яже не говорятъ лести; но какъ досада въ сердцѣ держится, то, при всякомъ благовидномъ случаѣ, она и прорывается, не смотря на тѣ шаткіе запоры, которыя разсудокъ ей противопоставляетъ. Вдругъ дѣвица Кологривая вздумала сказать мнѣ: я очень боюсь своего брата. А я не боюсь вовсе, отвѣчалъ я; чего мнѣ его бояться? Да вѣдь и я боюсь, продолжала она, какъ боится жена любящая своего мужа, чтобы какъ не оскорбить, не огорчить его. Точно такъ и я, отвѣчалъ я; я слышалъ отъ доктора Шмидта, что ежели когда князь отъ чего нибудь разстраивается, то у него пульсъ бьется неправильно, такъ потому рѣзко и прямо не говоритъ князю, что это можетъ его разстроить. Она мнѣ заморгала головою, а я будто не примѣчаю. Вотъ напримѣръ, сказалъ я: теперь уже вѣрно, что Муравьева къ намъ ѣдетъ и какъ ей не отдать справедливости, что она дѣлаетъ это изъ преданности и любви? Таже Муравьева провожала брата вашего и до Кіева; женщина она больная и недужная

и, не смотря на зимнее время, ѣдетъ, ничто остановить ее не можетъ, а какъ-то еще и примутъ ее, Богъ-то знаетъ. Не такъ ли встрѣтятъ, какъ меня? А развѣ братъ васъ худо принялъ? Не могу пожаловаться, но есть и другіе люди кромѣ брата. Вотъ, наприм., вы поѣхали въ Крымъ; это дѣло другое, вы его родная сестра, на васъ лежала святая обязанность сопровождать его, тутъ еще нѣтъ большой заслуги; помните, какъ говорилъ вамъ нѣкогда монахъ..... Дѣвица Кологривая видимо осердилась на меня, а я, не замѣчая, продолжалъ: я радъ, что ѣдетъ Муравьева; тогда можно намъ будетъ запѣть: „а нашего полку прибыло, прибыло!“

На томъ разговоръ нашъ и пресѣлся; началось обычное чтеніе рукописи, которой уже немного остается. Сойдя внизъ, князь велѣлъ мнѣ дать прочесть письмо къ нему отъ статсъ-дамы Барановой, которая приставлена была къ великимъ княжнамъ. Между нѣкоторыми лестными изъясненіями князю отъ всего Царскаго дома участія, Баранова пишетъ, что сама Государыня Императрица выразилась, между прочимъ, такъ: я чувствую вполне, что князь мнѣ недостаетъ и что онъ очень бы мнѣ былъ нуженъ, дабы раздѣлить со мною и радости и горести, которыя я перечувствовала въ его отсутствіи. Пріѣхали князь Василій Серг. Голицынъ съ своимъ семействомъ прощаться съ нашимъ старцемъ; они отправляются въ Одессу на зимовку. Князь заставилъ читать князя Василья протоколъ сомнамбулы Висковатовой, которой предложено было полѣчить дѣвицу Шумлянскую*). Когда положили (сомнамбула, кажется, въ Псковской губерн.) спящей Висковатовой письмо Шумлянской на подгрудную ямочку, она сей же часъ отыскала ее и увидѣла болѣзнь, отъ которой содрогнулась и просила своего магнетизѣра, чтобъ онъ взялъ письмо и избавилъ ее тѣмъ отъ омерзительнѣйшаго зрѣлища, ибо она увидѣла въ животѣ болящей родъ змѣи, свернувшейся въ клубокъ, у которой страшный зѣвъ; по двусмысленнымъ выраженіямъ ясновидящей не замѣтно, чтобъ она бралась вылечить Шумлянскую, ибо она видитъ, что змѣю ни низомъ, ни верхомъ изгнать невозможно не повредя всего состава, отъ чего непременно должна случиться смерть. Впрочемъ она предписала ей нѣкоторыя облегчительныя средства, какъ-то конопляное молоко и пр. Это дало поводъ князю Василью рассказать намъ исторію солдата, который жилъ и при Марѣ Антоновнѣ Нарышкиной и тоже былъ одаренъ способностью ясновидѣнія. Я простился съ княземъ по пріа-

*) Это сводная сестра Булгаковыхъ, жившая въ Петербургѣ у младшаго изъ нихъ, Константина Яковлевича и посѣщаемая тамъ княземъ А. Н. Голицынымъ.

тельски. Пришедши домой, совѣсть смутно напомнила мнѣ, что я переступилъ границы и ясно враждовалъ ближнему. Господи, отыми отъ меня жало злобы, прошу Тебя во имя всечестнѣйшаго креста Твоего, которымъ Ты поправъ злобу и дьявольскую и человѣческую. Содѣлай это, Господи!

*

19-го Ноября.

Бродя мыслями своими, я наткнулся на Кострому. Ну если бы довелось переѣхать жить въ Кострому, купить домъ Граціанскаго на Царевской улицѣ, передѣлать его; мѣсто для сада есть обширное; поселиться навсегда въ Костромѣ, быть полезну своимъ соотчичамъ совѣтомъ и дѣломъ; когда соскучится, то по временамъ уѣзжать въ Москву и пр. Мысль бѣглая, мимолетная, но она пріятно заняла меня нѣсколько мгновеній.

*

21-го Ноября.

Былъ за обѣдней; князь по обыкновенію пѣлъ: подай Господи! На этотъ разъ онъ пѣлъ громко и пересиливалъ даже самого дьячка. Послѣ обѣдни посѣтилъ меня рѣдкій гость Дмитр. Ивановичъ; съ нимъ слово за слово и вышло до объясненія; а въ слѣдствіе этого объясненія оказалось, что ничего того не случилось, что приписывала ему дѣвица Кологривая. Мы разстались съ Дмитр. Иван. опять въ хорошемъ настроѣ. По обычаю отправился къ князю, которому началъ читать припасенныя для него піэсы изъ Пенни-Магазина; я успѣлъ ему прочитатъ таковыхъ три, какъ принесли почту и заставили меня читать газеты иностранныя и Русскія.

*

22-го Ноября.

Я отправился на обѣдъ и на чтеніе къ князю; какъ только вышелъ изъ дома, такъ и встрѣтилъ его прогуливающагося въ сопровожденіи Козловскаго. Я сопровождалъ его до дома, и во время возвратнаго шествія князь рассказывалъ анекдоты временъ Екатерины II; анекдоты касались одного знатнаго придворнаго, который былъ глуповатъ, и были довольно забавны. Какъ пришелъ въ комнату дѣвицы Кологривой, или, лучше сказать, въ общую пріемную, ея не было въ этой комнатѣ, а была она въ горницѣ дѣвицы Мауреръ и въ особенномъ съ нею разглагольствіи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ, не принимаетъ ли она отъ нея дневнаго рапорта. Наступилъ обѣдъ; обѣдъ дурной: въ третій разъ подаютъ намъ на жаркое зайца, который уже прискучилъ. За столомъ завязался споръ Кологривой съ Козловскимъ; первая оправдывала нашего управителя и обвиняла Горяинова, брата Муравьевой;

кажется, ей не такъ пріятны хлопоты, предпринимаемыя для возможно-покойнаго помѣщенія Муравьевой. Я молчалъ, крѣпился, но не вытерпѣлъ и сказалъ Козловскому: не таже ли исторія повторяется теперь, какая была съ пріѣздомъ графа и графини Салтыковыхъ? Надобно знать, что нѣсколько времени тому назадъ, когда князь отдалъ приказъ Козловскому приготовить квартиру для Салтыковыхъ, Кологривая, призвавъ Козловскаго, тайно и нѣсколько разъ переприказывала ему, чтобъ онъ неочень спѣшилъ исполненіемъ воли князей и затруднилъ бы, если можно, дѣло, не смотря на то, что князь этого желалъ и что графиня Салтыкова есть родная его племянница, которая нарочно для него располагалась сюда ѣхать.

Такое недоброжелательство въ Кологривой помрачило негодованіемъ душу мою, и я въ видѣ шутки промолвилъ: доколѣ, Катилина, ты будешь искушать наше терпѣніе? Козловскій улыбнулся, а Кологривая заговорила мнѣ о личности, на что отвѣтствовалъ я, что это все была шутка, но въ душѣ, признаюсь, кипѣло негодованіе и даже за то, что насъ кормя однимъ и тѣмъ же зайцемъ, а получаемую изъ Симферополя дичину Кологривая къ намъ отправляетъ за деньги. Невѣроятно, а правда! Князь кушаетъ постное и не знаетъ этихъ продѣлокъ, или дѣлаетъ видъ, что не знаетъ. Послѣ обѣда Кологривая смякла, и я сдѣлался мягче и не показывалъ виду неудовольствія. Она распространилась какъ любить Вариньку и клохтала въ слухъ, что шьетъ для нея модный бюрусь. Оставивши ихъ домъ, я зашелъ къ больной Турчаниновой; бѣдинька, она лежитъ одна одиныхонька! Въ разговорѣ нашемъ, услышавши отъ меня, что я вижу большую перемѣну въ князѣ, просила меня, чтобы я молчалъ объ этомъ и отнюдь никому не писалъ. Я сказалъ ей, что князь для меня какъ отечество, на которое честному человѣку ни роптать, ни жаловаться никогда не должно, какъ бы оно ни было къ намъ несправедливо. Вчера Дм. Ив. Поповъ сказывалъ мнѣ, что онъ заставлялъ Турчанинову горько плачущую; и она горькую чашу пьетъ отъ Кологривой, но ни разу мнѣ не пожаловалась на нее. Женщина прямо благородная и съ великою энергіею *).

*

24-го Ноября.

Вотъ наступилъ и день именинъ жены моей. Одна изъ первыхъ Анна Алекс. прислала поздравить жену мою и маленькій подарокъ; она извѣстила вмѣстѣ и о намѣреніи пріѣхать къ намъ и провести вечеръ; потомъ пришла къ намъ добрая Любинька, живущая бѣдная дѣвица у княг. Мещерской; потомъ посѣтила и сама княгиня Мещер-

*) Турчанинова изображена въ Запискахъ Вигеля (I, 113—118, по изданію „Русскаго Архива“.

ская съ Лизою, пришелъ Дмитр. Иван. Поповъ; притащился и самъ князь Александръ Николаевичъ. Словомъ, всѣ вспомнили мою дорогую имянинницу. Съ княгинею завязался у насъ родъ спора; она стала мнѣ доказывать, какъ мнѣ здѣсь пріятно жить: церковь близко, князь меня любить и пр. Все это прекрасно, подумалъ я, но надобно спросить у гуся, не забнутъ ли у него лапы. Утро прошло у насъ пріятно, Варинька подарила жену мою своею работою, которою занималась тайно, желая ей сдѣлать сюрпризъ. Хотя и приглашали мы Дмитр. Иван. на обѣдъ, но, по причинѣ болѣзни жены своей, ему нельзя было у насъ остаться; онъ общался придти къ намъ на вечеръ, когда у насъ будетъ Анна Александр. Обѣдъ былъ отличный, хотя мы только трое дѣлали честь ему. Никогда еще кухарка такъ хорошо не приготовляла, какъ въ нынѣшній день. Имянинный пирогъ съ рубленнымъ мясомъ и слоеный былъ отличнѣйшій; кусокъ ростъ-беу съ макаронами и сахарнымъ горошкомъ, земляныя груши со сладкимъ бѣлымъ соусомъ, отлично зажаренныя куропатки съ солеными огурцами (здѣсь это рѣдкость) и хорошо приготовленною свеклою, потомъ любимое мною миндальное мороженое. На десертъ поданъ былъ виноградъ возможно сохраненный. Наступилъ вечеръ; къ нѣкоторому нашему прискорбію Турчаниновой нельзя было къ намъ пріѣхать: тотъ оселъ, на которомъ она обыкновенно ѣздитъ, отправленъ управителемъ за сѣномъ; но Дмитр. Иванов. не замедлилъ придти посѣтить меня. Въ это же время привезли мнѣ съ почты письмо отъ Жегочева и нѣсколько посылокъ. Изъ Симферополя купецъ все мнѣ доставилъ, что я ни требовалъ: два пуда сахара, нѣсколько банокъ варенья, Кельнской воды, мыла и даже боченокъ Русскихъ рыжиковъ. Изъ Петербурга также получены были посылки; прислали Катѣ магнетическое желѣзко, вновь намагниченное, которое она съ такою пользою всегда носила. Фридерика, жена Ив. Петр. Егорова, прислала ей въ подарокъ модныхъ какихъ-то на скуркахъ исподнихъ платевъ. Мнѣ доставленъ былъ удобный и складный зонтикъ; этимъ я обязанъ пріязни Ивана Николаев. Данилевскаго. Жегочевъ въ своемъ письмѣ извѣщаетъ меня, что мужъ кн. Мещерской уже другій день, какъ пріѣхалъ въ Симферополь, а жена его сказывала мнѣ поутру, что онъ долженъ былъ захватить въ Харьковъ и прогостить тамъ у кн. Долгорукаго; она вовсе не подозрѣвала, чтобы дражайшій супругъ ея такъ близко отъ нея находился. Я послалъ человека извѣстить княгиню, и она этимъ извѣщеніемъ очень довольна осталась. Вмѣстѣ съ посылками пришелъ изъ Петербурга и тотъ подарокъ, который я назначилъ для Екатерины Степановны *): это новый журналъ

*) Т. е. для своей супруги.

съ картинками подъ названіемъ: Листокъ для свѣтскихъ людей; картинки въ немъ по большей части очерки каррикатуръ; мы его разсмотрѣли и поразобрали вечеромъ; оказался журналишко дрянный и не стоящій выписки, не смотря на похвалы Ѳад. Булгарина, которому мы повѣрили.

Вечеромъ довольно долго сидѣлъ у меня Дмитр. Иван.; онъ остался у меня и ужинать; мнѣ пріятно было, что хотя кто нибудь отвѣдалъ моего хлѣба, соли. Я потчивалъ его присланнымъ ко мнѣ вареньемъ. Разговоръ нашъ съ Дмитр. Иван. былъ про здѣшнюю жизнь, и я, снова взволновавши въ себѣ далеко незатихшія чувства, началъ изъяснять многоразличные образы моего живаго негодованія къ сестрѣ князевой; весь вечеръ почти въ томъ и прошелъ, что я судилъ, осуждалъ и ожесточался противъ этой женщины. Хотя Дмитр. Иван. и раздѣлялъ отчасти со мною это негодованіе и входилъ въ мое положеніе, но вотъ что подъ конецъ пересказалъ мнѣ. „Когда въ послѣдній разъ вы передали мнѣ происки Кологривой и противъ меня, я, желая прекратить разстройство души моей, сталъ на молитву предъ Господомъ. Во внутренности мой я ощутилъ сознаніе этой мерзости въ челоуѣкахъ; но она и во мнѣ также была, какъ и въ другихъ. Я какъ бы внутренній голосъ въ себѣ слышалъ: что ты дивишься этому въ другихъ, въ тебѣ самомъ все это есть. Признаюсь, мнѣ отвратительно было внушать, такъ сказать, эту мерзость въ себѣ и другихъ; тутъ еще раскрылось мнѣ внутреннее состояніе, тоже переполненное подобными же недостатками и другой особы, которой имени не назову. Послѣ сего я почувствовалъ въ сердцѣ своемъ отмиѣнную какую-то жалость ко всѣмъ этимъ людямъ; мнѣ было жалко, что и я и другіе путаются, заблуждаются и враждебствуютъ противу ближняго. Такое раскрытіе внутренности меня совершенно успокоило, продолжалъ Дмитр. Иван. Но только вотъ что зямѣтить должно, что, перечувствовавъ всю гнусность этаго состоянія, потомъ увидѣвъ въ себѣ и несказанную жалость къ ближнему носящему въ себѣ такую тьму сердечную, я однако не почувствовалъ въ себѣ любви къ этому упавшему ближнему, а надобно бы было любовь почувствовать“. Слова эти были для меня спасительнымъ урокомъ, и я далъ себѣ непремѣнное обѣщаніе, чтобы въ моихъ разговорахъ сдерживать эти порывы негодованія противу моего ближняго, на котораго бы я имѣлъ и справедливую досаду. Въ то время, когда Дмитр. Иванов. гостилъ у меня, двѣ мои женщины и кухарка отправились къ нему въ Розовой павильонъ тоже въ гости, къ именинницѣ, одной изъ женщинъ, пріѣхавшихъ съ барынею изъ Москвы; тутъ собраны были и другіе гости; дѣвушка, что ходитъ за Ан. Алекс. и которой я далъ

прозвище: „карандашъ“, тоже тамъ была, были и другія, какъ-то внучка старухи Перонъ съ своею матерью и проч. Извѣстно мнѣ, что въ моей кухнѣ испечено было для сего праздника два Русскихъ пирога, были и яблоки, и орѣхи, и виноградъ. Это-то для меня наивно и любезно, когда и служители наши, на берегу Чернаго моря, въ Татарской сторонѣ, собираются и празднуть именины порусски. Я спросилъ своего мальчика Сергѣя, его звали ли на праздникъ. Звали, да за чѣмъ идти? У насъ и свои пироги не хуже ихъ. Это мнѣ понравилось, и я съ удовольствіемъ отправился спать.

*

25-го Ноября.

Отправился по обычаю моему къ своему князю на чтеніе и обѣдъ. По приходѣ велѣно прямо идти на верхъ, гдѣ князь съ Козловскимъ сидѣли одни, а у сестры его въ то время сидѣла княгиня Мещерская съ Лизою. Отдохни, покуда не читай, сказалъ мнѣ князь; ты усталъ. Какъ мнѣ жаль, продолжалъ князь, что управитель отослалъ изъ дома осла: не пачѣмъ пріѣхать было къ вамъ Аннѣ Александр., а ей такъ этого хотѣлось. Князь, распространился въ негодованіи своемъ на управителя, который однажды, отдавъ осла Дмитр. Иван. съ тѣмъ, чтобы тотъ и кормилъ его, беретъ однакожъ осла назадъ и такимъ образомъ отсылаетъ. Да, отвѣчалъ я, здѣсь бѣда, если куда придется ѣхать: негдѣ взять экипажа или нанять лошадей. Говоря это, я не могъ надивиться князю, что такое съ нимъ случилось, въ какой порядокъ подвести эту наивность, или это уже просто младенчество. Нельзя же ему не знать, что у него на стойлѣ четыре лошади и нѣсколько экипажей; что на нѣкоторыхъ изъ этихъ лошадей развѣзжаетъ Козловскій, можетъ быть для интереснаго свиданія.... что прежде на этихъ же лошадяхъ просто ѣдила, куда хотѣла, Анна Александр. и что недавно только вздумалось сестрѣ его не давать болѣе лошадей Аннѣ Александр? Нельзя, говорю, этаго князю не знать, между тѣмъ какъ онъ такъ говоритъ, какъ бы ничего этаго не понималъ.... Комическое, но вмѣстѣ и обидное проявленіе. Вотъ какъ трактуютъ тѣхъ, которые привязываютъ свою участь къ нему фанатическимъ любленіемъ....

Наконецъ приступилъ къ обычному своему чтенію. На этотъ разъ оно оказалось занимательнѣе всѣхъ прочихъ разовъ. Сомнамбула обращаясь къ Аннѣ Александр.*), вдругъ взошла въ подробности о внутренней молитвѣ, говорила о какомъ-то таинственномъ и тонкомъ вѣяніи чего-то, при каковомъ случаѣ не должно заканчивать молитвы, а продолжать оную и проч. Мы теперь читаемъ 839 годъ, и вотъ, къ край-

*) Читалась рукопись о прежнихъ сношеніяхъ князя Голицына съ сомнамбулою Татьяною Висковатою.

нему моему изумленію, я, въ этомъ магнетическомъ журналѣ нахожу свое имя; этотъ случай совершенно поразилъ меня, но чтобъ хотя сколько нибудь дѣло было понятно, надобно нѣсколько начать издалеча. Служивши при князѣ въ Петербургѣ, мы всѣ знали (хотя онъ намъ никогда объ этомъ не говорилъ) мы всѣ знали, что онъ по два раза ѣздилъ въ недѣлю къ Аннѣ Александр., у которой проживала Татьяна, та сомнамбула, которая врачевала и наставляла князя, и что онъ слушался ея, какъ малый ребенокъ. Мнѣ тогда и самая Турчанинова казалась подозрительною; это исключительное знакомство ея съ княземъ, уклонявшее всѣхъ и не допускавшее къ сему таинственному общенію, мнѣ очень казалось страннымъ. Въ 839 годѣ князь сталъ серьезно прихварывать, а лечили его только Турчанинова и сомнамбула. Въ библіотекѣ моей была одна старая книга, напечатанная вторымъ изданіемъ въ 1805 годѣ. Название книги: *Exposition des Prédications sur l'église*, т. е. изображеніе пророчествъ о судьбахъ человѣчества и церкви, на основаніи текстовъ Священнаго Писанія, какого-то Ламберта. Эта книга и теперь у меня находится. Тамъ, между прочимъ, очень обстоятельно изображено будущее развитіе судьбы Евреевъ. По словамъ автора или, лучше сказать, по слову Писанія, назначеніе Еврейскаго народа будетъ несказанно высоко и блестяще. Между прочими главами сего сочиненія у автора изображены человѣческія врачеванія, особенно тѣ, которыми современники придавали какое-то основаніе религіозное и, между прочимъ, тутъ было описано врачеваніе и его нѣкоторыя счастливыя послѣдствія, похожее въ своихъ приемахъ на то, которымъ нѣкогда занималась Анна Александр. въ Петергофѣ и въ другихъ мѣстахъ. Авторъ, представляя читателю на видъ сіи врачеванія, описывая ихъ странный процессъ, предостерегаетъ однако приписывать имъ психологическую и религіозную значительность. Желая, чтобъ князь обратилъ вниманіе и на провѣщанія и на чудесныя врачеванія, которыя вовсе не были новы въ подлунномъ мірѣ и прошли вмѣстѣ съ тою полосой времени, я предложилъ ему прочитать эту книгу. Онъ охотно согласился, и я явился къ нему для сего предмета обыкновенно по утрамъ. Чтеніе продолжалось, оно видимо интересовало князя, и я подходилъ уже къ тому описанію чудесныхъ врачеваній, какъ въ одно утро князь объявилъ мнѣ, что онъ не хочетъ слушать продолженія сего чтенія. Меня это очень удивило, и я даже тогда поспорилъ съ княземъ, доказывая, что эта книга не только занимательна, но даже и полезна бы быть могла для него. Но князь на отрѣзъ отказывался, примолвя, что ему Французскія книги, особенно религіознаго содержанія, совсѣмъ даже слушать не должно. Дѣло такъ тогда и оставлено было безъ дальнихъ объясненій, и вотъ сегодня,

спустя слишкомъ три года, этотъ таинственный случай объяснялся словомъ ясновидящей, которое изложено собственною рукою князя въ его журналѣ: Юрій, говоритъ сомнамбула, приноситъ тебѣ книги, которыя основаны на воображеніи; не читай ихъ, особенно ту книгу, которую нынѣ читаешь. Послѣ князь вновь переспросилъ ее, дочитывать ли ему эту книгу, которая начата уже. Нѣтъ, не дочитывай; что толку въ этихъ пророчествахъ, не то ли же выдетъ, что и изъ Штилинговой книги, гдѣ всѣхъ стращали 836 годомъ? Теперь не вправѣ ли я былъ удивиться, когда сомнамбула, никогда въ жизни меня не выдавшая, разгадала, такъ сказать, мое намѣреніе разочаровать князя къ чудеснымъ врачеваніямъ дѣвицы Турчаниновой и потрясти его вѣру къ нашимъ доморощеннымъ Пиеіямъ! Или, можетъ быть, книга не хороша, которую я однако далъ тогда же прочитать сестрѣ князевой, и та надивиться не могла, почему братъ, выслушивая дюжинные Французскіе романы, произвольно отказался отъ столь полезнаго и занимательнаго чтенія. Книга ей такъ понравилась, что она не одинъ десятокъ положила въ ней замѣтокъ и усиленно просила, чтобъ я снова прочиталъ ею замѣченное.

Теперь, по моему, въ окончательномъ результатѣ должны выйти два положенія. Первое: если книга не хороша, то австральный духъ или ангелъ предостерегъ князя чрезъ ясновидящую отъ опасности прочитать эту книгу. Но виноватъ, душа моя и совѣсть не только не признаютъ книгу дурною, но остаются въ полномъ увѣреніи ея благонамѣренности и полезности. Второе: если книга хороша и особенно мѣткі и вѣрны указанія на тщету и опасность всѣхъ тѣхъ врачеваній, которыя, подъ видомъ чудесныхъ, таинственныхъ и непонятныхъ излеченій, святились нѣкогда офанатизованною толпою, тогда уже духъ не добрый, чрезъ посредство ясновидящей, забѣждалъ къ моему князю, а просто духъ лестчій. Часто сомнамбула говоритъ о Святой Троицѣ и пр. Не знаю, не вѣрится и не упрекается во мнѣ за невѣрствіе. Князь выговорилъ мнѣ, что онъ держится перваго мнѣнія.

Оставимъ пневматологію и перейдемъ къ обѣду*), который на этотъ разъ былъ очень хорошъ; много и было за столомъ: Шмидтъ, Эшельманъ и другіе обыкновенные застольные посѣтители. Кологривая была

*) Какъ это напоминаетъ мнѣ то, чему свидѣтелемъ бывалъ я въ Москвѣ, навѣщая Ю. Н. Бартенева. Послѣ долгихъ рѣчей о богословіи и психологіи, онъ вдругъ говорилъ: „теперь обратимся на блевотину“, отодвигалъ ящикъ комода возлѣ своего кресла, наполненный всякаго рода сластями, дѣлыми пригоршнями снѣдалъ ихъ и подавалъ своимъ посѣтителямъ, проси позакониться. Вспомнимъ протопопа Аввакума или И. М. Снѣгирева, прибѣжнаго ко всему церковному и обѣдавагося на поминальныхъ обѣдахъ. П. Б.

очень обязательна, говорила, что круглый пирогъ съ яйцами она нарочно для меня велѣла приготовить и что она охотно дарила бы меня съѣстными припасами, но что она знаетъ, что я не люблю подарковъ и пр. Все это отводъ, фразы и школа для стараго ея брата; не знаю, съ чего она взяла, что я люблю круглые съ яйцами пироги. Князь задремалъ, и я отправился къ Турчаниновой. Когда я пересказалъ ей монологъ князевъ о неудобствахъ и препятствіяхъ посѣщенію ея именинницы моей, старуха отъ добраго сердца хохотала. Онъ всегда таковъ былъ, сказала она мнѣ. Когда я замѣтилъ Аннѣ Алекс., что въ ея квартирѣ холодно, чтò дѣлать, сказала она мнѣ, не дають дровъ. Надобно удовлетвориться, по ея словамъ, тою формою любви, которою князь любить и не требовать отъ него болѣе. Она увѣрена, да и нынѣ замѣтила, что князь очень любить меня. Покорный я слуга за эту любовь, подумалъ я, и отправился домой. У себя нашелъ я Ялтскаго почтмейстера, который привезъ мнѣ забытый на почтѣ фунтъ чаю, присланный Симферопольскимъ Караймомъ. Онъ же извѣстилъ меня, что прибыла въ Ялту столь давно ожидаемая Вѣра Алексѣевна Муравьева. Я послалъ человѣка тотъ же разъ извѣстить о томъ князя, но въ продолженіе вечера узнали, что она и сама, т. е., Муравьева пріѣзжала къ нему изъ Ялты. Нынѣшнюю ночь я видѣлъ сонъ, будто-бы былъ въ такомъ-то собраніи; на мнѣ былъ новый орденъ, и кромѣ я еще имѣлъ два ордена осыпанные брилліантами. Ордена и кресты не такъ-то видѣть хорошо во снѣ; два брилліантовые ордена я уже имѣю: это двѣ ненависти Кологривой и Козловскаго, а третій не предвѣщается-ли отъ Муравьевой? *Впрочемъ, страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ: я на Нею уповаю.*

27-го Ноября.

Я опять принялся за чтеніе Пенни-Магазина. Печка чугунная ярко пылаетъ; сильный вѣтеръ остудилъ комнату; вдругъ приносятъ ко мнѣ пакетъ съ почты, а женѣ посылку изъ Петербурга; это былъ совершенно нечаянный сюрпризъ для меня. Въ пакетъ были: 1) письмо изъ Симферополя отъ купца съ разными образчиками шерстяныхъ матерій для Кати 2) письмо отъ Жегочева 3) повѣстка изъ Петербурга съ небольшими деньгами, вѣроятно ото Льва Матвѣича Спасскаго и 4) чтò всего дороже, письмо отъ Сарры Александр. Бюллеръ. гдѣ она благодаритъ меня за посланную къ ней книжку, тѣмъ болѣе для нея радостную, что она текстъ этой книжки въ рукописи всегда имѣетъ и носить при себѣ, куда-бы она ни отправлялась. Какое нечаянное для нея было удовольствіе увидѣть и получить это сочиненіе напечатаннымъ въ Одессѣ! Она проситъ меня купить этихъ книжекъ на двадцать пять рублей. Вечеромъ Варинька возвратилась отъ князя; при-

несла мнѣ иностранныхъ журналовъ, а болѣе того большой пакетъ отъ Латкина; онъ уже пишетъ ко мнѣ изъ Петербурга; при письмѣ приложенъ краткій отчетъ его путешествія. Кромѣ того, Варинька принесла мнѣ Астролога, второй романъ Вальтеръ-Скота. Я очень былъ доволенъ нынѣшнимъ вечеромъ, не смотря на то, что г-жа Кологривая беретъ сторону нашего управителя, доказывая, что не слѣдуетъ ему дѣлать двойныя рамы въ спальнѣ. Вѣтеръ усиливается и обращается въ бурю; на моей Венеціанской галлерей только и слышно, что вылетаютъ стекла. Уныло и какъ-то страшно внимать бурѣ и завыванію вѣтра.

Поутру заходилъ ко мнѣ докторъ Шмидтъ и читалъ мнѣ длинное Нѣмецкое письмо, которое посылаетъ онъ къ государеву медику Арендту о состояніи здоровья князева; по мнѣнію Шмидта, та кровь, которую онъ выплевываетъ горломъ, есть геммороидальная, а Кологривая настаиваетъ, что эта кровь отдѣляется изъ легкихъ. Она утверждаетъ, что два родныхъ братьевъ князя умерли отъ подобнаго отдѣленія крови.

28-го Ноября.

Вѣтеръ продолжаетъ бушевать, въ комнатахъ холодно, на дворѣ сыро; дождикъ однако прекращается; у меня вчера немножко заболѣло горло, а потому я послалъ человѣка извѣстить князя, что я не могу быть у него и просить у него на то позволенія. Онъ извѣщаетъ меня, что, смотря на такое ненастье, онъ и самъ думалъ за мною не посылать. Я читалъ краткій отчетъ путешествія Латкина, гдѣ онъ описываетъ трудности ѣзды и пустынность края. Посѣтила насъ жена Гартвисова, которая у насъ обѣдала и весь день пробыла. Она дала мнѣ знать, что до нея дошли слухи, что въ домъ князя я отзывался объ ней худо, но не сказала что ей на меня насажали; здѣшнее мѣсто есть страна по превосходству вѣстей и сплетней. Обѣдъ очень былъ хорошъ; былъ поданъ пастетъ съ куропатками. Елисавета Ѳедоровна, кажется, была довольна нашимъ приѣмомъ, играла на фортепьяно, пѣла. Нѣсколько времени провела съ нами и Ольга Карловна Ницъ.

29-го Ноября.

Вѣтеръ поднялся, просвѣтлѣло, хотя и холодно. Князь прислалъ ко мнѣ человѣка, пойду ли я къ нему сегодня и буду-ли обѣдать. Я велѣлъ сказать, что явлюсь. Пришедши въ домъ, вся обычная семья дожидалась меня на верху. Прежде чѣмъ принялся повторять прочитанное прежде сего изъ журнала, я замѣтилъ, что Кологривая не въ духѣ. Она какое-то сдѣлала мнѣ лукавое замѣчаніе на счетъ моего чтенія, а дѣвица Мауреръ стала тому смѣяться; я тотъ же разъ по-

спѣшилъ замѣтить сей послѣдней, что только у нея и есть два дѣйствія при слуханіи, т. е. или она спитъ, или смѣется. Кологривая принялась за нее заступаться, а я, не желая распространяться съ нею, принялся за чтеніе. Оно скоро и кончилось, ибо князь торопился сойти въ низъ. Онъ захотѣлъ, чтобъ я прослушалъ продолженіе магнетическаго журнала, въ которомъ заключается провѣщанія сомнамбулы Висковатовой, принявшей на себя трудъ пользоваться отъ долговременной болѣзни дѣвицу Шумлянскую. Прежде еще было извѣстно, что она открыла настоящую причину болѣзни у сей дѣвицы, теперь объявила она дальнѣйшія подробности. Въ желудкѣ Шумлянской, по словамъ сомнамбулы, живетъ не глиста, не солитеръ, а просто змѣя, отвратительнѣйшая тварь въ своемъ родѣ; она очень тонка и свернута въ клубокъ, длины она безмѣрной; ей нѣтъ имени на землѣ, но у Бога есть для нея названіе, и сомнамбула общала со временемъ открыть это имя. Ясновидящая рассказываетъ, что 18 лѣтъ тому назадъ, на какой-то зеленой полянѣ, дѣвицѣ Шумлянской захотѣлось напиться и что подали ей тогда стаканъ воды, что въ этомъ-то стаканѣ проглотила она зародышъ этой змѣи живущей въ водѣ; что сомнамбула надѣется, что змѣя оставитъ болящую и что это пресмыкающееся уже чувствуетъ, что время его близко; оно предвидитъ брань и всѣ мѣры возметъ къ сопротивленію. Тайнственные и неопредѣленные намеки сомнамбулы какъ бы показываютъ, что змѣя есть олицетвленный духъ..... Посмотримъ, что будетъ далѣе.

Вотъ наконецъ желанная и нежеланная гостя явилась, Вѣра Алексѣевна Муравьева съ племянницею ея Марьею Владимировною. Я поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. И подлинно, по этой дорогѣ онѣ сдѣлали великій подвигъ. Муравьева только что пріѣхала, какъ уже сдѣлала услугу архитектору Эшельману, котораго князь хотѣлъ посадить за маленькій столъ. Князю показись, что много будетъ обѣдать, и онъ никакъ не соглашался, чтобы Эшельману поставили приборъ за общимъ столомъ. Вѣра Алекс. начала просить князя: князинька, пожалуйста, посади Эшельмана и пр. Вотъ является и другая пара: князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій со своею сожительницею. Я радъ былъ увидѣть Мещерскаго. Жена его начала при князѣ выхвалявать его, что онъ добрый человекъ и пр. Князь нашъ и сестра его въ апопеезѣ къ нему ласки и благоволенія (между тѣмъ какъ все ими же нѣкогда сдѣлано было, особенно Кологривою, противу которой у Мещерскаго были личности, чтобы унижить и хулить князя Мещерскаго). Теперь все переменялось, наступила новая эра, все забыто; только на долго ли? Обѣдъ былъ веселъ и обилень, но не кончился безъ спора. Муравьева привезла вѣсти, что сенаторъ Небольсинъ, быв-

шій нашъ Московскій хозяинъ, 65 лѣтъ отъ роду, женился на 18 лѣтней дѣвушкѣ. Одна сторона говорила, что это дурно сдѣлано, Кологривая защищала, приведя въ причину, что онъ былъ добрымъ ей хозяиномъ въ Москвѣ. Изрядная логика, сближающая неравенство лѣтъ въ несообразномъ бракѣ. Послѣ обѣда всѣ собрались въ гостинной, кромѣ Эшельмана и Козловскаго которые вышли по своимъ дѣламъ; вдругъ г-жа Кологривая, ни въ строй, ни къ смотру, начала говорить, что начнется князю новое время для чтенія болѣе для него пріятное, потому, что доселѣ Варвара Петровна постоянно раздражала (*avait écorché*) уши ея брату. Я остолбенѣлъ отъ удивленія и счелъ за нужное тотъ же разъ сказать: вотъ достойная награда для Вариньки почти за полтора-годовичное и добросовѣстное ея стараніе исполнять волю вашего брата. Обращаясь къ дѣвицѣ Марѣ Владимировнѣ, я прибавилъ: вы можете замѣнить Варв. Петровну съ большимъ успѣхомъ. Послѣ того Муравьева, ея племянница и дѣвица Мауреръ вышли осматривать церковь, а Кологривая вдругъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ: Юр. Ник., вы на меня разсердились. Признаюсь, я былъ взбѣшенъ и сказалъ: Вы эгоистка и неблагодарная. Отъ этаго Кологривая очень озлилась: какъ вы смѣете это мнѣ говорить? сказала она мнѣ и побѣжала въ свою комнату. Братъ началъ насъ обоихъ винить, но чтобъ не было ему вреда для здоровья отъ сего насильственного и взволнованнаго состоянія, я принялъ вину на себя и принесъ извиненіе: такъ-девать, съ языка сорвалось. Погода немножко, я убѣждалъ отдохнуть къ себѣ. Меня посѣтилъ духовный мой отецъ Алупкинскій священникъ и въ то время, какъ я дремалъ на креслахъ, рассказывалъ женѣ моей, что князевъ священникъ хочетъ весною сходить: что нѣтъ ему покою отъ сестры князевой, что о такихъ вещахъ говорить она отцу Андрею, которыхъ бы онъ не сталъ произносить при женѣ своей, и все это въ ревнованіи къ благочестію своего священника; что Кологривая не допускаетъ къ нему въ прислугу женщинъ, соблюдая цѣломудріе священника и пр. Священникъ говоритъ, что онъ готовъ быть безъ прихода, нежели жить на такихъ условіяхъ. Да и самъ отецъ Андрей, то есть, духовный отецъ мой, желалъ-бы удалиться съ южнаго берега. ему здѣсь тяжело: но нѣтъ возможности, развѣ кто присва-тался бы къ его дочери и рѣшился остаться на его мѣстѣ, тогда священнику свободнѣе было-бы дѣйствовать и пр. Последнее предположеніе я ему внушилъ. Потомъ зашелъ ко мнѣ Дмитр. Иванов. Поповъ и довольно долго посидѣлъ у меня. И этотъ въ страшномъ негодованіи противъ Кологривой, но только за Анну Александровну Турчанинову, которая теперь больна и лежитъ подъ нѣсколькими одѣялами въ холодномъ покоѣ. Кологривая не велитъ ей отпускать дровъ; прежде да-

вали 12 полѣнъ, теперь даютъ только десять. Но чтобъ быть правою въ глазахъ своего брата, она выкинула вотъ какую хитрость. Когда князь сидѣлъ у Турчаниновой, она сама пришла туда съ печникомъ и начала нарочно такъ громко говорить въ другой комнатѣ, чтобы князь могъ это слышать. Отчего трещина на печкѣ? спросила она печника; отъ того-де, что много кладутъ дровъ; слѣдовательно нельзя давать много дровъ, есть опасность. Послѣ этаго и Аннѣ Александровнѣ нельзя требовать топлива. Она, по словамъ Дмитрія Иван., въ отчаяніи, хотѣла бы переѣхать въ Ялту, но боится распустить слуховъ оскорбительныхъ для князя; да и пищу, видно, даютъ ей дурную, потому что она просила Дмитр. Иванов., чтобъ онъ накормилъ ее добрыми Русскими щами и гречневою кашею, что она чувствуетъ расстройство въ желудкѣ. Я двѣнадцать лѣтъ употребила, говоритъ Турчанинова, для исполненія воли князевой, жила все это время въ Петербургѣ на своемъ иждивеніи, не желая ничѣмъ заимствоваться отъ князя, а теперь, прошу покорно, меня же выживаютъ и холодомъ, и голодомъ. Но если я сюда и пріѣхала, то это по усиленной просьбѣ самаго же князя; теперь куда мнѣ дѣваться? Вездѣ зима, а я пріѣхала въ лѣтнемъ экипажѣ. Есть забавная однако сторона этихъ продѣлокъ Крымской тигрицы. Я сего-дня утромъ былъ у Анны Алекс., продолжалъ Поповъ, сидѣлъ у нея и у меня озябла спина; а какъ пришелъ къ ней, то сидѣлъ у нея самъ князь и отъ холода надѣлъ фуражку на голову; когда Дмитр. Иван. пришелъ, то онъ снялъ фуражку. Не надивисья этому князеву обаянію, онъ тужилъ сперва, что Турчаниновой не на чѣмъ ѣздить, когда у него есть четыре праздныхъ лошади и нѣсколько экипажей; теперь забнетъ у той же Анны Александр. и не догадается, что это все фокусы возлюбленной его сестрицы, которая въ этомъ случаѣ сугубо смѣется подъ своимъ чепчикомъ и надъ Турчаниновою и надъ своимъ братомъ. Д. Ив. предложилъ мнѣ отъ имени ея, чтобы мы совокупно подумали, какъ горю помочь. Мы надумали достать ей на первый разъ желѣзную печку, но къ сожалѣнію нѣтъ управителя дома, а жена безъ его позволенія не смѣетъ выпустить такую дорогую мебель изъ дому.

*

30-го Ноября.

Сегодня я и проспалъ и худо, и мало молился; душевная и тѣлесная апатія; долго не одѣвался; грѣлся и сидѣлъ у печки; спалъ, или, дремалъ поутру и послѣ обѣда. Варинька, не смотря что деретъ уши князю, вытребована имъ была для чтенія. Вечеромъ она возвратилась и принесла мнѣ пукъ газетъ иностранныхъ. Сцена приѣма ея у князя была умилительна; ее премного ласкали и братъ, и сестра; братъ держалъ ее долго за руку и клалъ ону на свое сердце, другая вышла

даже провожать ее. Послѣдняя глядѣла или вглядывалась въ глаза Варинькѣ, дабы удостовѣриться, пересказалъ ли я ей вчерашнее событіе. По увѣреніямъ Вариньки, она вышла побѣдительницею послѣ сего женскаго испытанія и вовсе не показала, что она знаетъ вчерашнюю отвѣдь.

*

1-го Декабря 1843 года.

По утру является ко мнѣ Алупскій священникъ отецъ Андрей въ сопровожденіи Севастопольскаго протоіерея въ камилавкѣ и одного молодого человѣка. Физіономія отца Андрея разцвѣла отъ радости. Вы напророчили мнѣ третьяго дня, сказалъ онъ мнѣ входя: представляю вамъ будущаго моего зятя. Этотъ молодой человѣкъ нечаянное мнѣ сдѣлалъ вчера предложеніе и проситъ руки моей дочери. Священникъ же Севастопольскій, протоіерей тамошняго собора, есть родной братъ его. Отца Андрея намѣреніе—уступить ему и свое мѣсто въ Алупкѣ. Нареченный зять, молодой человѣкъ со счастливою физіономіею; у него она облагороженнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ семинаристовъ. Молодецъ, что называется, кровь съ молокомъ. Въмѣстѣ съ ними посѣтилъ меня въ первый еще разъ по пріѣздѣ и сосѣдъ мой князь Мещерскій. Когда мы остались одни, онъ тотъ часъ же дружески упрекнулъ меня за Козловскаго: помните, что я вамъ говорилъ объ немъ, сказалъ онъ мнѣ. Я отправился къ князю, а онъ остался у жены моей, которой ясно показалъ, что онъ всѣ здѣшнія дѣла знаетъ, что худо кормятъ Турчанинову и не даютъ дровъ; знаетъ отзывать архитект. Эшельмана, который спѣшитъ отстроить только церковь, чтобъ послѣ ноги своей въ домъ не занести. Пріѣхалъ къ князю, началось чтеніе; я выбралъ ему жизнь извѣстной Бренвилле; чтеніе показалось мнѣ занимательнымъ для князя. Потомъ пріѣхала Марья Владимировна, которая читала князю по моимъ указаніямъ и замѣткамъ изъ *Magazin Pittoresque* статьи двѣ-три. Князь, прощаясь со мною, просилъ меня, чтобъ я завтра пришелъ къ нему обѣдать, а я попросилъ, чтобы онъ прислалъ за мною лошадей. Ты мнѣ дай объ этомъ знать; можетъ быть, грязь просохнетъ. Она въ пять дней не просохнетъ, отвѣтствовалъ ему. Странное дѣло, онъ видно и мнѣ скупится давать лошадей..... На дворѣ настоящій осенній день; мокрый снѣгъ сыплеть; это зрѣлище здѣсь рѣдкое; по утру былъ морозецъ; солнце взошло, и все растаяло. Очень рано было два градуса тепла, около полудня въ тѣни семь градусовъ. Передъ разсвѣтомъ былъ случай мнѣ погрѣть сердце свое молитвою: увы! холодно это сердце: не пускаетъ Господь распыряться ему любовію и обоженіемъ. Живу все въ какой-то злобѣ и ненавидѣніи. Увы! И люди дурны, и самъ я еще хуже ихъ! Вечеромъ все трудился

надъ своимъ скучнымъ журналомъ; скучнымъ для другихъ, если кто будетъ читать, но занимательнымъ для меня; оставлять на бумагѣ свои впечатлѣнія есть какое-то творчество!

*

2-го Декабря.

Мальчикъ мой приходитъ и рассказываетъ, что, относя книгу на квартиру Анны Александровны, она зазвала его къ себѣ и велѣла мнѣ сказать, что она очень себя чувствуетъ нездоровою и чтобъ болѣе не занемочь, то отправляется сейчасъ въ Ялту. Неожиданность такого извѣщенія меня очень поразила. Я одѣлся, выбрился и какъ лошади дожидались у самыхъ дверей дома моего, то и отправился къ князю. Однакожъ, выѣхавши на улицу, принужденъ былъ выйти: Татарская свадьба, помѣшавшая ѣхать. Я вышелъ изъ кабріолета и остановился поздравлять вмѣстѣ съ другими. Нѣсколько женщинъ старыхъ и молодыхъ, закутанныхъ въ какія-то бѣлыя покрывала, похожія на саванъ, стояли на ближней крышѣ сакли, откуда должна отправиться невѣста: а на крышѣ самого невѣстина дома стояла толпа мушкетеровъ; всѣ сии обоюго пола особы одѣты были въ грязное не платье, а лахмотья. Въ это же самое время играли заунывную пѣсню на какой-то сопѣлкѣ; я сказалъ играли—нѣтъ, вовсе не похоже на игру, но звуки были дисгармоническіе и дикіе. По улицѣ множество Татаръ сидѣли верхами и дожидались выхода невѣсты. Предъ домомъ стоялъ маленькій парабанчикъ, родъ крытаго ящика, похожаго на полковую аптеку, запряженную парой лошадей. Наконецъ кто-то въ охапкѣ вынесъ невѣсту, которая какъ мѣшокъ закрыта была вся чѣмъ-то чернымъ, только видѣлъ я однѣ ноги, одѣтыя въ желтые сапоги, которые болтались, когда ее несли. Она въ это самое время ревѣла; наконецъ ее втиснули въ этотъ ящикъ, а я, не желая и не любопытствуя болѣе смотрѣть, отправился къ князю. Онъ дожидался меня на верху, и мы принялись за обычное чтеніе, котораго уже остается немного. До обѣда оставалось довольно времени; князь распространился, что при дворѣ надобно скрывать свои настоящія чувства; что бываетъ иногда такъ, что иные люди между собою не сходятся и не говорятъ, но находясь при дворѣ, они этого раздора не показываютъ, а оставляя дворское собраніе, опять по прежнему дѣлаются непримиримыми врагами. Признаюсь, я худо понялъ этотъ намекъ; ужъ не наговорилъ ли на меня Козловскій, что я мало говорю съ нимъ въ обществѣ князя. Признаться, я хотѣлъ посмотреть и наблюсти, какое дѣйствіе произвелъ на хозяевъ внезапный отъѣздъ Анны Александровны. Я ничего не успѣлъ замѣтить; все по прежнему: князь былъ веселъ по обыкновенію. Сестра совершенно въ своей тарелкѣ. Только за столомъ князь промолвилъ съ нею, что когда

прощался съ Турчаниновою, то она вся въ жару была, да слышно, что и ночь худо спала. Не мудрено ей быть больною, возразила Кологривая, она въ 12 часовъ ночи возвращалась изъ гостей. Не можетъ быть, сказалъ князь; не сама ли ты мнѣ сказывала, что она въ десятомъ часу пріѣхала? Если мнѣ не вѣришь, то спроси Павл. Дмитр. Козловскаго. Точно такъ, отвѣтствовалъ сей послѣдній скороговоркою; въ 12 часовъ ровно за полночь пріѣхала. Я былъ совершенно увѣренъ въ безстыдной лжи и стачкѣ, и взявши рюмку вина, которую собирался пить, я внутренно призывалъ Господа, чтобъ удержалъ языкъ мой, ибо чувствовалъ, что кровь начала приступать или приливать къ головѣ моей. Я мало сидѣлъ и отправился домой, зайдя однако предварительно вмѣстѣ съ Эшельманомъ въ новопостроенную церковь, которую торопился приготовить ко дню рожденія князева. Церковь маленькая, уютненькая, освѣщаемая однимъ окошкомъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ изъ алтаря. Въ окошкѣ два аршина ширины и шесть высоты; узоръ и подборъ стеколъ превосходный, что-то готическое и граціозное. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Дмитр. Иван. Поповъ, который провожалъ Анну Александр. до Ялты. И онъ не могъ надивиться крутому рѣшенію Анны Александр. Вчерашній день она цѣлые почти сутки пробыла у нихъ въ Розовомъ Павильонѣ: по утру рано послала къ нему записку, чтобы онъ прислалъ за нею; мнѣ хочется поотогрѣться у васъ; писала она. Во время обѣда человѣкъ ходилъ къ повару князя, чтобъ что-нибудь отпустили изъ съѣстнаго для ужина, Ан. Александр. имѣетъ привычку ужинать. Человѣку отказали; на обѣдъ потому ничего не отпустили, что ея не было дома, и она обѣдала въ гостяхъ, а на ужинъ не дали, потому что надлежало спроситься о томъ у Елисавет. Михайл. По этой причинѣ человѣкъ пришелъ спросить ее въ Розовый Павильонъ, слѣдуетъ ли ему идти къ Елис. Михайл. Анна Александр. не приказала этого дѣлать, а уже Поповы дали ей тарелку съѣстнаго для ужина изъ остатковъ обѣда и отправили съ нею на квартиру. Ночь она у себя худо спала, потому что было очень холодно и на другій день рѣшилась ѣхать. По утру князь, какъ обыкновенно, приходилъ къ ней и сказалъ, что приносили ей вчера на обѣдъ кушанье, но что ея не было дома и потому назадъ все отнесли. Я потому эту мелочь записываю, чтобы показать, какъ князь обмануть. Турчанинова холодно съ нимъ рассталась. и Дмитр. Иван. замѣтилъ, что и онъ немножко былъ встревоженъ, хотя и думалъ, что Ан. Александр. удаляется на время. Цѣлое утро, сказывалъ Дмитр. Иван., князь проговорилъ о томъ, что я на грязь попросилъ у него лошадей: можно бы пѣшкомъ пройти ему было и проч. Вотъ это вамъ урокъ, Юр. Ник., сказалъ Поповъ. Чего остается ожидать вамъ за

долговременную и искреннюю привязанность вашу къ вельможѣ, отъ котораго, по словамъ Писанія, ничего вѣрнаго и постоянного ожидать не должно. Съ почты я получилъ одно только письмо отъ Косаковского изъ Одессы; онъ очень мило увѣдомляетъ меня о подробностяхъ своего путешествія. Я читалъ краткую записку о жизни Вальтеръ-Скота, составленную благодарнымъ и признательнымъ его другомъ. Приснился странный сонъ. Видѣлъ старыхъ и добрыхъ моихъ Лифляндскихъ пріятельницъ дѣвицъ Лилиенфельдъ, съ которыми разстался въ исходѣ 1815 года. Видѣлъ брата Семена Никитича, играющаго въ банкъ; онъ было подаль мнѣ колоду картъ и попросилъ вынуть для счастья карту, которую я ему и вынулъ. Но это былъ банкъ другаго рода; за столомъ была машинка; она вертась, останавливалась и показывала ту карту, которая выигрывала.

*

3-го Декабря.

Въ продолженіе дня и вечера дочитывалъ очеркъ біографіи Вальтеръ-Скотовой и другой романъ его Маннерингъ, который занимаетъ меня и развлекаетъ отъ мрачныхъ и скорбныхъ мыслей. Изъ всѣхъ возможныхъ самозабвеній это самое невинное. Господь да помилуетъ душу незабвеннаго автора за удовольствіе, которое онъ доставляетъ въ нашемъ монотонномъ и часто грустномъ житіи. Вечеромъ мы выходили на балконъ; странное зрѣлище намъ представилось: окрестныя высокія горы подернулись туманомъ, столь густымъ, какъ хлопчатая бумага; въ верху слышанъ былъ шумъ и какое-то завываніе; но на дворѣ все было тихо, море не колыхалось, близъ стоящія деревья не шевелились. Наконецъ все это разразилось бурей; она поднялась съ вечера и бушевала во всю ночь съ такимъ ожесточеніемъ, что мнѣ казалось, что самый домъ нашъ колебался. Это наводитъ нестерпимую грусть, и я часто просыпался и прислушивался къ завываніямъ вѣтра. Писалъ вечеромъ письмо къ Ив. Петр. Егорову и для очистки моего намѣренія спрашивалъ его совѣта, идти ли мнѣ въ другую должность и въ какую именно?

*

4-го Декабря.

Сегодня именинница наша Варинька: мы праздновали этотъ домашній праздникъ, какъ намъ позволяли наши средства. Я сдѣлалъ ей подарокъ двумя золотыми монетами. Катя моя подарила ей серьги, о которыхъ знала, что онѣ ей нравились. Князь съ сестрою тоже прислали ее поздравить и прислали тоже подарокъ: это былъ изъ шерстяной матеріи сшитый бурнусъ, родъ апанечки; матерія незавидная, гнилая, заштопанная и, какъ нѣкоторые утверждаютъ изъ на-

пихъ, старенькая, подкладка дурная, вата лѣзетъ изъ-за подкладки. Когда принесли этотъ подарокъ, то люди наши начали дѣлать свои замѣчанія, а Семенъ даже и подшутилъ. Между тѣмъ, Кологривая, нѣсколько тому назадъ дней, дала мнѣ торжественно замѣтить, и это было сказано въ присутствіи слѣпаго брата, что приготавливается и шьется подъ непосредственнымъ ея присмотромъ уборъ для нашей Вариньки, для котораго фасонъ взять у княгини Мещерск. Врядъ ли князь знаетъ, кромѣ того, что ему сказано объ этой новой мистификаціи. Ольга Карловна пришла посѣтить вечеромъ. Обѣдъ былъ презрядный, а за столомъ сидѣло только трое. Буря не унималась во весь день, шелъ снѣгъ и дождь. Шумъ отъ вѣтра наводилъ на мою душу несказанное уныніе. Я углубился въ Маннеринга Вальтеръ-Скотта и читалъ его почти цѣлый день, сидя и грѣясь у печки. Нашелъ время написать письмо къ Жегочеву и совѣтнику Симферопольскаго Губернскаго Правленія Славинскому; я отправилъ къ нему его бумаги и послалъ къ нему глиняныхъ Китайскихъ идоловъ; онъ охотникъ собирать рѣдкости.

*

5-го Декабря.

Князь прислалъ меня увѣдомить, что, видя такую бурную погоду, онъ за мною не пришлетъ, чему я отъ души порадовался; вмѣстѣ съ симъ присланъ былъ пукъ газетъ, чѣмъ я и занялся сидѣвши и нѣжась передъ своею печкою; на дворѣ идетъ снѣгъ, градъ, но мнѣ было очень хорошо перебирая газеты и дочитывая Астролога. Удовольствіе мое возвысилось, когда съ почты привезли мнѣ пять писемъ, и притомъ Левъ Матв. Спасскій надумалъ прислать мнѣ нѣсколько денегъ изъ сборовъ съ крестьянъ моихъ (190 руб.) серебр. И такъ первое письмо было отъ Спасскаго изъ Петербурга, второе изъ Костромы, отъ духовнаго моего отца, разумѣется, прежняго отца Василья Малиновскаго, гдѣ описываетъ мнѣ нѣкоторыя подробности, касающіяся до Костромской гимназіи; третье письмо изъ Ярославля, отъ профессора Лицея Алексѣя Зиновьева, бывшаго моего распорядителя по Ярославской деревнѣ; четвертое письмо было изъ Симферополя, отъ Жегочева и наконецъ пятое изъ Кологрива, отъ прежняго моего письмоводителя Сирина. Этотъ неумѣренную ласку показываетъ мнѣ въ своихъ объясненіяхъ и вмѣстѣ увѣдомляетъ о кончинѣ одного живописца, почтеннаго старца изъ простаго званія, въ которомъ я принималъ нѣкогда живѣйшее участіе; я помню его почти съ шести или семилѣтняго моего возраста. Господь одарилъ его высокимъ призваніемъ, не смотря на то, что онъ былъ крѣпостный крестьянинъ. Миръ праху твоему и блаженство душѣ твоей, любезный Феодоръ! Сего желаю тебѣ во имя

неизмѣримой любви къ роду человѣческому Божественнаго нашего Испытателя. Умершій старецъ имѣлъ въ сердцѣ своемъ большую вѣру къ своему Господу. Въ числѣ денегъ, присланныхъ ко мнѣ изъ Петербурга, находились новые кредитные государственные билеты, которые предназначены въ замѣну настоящимъ ассигнаціямъ и депозитнымъ билетамъ: рублевый желтовато гильошетный; трехъ-рублевого достоинства зеленого цвѣта гильоше; пяти-рублевого синею краскою, а десяти-рублевого убранный былъ прекрасною розовою краскою. Я разсматривалъ эти билеты съ удовольствіемъ и, признаюсь къ стыду моему, любовался оными, какъ малый ребенокъ.

Я счелъ за нужное поблагодарить расторопнаго своего Ивана за скорое исполненіе моихъ приказаній и далъ ему въ число положеннаго ему жалованья пяти-рублевый новый билетъ. Удовольствіе получить деньги увеличилось и тѣмъ, что ни у кого еще на южномъ берегу такого не было, и онъ первый имъ владѣеть; Иванъ поспѣшилъ идти, дабы показать своимъ знакомымъ невиданную бумажную монету. Въ числѣ посылокъ, прислали мнѣ изъ Симферополя 10-ую книжку Москвитянина.

*

6-го Декабря.

Мы были за обѣдней и молебномъ; я просилъ священника отслужить молебенъ двумъ великомученицамъ: Екатеринѣ и Варварѣ; отдохнувши немножко дома, отправился къ князю. Теперь наступила совершенная зима для южнаго берега, дорога покрыта тонкимъ слоемъ снѣга, деревья обнажены и лишены листьевъ. Видъ на горы угрюмъ и дикъ. Но мнѣ хорошо было идти, тепло; вѣтеръ въ продолженіи дня и возставалъ и переставалъ. Прихожу къ князю; у него сидитъ Мещерскій, а Козловскій читаетъ ему жизнь Николая чудотворца изъ Четьи-Минеи, Кологривая лежитъ на диванѣ и дремлетъ. Потомъ она чрезъ нѣсколько времени встаетъ и говоритъ мнѣ, что она три раза мнѣ кланялась и что я ей не отвѣтствовалъ на привѣтствіе. Я возразилъ ей, что я имѣю честь кланяться, но все это дѣлалось для того, чтобы слышалъ братъ. Потомъ является Муравьева со своими обычными безстрастно-страстными движеніями; начались шептанья со старцемъ; впрочемъ, тутъ ничего и никогда не бывало худаго, кромѣ разчитанной ласки и угожденія, на что старецъ сильно поддается. Вотъ какой холодъ, говорить Муравьева, а вы мнѣ писали о розахъ, не упоминая о шипахъ. Будетъ перемѣна, сказалъ я ей; такого еще времени, каково теперь, я и не видывалъ въ домѣ; васъ ожидаетъ весна съ ея невыразимымъ очарованіемъ. Мнѣ все равно отвѣчала Муравьева; я достигла той цѣли, которой достичь желала, то есть увидѣлась съ княземъ, для котораго

и ѣхала. За обѣдомъ Муравьева завела разговоръ о Турчаниновой, что у нея въ Ялтѣ квартира тепла и пр. Это дало средство Кологривой разразиться на счетъ Анны Александр., что немудрено, что здѣсь у нея всегда было холодно, что когда нѣсколько часовъ не закрываютъ трубы въ вытопленной печкѣ, то всегда будетъ стужа въ покояхъ и пр. Слышавши, какъ она морочить брата, вся кровь бросилась мнѣ въ голову, и я, обратясь къ Козловскому, съ которымъ обыкновенно я весьма мало говорю, сказалъ ему: прошу дать мнѣ совѣтъ, говорить ли мнѣ вслухъ и все ли мнѣ говорить, когда внутренность моя наполнена словомъ и когда это слово просится себя обнаружить. Козловскій тотъ же разъ догадался, въ чемъ дѣло и отвѣтствовалъ мнѣ: лучше молчать. Муравьева возразила: по моему надобно говорить; самъ князь также присталъ къ разговору, сдѣлавшемуся общимъ. О чемъ ты, Юр. Ник., говоришь? О каштанахъ, в. с., что они очень вкусны и что я частичку ихъ хочу отнести домой. На этотъ разъ дѣло тѣмъ и закончилось. Мещерскій, какъ я замѣтилъ, въ большихъ ладахъ съ Козловскимъ, Вѣра Муравьева также; она даже сказала князю сего-дня, что будто и голосъ Козловскаго похожъ на голосъ Ковалькова. Послѣ обѣда я тотъ же часъ отправился домой и сѣвъ на креслахъ крѣпко заснулъ. Остатокъ вечера писалъ журналъ; началъ читать Констабля Честерскаго, исторію изъ временъ Крестовыхъ походовъ, сочиненіе того-же Вальтеръ-Скота. Вечеромъ нечистые помыслы томились въ душу мою и, разумѣется, омрачали ее. Прошу Тебя, великодушный Боже, не оставить меня.

*

7-го Декабря.

Вѣтеръ опять началъ усиливаться; къ вечеру обратился въ порывистую бурю. Это волненіе воздуха развиваетъ во мнѣ какую-то боязнь унылую, и потому мрачныя и скучныя мысли толпились въ душѣ моей, перемѣшиваемыя съ подстреканіями нечистыми. Отъ бури часть нашей желѣзной крыши снесло; хлопанье и завыванье вѣтра и наскучило и утомило меня. Снятся все какіе-то сны страшные; все скачу верхомъ на лошадяхъ, иногда быстро съѣзжаю по скату крутой горы. Господи, не накажи меня за суетвѣріе. Послѣ обѣдни князь Ал. Ник. заходилъ въ нашъ маленькій домикъ, что на улицѣ, приуготовляемый Мещерскимъ и Козловскимъ; щупаль руками стѣны и разгадывалъ распредѣленіе комнатъ. Муравьева и сама тутъ была; Мещерскій распорядился о нужныхъ передѣлахъ и поправкахъ и послалъ въ Семейскъ за рабочими и матерьялами; не знаю, каково-то это все покажется нашему управителю?

*

8-го Декабря.

Князь былъ за обѣдней, онъ пріобщался святыхъ таинъ; ему сегодня исполнилось 70 лѣтъ отъ роду. Идти къ нему съ поздравленіемъ нѣтъ никакой возможности. Я рѣшился послать письмо, гдѣ сильно изобразилъ мои чувствованія и обѣты всякаго ему блага и добра. Я услышалъ, что Анна Александр. возвратилась изъ Ялты и помѣстилась въ Розовомъ Павильонѣ у Дмитр. Иван. Докторъ Шмидтъ прислалъ мнѣ нѣсколько грушъ и пататовъ; это родъ корней похожихъ на земляныя груши, я ихъ никогда еще не ѣдалъ. Послѣ обѣда лекарь Шмидтъ зашелъ ко мнѣ и принесъ много иностранныхъ газетъ отъ князя; онъ рассказывалъ, что сегодняшнюю ночь князь очень озябъ въ своей спальнѣ и принужденнымъ нашелся часа три просидѣть на своей кровати; въ груди его такое было спираніе, что онъ съ трудомъ могъ переводить духъ. Шмидтъ говорить, что это происходитъ отъ воды заключающейся во внутренней полости. Эта болѣзнь можетъ опасною быть въ лѣта князевы, а онъ не хочетъ послѣдовать указаніямъ Шмидта поставить на руки везикатуары. Присылалъ Поповъ съ извѣщеніемъ, что Анна Александр. у него и что она желаетъ со мною видѣться, а потому нельзя-ли мнѣ придти напиться чаю. Я отказался, но послалъ вмѣсто себя Вариньку. И вѣтрено, и грязно, и темно. Варинька, возвратясь, рассказала мнѣ, что Анна Александр. очень покойно расположилась у Дмитр. Иванов., что ей свѣтло, тепло и покойно. Она вчера заѣзжала къ князю, и сестра его приняла ее съ гримасою.

Въ этотъ день кончился срокъ такому же количеству дней, какое я употребилъ въ продолженіе моего отпуска, т. е., на переѣздъ изъ Корейса въ Симферополь, на первое пребываніе въ этомъ городѣ, на житье въ Эвпаторіи и на второе прожитіе мое въ Симферополѣ, считая и обратную изъ онаго дорогу въ Корейсъ, всего восемьдесятъ девять дней. Остается до тридцати-лѣтняго срока служенія моего 119 дней; тогда только, послѣ сего срока, мнѣ можно будетъ рѣшиться подавать просьбу въ отставку. Доживу-ли до предмета моего желанія? Не вѣдаю. Все въ рукахъ всеобщаго Отца и Милосерднаго Судьи. Вечеромъ написалъ письмо въ Ярославль къ Зиновьеву и приложилъ къ оному полныя сочиненія Сенеки на Французск. и Латинскомъ языкахъ.

*

9-го Декабря.

У князя застали большое собраніе; кромѣ обыкновенныхъ гостей, находилась тутъ и семья Горяиновыхъ, и Машинька, племянница Му-

равьевой. Князь принялъ меня съ любовію и пріязненно разцѣловался со мною. Горяиновъ какъ-то дуется, прудится въ аристокритизмъ, заносится и въ глазахъ моихъ дѣлается очень смѣшнымъ. Обѣдъ былъ славный. Предъ самымъ обѣдомъ явилась Муравьева, но она имѣла отправиться къ брату на обѣдъ, а потому такъ просидѣла за нашимъ столомъ. Елис. Михайл. была очень привѣтлива и просила меня пообождать, покуда не отыщеть сама мнѣ книги для чтенія. Этотъ день я провелъ съ удовольствіемъ, а это рѣдко случается. Пришедши домой, я сейчасъ же отправился къ Аннѣ Александр. Старуха вышла въ комнату жены Дмитр. Иванов. и уложилась по своему обычаю въ постель. Она очень разстрогана интригами сестры князевой. Турчанинова вчера была у князя и прямо отправилась къ нему на верхъ; объясненія не было, только при выходѣ ея князь сказалъ ей: Матушка, пожалуйста, зайди внизъ къ сестрѣ моей; сдѣлай это для меня. Турчанинова зашла на минуту и была свидѣтельницею непріязненнаго морганья Елис. Михайл. Вообще князь по видимому очень разстроенъ. Анна Александр. сказывала мнѣ, что она по желанію князя составляла духовную его, изъ Петербурга; что нѣкоторыя его вещи предоставляются членамъ Императорскаго дома; что изъ денежныхъ капиталовъ выдачи назначаются немногимъ; двумъ племянникамъ, Ковалькову, старцу-каммердинеру и мнѣ; не знаю, что племянникамъ, но Ковалькову 40 тысячъ рубл. ассигн. каммердинеру 15 тысячъ, а мнѣ десять тысячъ. Признаюсь, я и не предполагалъ и не заслужилъ. Остальные капиталы, равно какъ и Крымское недвижимое имѣніе, оставляетъ онъ все сестрѣ своей. Мы просидѣли долго вечеромъ, и я старался, раскрывая истину, умиротворять Анну Александр. Совѣсть мнѣ внушала эту обязанность.

*

10-го Декабря.

Дмитр. Иванов. приносить мнѣ записку, которую сегодня получила Анна Александр. отъ дѣвицы Кологривой. Въ запискѣ Кологривая извѣщаетъ Анну Александр. что такъ какъ она объявила, что она не хочетъ оставаться на предоставленной ей квартирѣ, то чтобы уже и совсѣмъ ее очистила и прислала бы за своими оставшимися вещами: что по волѣ князя эту квартиру надобно приготовить къ пріѣзду оператора Ванцети. Такимъ благовиднымъ образомъ Кологривая начисто вытѣснила Анну Александровну и заградила ей на всегда путь къ своему брату, и все это будто бы по приказанію самаго князя. Такое счастье въ любомщеніи Кологривой совершенно поразило Анну Александровну; она въ нѣкоторомъ смыслѣ заболѣла отъ этаго. Хорошо еще, что Промыслъ подставилъ ей Дмитр. Иванов. и его пріютъ, а не то была бы бѣда; въ теперешнее время, куда бѣдной старухѣ отпра-

вляться; иначе она сей часъ-бы отправилась. Еще въ Петербургѣ, два года сряду, просилъ ее князь, чтобы она пріѣхала раздѣлять съ нимъ его уединеніе; въ Орлѣ повторилъ эту просьбу лично и отсюда писалъ нѣсколько разъ. И вотъ интрига сестры его однимъ махомъ разсѣкла связь, продолжавшуюся столько лѣтъ! Странно между прочимъ что Анна Александровна сегодня открыла Дмитр. Иванов. по секрету. Отправляясь отъ князя, при послѣднемъ ея посѣщеніи, онъ тихонько шепнулъ ей на ухо слѣдующее: пожалуйста наймите квартиру въ Мисхорѣ; я къ вамъ каждый день буду пріѣзжать. Что это все означаетъ? Странно видѣть князя подъ гнетомъ подобной тираніи. Анна Александровна велѣла Попову у меня оставить эту записочку; это какъ бы какое-то указаніе: берегись и съ тобою можетъ случиться. О, я давно уже къ этому готовлюсь; но для меня предстоятъ великія трудности; хотя бы и терминъ службы моей подошелъ и даже прошелъ, а мнѣ весьма должно подумать, подавать-ли просьбу въ отставку прежде чѣмъ окончится предполагаемая операція, потому что, какъ и Государь посмотритъ на мое уклоненіе, опредѣливъ меня именно служить при лицѣ князя, а я его оставляю въ то самое время, когда все преданное и любящее его слѣдитъ и ожидаетъ счастливаго окончанія преднамѣреваемой операціи. Объ этомъ мы серьезно потолковали нынѣшнимъ вечеромъ съ женою. Но я уповаю на Господа. Онъ сохранить меня отъ людей хитрыхъ и недобрыхъ! Вотъ, какъ человѣческія связи разрушаются, по слову Божію: не надѣйтесь на князей, въ нихъ и чрезъ нихъ нѣтъ спасенія!

*

11-го Декабря.

Писемъ было немало, но желаннаго письма не было, письма отъ родныхъ моихъ. Послѣднее письмо отъ брата получено мною было въ Эвпаторіи, и съ тѣхъ поръ я не имѣю ни строчки. Сдѣлавши отвѣты на полученные письма, я обыкновенно сдаю ихъ Варв. Петр., а она полагаетъ ихъ въ архивъ. Въ послѣдній разъ я вдругъ сдалъ ей 27 писемъ, на которыя составлены и отправлены были отвѣты. Предъ обѣдомъ пріѣхала къ намъ въ гости Гартвисъ; это добрая и оригинальная говорунья; впрочемъ, она нисколько не мѣшаетъ мнѣ заниматься моимъ дѣломъ: я продолжаю и писать, и читать по прежнему даже въ ея присутствіи.

Вечеркомъ навѣстилъ меня Дмитр. Иванов. и рассказалъ мнѣ о вчерашнемъ своемъ посѣщеніи князя. Князь посадилъ его возлѣ себя и съ сердечнымъ участіемъ спросилъ его, переѣхалъ ли онъ въ Мисхоръ, если не переѣхалъ, то поспѣшилъ бы это сдѣлать и перевезъ бы

съ собою Анну Александровну; постарайтесь ее успокоить, промолвилъ онъ. Когда слышала изъ другой комнаты Кологривая, что князь тихо разговариваетъ съ Поповымъ, то сей часъ же подошла, сѣла возлѣ него, а по другую сторону посадила клеветра своего Швейцарку Мауреръ, и вотъ тотъ же разъ и начала говорить о церкви. Князь какъ ни силился докончить начатый разговоръ съ Поповымъ, но не могъ. Кологривая его сбила и пресѣкла матерію. Во весь остатокъ дня она вливалась въ старика, не желая допустить его къ Попову; тотъ-часъ послѣ обѣда предлагала ему писать какое-то письмо, но князь не согласился и отвѣчалъ ей съ сердцемъ, чтобы она оставила его въ покоѣ. Чтò за крайность писать послѣ обѣда, особенно это извѣстное и глупое письмо, сказалъ князь. Словомъ, говорилъ Дмитр. Иван., вы себѣ представить не можете, какъ омерзительно видѣть эту грубую и дерзновенную тиранію старой дѣвки и паническую послушливость старца, ея брата, котораго она магическимъ своимъ зловоніемъ затащила даже въ мелочную скупость. Мы о многомъ говорили съ Поповымъ, бесѣдовали и о философіи, и о внутренней жизни, и о религіи, чѣмъ она должна быть для вѣтренаго и шаткаго человѣчества.

*

12-го Декабря.

Такъ много выпало снѣга и такая вода, что я согрѣшилъ, не пошелъ въ церковь, хотя и имѣлъ намѣреніе. Съ дѣвицею Мауреръ отправился я въ каретѣ къ князю, а назадъ доѣхалъ до дома въ открытыхъ дрожкахъ и прилежно замѣчалъ перемѣну и мертвенность въ здѣшнихъ райскихъ окрестностяхъ. По дорогѣ голыя деревья, отсутствіе зелени, все напоминаетъ намъ Русскую зиму. Только предъ террасою нашею есть зеленныя деревья и, видно, вѣчно зеленѣющія, коихъ бархатистые, лоснящіеся листья утѣшаютъ и радуютъ взоръ. Князь разсказалъ мнѣ о своихъ недугахъ. Новая, никогда не испытанная болѣзнь во мнѣ открылась, говорилъ онъ. Нынѣшнюю ночь цѣлые три часа не спалъ я; у меня такая одышка сдѣлалась, что я не могъ перевести духа; ночью одинъ одишеченекъ; вздумалось походить, но слѣпому какъ и ходить: боишься наткнуться. Однако я рѣшился походить протягивая впередъ свои руки, и все таки привелось наткнуться на что-то; прибавъ къ этому, что мнѣ и спать очень хотѣлось. Но я такъ уже утомился, что и не помню какъ я заснулъ одѣтый въ шлафрокъ и въ спальныхъ сапогахъ, чего со мною никогда почти не случалось. Такъ разсказывалъ мнѣ князь, и мнѣ старика очень было жалко. Надобно потерпѣть, сказалъ я, чего перемѣнить невозможно. Видно, зовутъ къ отвѣту, примолвилъ князь, а я чувствую, что одежда на мнѣ нечиста. Когда мы съ нимъ разговаривали, въ это время Кологривая

торопилась отправлять почту, суеуилась, бѣгала, но зорко наблюдала наши разговоры и если приводилось выходить ей изъ комнаты, то отряжала Мауреръ. Не будемъ-ли мѣшать тебѣ, сестрица, нашимъ чтеніемъ? Нѣтъ, братецъ, мнѣ еще лучше, когда тебѣ читаютъ; я тогда спокойнѣе дѣлаюсь. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство изъ стараго времени. Нѣкогда я былъ во Владимирѣ на Клязьмѣ. По улицамъ много ходило дѣвокъ, которыя во все горло кричали пѣсни. Для чего такъ онѣ кричатъ? спросилъ я и получилъ отвѣтъ, что женщины занимались въ то время въ садахъ обираниемъ вишенъ и когда собранныя вишни разносили онѣ по своимъ хозяевамъ, то ихъ нарочно заставляли пѣть. чѣмъ по необходимости поставляло ихъ въ невозможность ѣсть эти вишни, и пѣніе служило залогомъ для хозяевъ садовъ, что собранная вишня будетъ цѣлѣе. Такъ видно и Кологривая хотѣла поступить со мною; ибо изъ другой комнаты слыша непрерывающійся говоръ чтенія, она могла быть безъ сомнѣнія, что ничего не говорятъ брату ея, дабы вывести его изъ тѣхъ путовъ, которыми ловкая старуха его отенятила. Я читалъ князю Арабскую сказку о разбуженномъ спящемъ. и кажется мнѣ, что она доставила ему удовольствіе.

Я получилъ сегодня новое письмо отъ Латкина, при которомъ было два приложенія: одно о соединеніи рѣкъ Печоры и Оби, другое о богатствахъ, кои пріобрѣтеть отъ того компанія и о великолѣпныхъ видахъ вообще для правительства и публики, которыя раскроются. когда сокровища природы и промышленности Сибирской тронутся и легко переходить могутъ въ Европу; сокровища эти, какъ вѣковые застои болотные, доселѣ болѣе или менѣе были неподвижны въ отдаленномъ Сибирскомъ царствѣ. Это бы и пріятно было знать: но чѣмъ не пріятно, что вновь Латкинъ требуетъ себѣ пособія, которое и дано ему уже нѣкоторыми изъ нашихъ основателей. Подлинный листъ этаго журнала онъ и мнѣ прислалъ для подписанія. Признаюсь, я почесалъ затылокъ и вспомнилъ свою прежнюю аксіому, которая гласить, что люди раздѣляются на два класса, на давантусовъ и обирантусовъ; боюсь быть первымъ. Подумаю и призову Господа Бога, чѣмъ Онъ мнѣ внушитъ. А требуемая подачка значительна и состоитъ изъ 200 рублей сереб.; конечно деньги сіи должны возвратиться, когда устроится хотя какая нибудь денежная касса въ обществѣ, а если его не будетъ, этаго общества!

*

13-го Декабря.

Князь прислалъ ко мнѣ человѣка спросить меня, когда за мною посылать лошадей; отвѣтствовано, когда угодно. Вотъ я пріѣзжаю къ

князю и нахожу у него немалое сборище. Возлѣ него сидѣла Вѣра Муравьева, потомъ братецъ ея Горяиновъ, которому я далъ прозвище Авессалома, и другіе обыденные посѣтители. Вѣра Муравьева объявила, что ей надобно отправиться въ Корейскъ для осмотра своей квартиры; такимъ образомъ она отправилась. Горяиновъ отправляется на дняхъ въ Одессу, а потомъ поѣдетъ въ свои деревни. Кологривая очень для меня на сей разъ была милостива.

Нашъ садовникъ застрѣлилъ въ саду дупель-шнепа, сказала она, и я велѣла его зажарить; буду имъ потчивать дорогую гостью (здѣсь разумѣла она Вѣру Муравьеву) и потомъ, глядя на Горяинова, прибавила, и васъ также буду подчивать и Юрія Никитича также. А въ мысляхъ у нея вѣрно не то было; ибо она терпѣть не можетъ Муравьеву, а такъ только говорить, желая сдѣлать отводъ въ присутствіи своего брата. Вотъ наконецъ возвращается и Вѣра изъ Корейска, садится возлѣ своего князиньки, а тотъ ей говоритъ: рассказывай же, матушка, гдѣ была, чтѣ видѣла. Муравьева обращается ко мнѣ и говоритъ: поздравляю съ пріѣздомъ управителя; видѣла вашу жену прогуливающуюся на площадкѣ, только къ ней не зашла, а послѣ къ ней зайду. Вотъ какъ пріѣхала на квартиру (обращаясь снова къ князю) а тамъ уже и князь Мещерскій меня поджидаетъ. Онъ тамъ распоряжается какъ лучше; потомъ присылаетъ ко мнѣ Анна Александр. Турчанинова и требуетъ, чтобы я съ нею повидалась. Нечего было дѣлать, сѣвши въ трясилку на ослѣ, я поѣхала къ ней. Розовый Павильонъ худое помѣщеніе; Анна Александр. не въ комнатѣ лежитъ, а въ стойлѣ; у нея тепло, но она очень не здорова, чувствуетъ ознобъ. Все ли ты пересказала, матушка? сказалъ князь. Все, отвѣчала Муравьева. Ну такъ пойдемъ же наверхъ. Вотъ старикъ потащился съ Муравьевой на верхъ, гдѣ они болѣе получаса бесѣдовали на единѣ. Въ это время пришелъ и Мещерскій, который однако, довольно посидя, не дождался князя и ушелъ. Онъ однако успѣлъ порядочно поспорить съ Кологривою; повидимому Мещерскій не въ большихъ ладахъ съ Кологривою. Послѣ обѣда, за которымъ находился и Горяиновъ, Вѣра сѣла съ княземъ, и поднялись обычныя шептанья. Она очень близко наклонилась къ лицу князеву, и изо всего мяуканья я слышалъ только слова о тѣльцѣ; не знаю, чтѣ это за тѣльцо. Впрочемъ, они такъ говорили, что ничего не было слышно. Горяиновъ хотя и фардыбачилъ, но сегодня поменѣе и даже уѣзжая мнѣ поклонился, чтѣ съ нимъ не всегда случается. Жена рассказала мнѣ по пріѣздѣ, что Вѣра приходила къ ней на террасу и начала поправлять свои ботинки; жена ей сдѣлала вѣжливость и приглашала ее къ себѣ исполнить это дѣло

удобнѣе чѣмъ на улицѣ: „некогда, спѣшу къ Турчаниновой, послѣ побываю“. Очень рада, очень рада, сказала жена моя, что мой домъ могъ послужить для васъ вмѣсто станціи; ибо къ Турчаниновой она могла ѣхать и изъ своей квартиры; нужно же ей было доходить до нашей террасы и только для того, чтобы поправить свою обувь. Возвращаясь отъ Турчаниновой, она прислала своего человѣка сказать женѣ моей, чтобы она ее извинила, что она теперь торопится къ князю на обѣдъ и не имѣетъ достаточнаго времени, чтобы сдѣлать ей посѣщеніе. Я не знаю, къ чему всѣ этѣ выдѣлки. И въ Петербургѣ и здѣсь я не торопился звать ее къ себѣ. Къ князю заѣзжала отъ насъ и г-жа Гартвисъ; она рассказала ему, какъ ее недавно снесло вѣтромъ и съ лошадыю съ дороги, то есть опрокинуло вовсе и если бы не подоспѣвшіе Татары, то она очень бы дорого поплатилась за неосторожность ѣздить верхомъ въ бурю. Горяиновъ взумалъ подшутить надъ простодушною Гартвисъ: когда бы вы были Казначеева, тогда бы и буря не тронула васъ, а такъ какъ вы легки какъ пухъ, то вѣтеръ васъ и поднялъ. Штука эта въ томъ состоитъ, что Казначеева толста какъ откупщица, а Гартвисъ тонка, какъ сѣрная спичка. (Остальное время я употребилъ на чтеніе Певериль-ди-Пика, новый и изящнѣйшій рассказъ Вальтеръ-Скота. Въ такомъ занимательномъ чтеніи не видишь, какъ и летитъ время. Это лучше разговоровъ. Въ нынѣшнихъ Вѣра дала замѣтить князю, что ему нужно прохаживаться и что она сама будетъ водить князеньку. Эти предположенія не очень-то пріятны Козловскому, который былъ постояннымъ доселѣ чичероне слѣпаго старца. Сны мои настоящій калейдоскопъ; сего-дня приснился, между прочимъ, князь Петръ Андр. Вяземскій. Молитва моя утренняя коротка и усѣченна; я болѣе и болѣе выдыхаюсь. Надъ душею лежитъ какъ мѣдная доска, мѣшающая движеніемъ духа моего, пораженнаго и проникнутаго паденіями тяжкими и грязными.

*

14-го Декабря.

Дмитр. Иванов. рассказалъ мнѣ о вчерашнемъ пребываніи своемъ у князя. Съ того начать, что Анна Александр. вовсе не звала Муравьеву къ себѣ, какъ та торжественно о томъ вчера провозгласила, а сама Муравьева писала къ Турчаниновой записку и просила позволенія на свиданіе. Вотъ, говоритъ Дмитр. Иван., прихожу я къ князю, который сажаетъ меня возлѣ себя; въ это время на двойной софѣ, на той половинѣ ея, которая обращена къ террасѣ, лежитъ Кологривая и спитъ, потому спитъ, что очень громко въ то время храпѣла. Князь тихонько началъ спрашивать меня объ Аннѣ Александровнѣ, скоро ли переѣдетъ она въ Мисхоръ; если она съ вами переѣдетъ, то конечно

несовмѣстно мнѣ предлагать вамъ денежное пособіе; если же она одна туда перемѣстится, то моя обязанность доставить ей все нужное. Пожалуйста, увѣрьте ее, что я никогда не переставалъ любить и уважать ее; что всегда былъ и останусь вѣрнымъ и преданнымъ ей другомъ и если погода и здоровье позволятъ мнѣ, то, по обыкновенію своему, также часто буду посѣщать ее, какъ и прежде. Въ это время подымаетъ свою голову изъ за софы Кологривая. Чтò это такъ тихо въ комнатѣ, я думала, никого нѣтъ. Оставь насъ, сказалъ князь, я имѣю переговорить съ Дмитр. Иванов. Кологривая пошла въ комнату дѣвицы Мауреръ и такъ шибко хлопнула дверью, что даже стекла зазвенѣли. Спустя нѣсколько минутъ она отворяетъ двери и спрашиваетъ съ гнѣвомъ, кончили-ли вы разговоръ. Нѣтъ, еще не окончили, пожалуйста оставь насъ. И вотъ снова Кологривая отправляется въ свою уже комнату насупротивъ прежней, и опять столь же громко прихлопываетъ дверью. Между тѣмъ старецъ съ участіемъ спрашиваетъ Попова о Турчаниновой, которая все еще больна. Изъ этого видно, что онъ не разлюбилъ Анны Александр. Дмитр. Иван. остался у меня обѣдать. Столъ былъ прекрасный, хотя насъ всѣхъ только было трое, потому что Варинька отправилась на обычное чтеніе къ князю. Супъ изъ гусиныхъ потроховъ съ огурцами (потроха прислали мнѣ по почтѣ изъ Симферополя), прекрасный пловъ съ изюмомъ и бараниною; индѣйка жареная съ рыжиками. Столъ отличный, хотя бы и въ столицѣ. Я послалъ индѣйки и кое-чего другаго съѣстнаго къ Аннѣ Александр., а она мнѣ прислала сухихъ Кіевскихъ конфетовъ, превосходныхъ грушъ и бергамотовъ въ сахарѣ; тутъ былъ и лимонъ, который я съ величайшимъ удовольствіемъ съѣлъ. Послѣ обѣда я немножко уснулъ, но меня скоро разбудили, потому что пришла ко мнѣ гостья, нарочно пожелавшая меня увидѣть; это наша прежняя сирота Лизанька, теперь въ изобиліи проживающая въ домѣ Мещерскихъ. Лекаръ Шмидтъ занялъ меня подробностями князевои болѣзни, которую находитъ серіозною; въ эти годы все можетъ быть опасно, говоритъ онъ. Не знаю, какъ разговоръ дошелъ до повара, который, выѣхавъ здоровымъ молодцомъ изъ Петербурга, лежитъ теперь въ Алупскомъ лазаретѣ боленъ чахоткою. Здѣсь онъ спился и сбился съ прямого пути. Шмидтъ прибавилъ, что Козловскій на него сердится за повара, почему онъ послалъ его въ Алупку, а не въ Ялту, куда Козловскій часто ѣздитъ и гдѣ бы могъ его видѣть. Поваръ, по словамъ, Шмидта, цѣлые дни проводилъ съ Козловскимъ и тамъ все такое дѣлалось, чтò можетъ сотворить и увеличить болѣзнь. Козловскій, прикидываясь прямикомъ, обалтываетъ и опорачиваетъ многихъ въ глазахъ князя, котораго водить прогуливаться; это совершенная язва, когда онъ возгарается въ злобѣ: вотъ

слова, переданныя мнѣ Шмидтомъ. Однако я на сей день благодаренъ Козловскому, который прислалъ мнѣ съ Варинькою жалованье за два мѣсяца за прошедшій Ноябрь и за текущій Декабрь. Кологривая открывала свое сердце Варинькѣ, что ей извѣстно, что Турчанинова на нее жалуется, и все напрасно; я дескать всегда показывала ей особенное усердіе. Она напускала по своей неопрятности клоповъ въ мебель, отъ чего и слышенъ скипидарный запахъ въ комнатѣ. Это она и при мнѣ утверждала, равно какъ и при всѣхъ въ то время тамъ бывшихъ, когда вчера князь уходилъ съ Муравьевою на верхъ. Однако мы всѣ тогда промолчали и ничего не отвѣтствовали ей на это новое обвиненіе. Великъ и тяжелъ крестъ мой, говорила она, всѣ меня не любятъ, а я всѣхъ люблю. Вотъ на мое горе пріѣхала и Муравьева, на что это похоже, какъ она обращается съ братомъ? За чѣмъ всѣ эти апарты, чтѣ за шептанья; за чѣмъ удушливаго и больнаго старика уводить на верхъ? И эти секреты передаются въ присутствіи моемъ, какъ бы меня тутъ и не было. Пріѣзжаетъ изъ Ялты Козловскій и рапортуетъ князю, что Муравьева велѣла ему донести, что она была въ банѣ и чувствуетъ себя здоровѣе. Ну пристойно ли это? шептала Кологривая Варинькѣ. Она, продолжаетъ Козловскій, просила меня извѣстить ваше сіятельство, что будетъ завтра къ вамъ обѣдать. Чтобы ее нелегкая прибрала, она всякій день зачиститъ къ намъ на обѣды. Въ свою очередь и Козловскій проговорилъ свою іереміаду Варинькѣ: что ему недостаетъ терпѣнья; что если бы онъ все зналъ, то не пошелъ бы служить къ князю; что онъ видитъ, какъ въ немъ мало будутъ имѣть нужды (кажется, онъ въ виду имѣетъ Муравьеву), что только настанетъ весна, такъ онъ и рапортуется на шесть недѣль больнымъ и потомъ подастъ прошеніе объ отставкѣ и проч. и проч. Козловскій собирается выходить въ отставку, а у меня какая-то дикая мысль и, можетъ быть, не нарочно посѣтившая мою душу, чтобы здѣсь поостаться, если можно; только жить бы не въ Корейскѣ, а въ Мисхорѣ. Странно, что и жена моя не пугается этой мысли. Неизъяснимыя противорѣчія человѣческія; иначе, какъ бы придти такой мысли, когда постоянно думаешь о противномъ и считаешь, такъ сказать, и дни и часы, остающіеся до срока тридцати-лѣтняго термина? Я сплю худо ночи; все мнѣ снятся сны странные. Будто лошади мчатъ насъ всѣхъ трехъ, меня, Катю и Вариньку. Помилуй насъ, Господи, и не введи насъ во искушеніе!

*

15-го Декабря.

Еще я не успѣлъ одѣться, какъ, къ немалому моему удивленію, самъ князь заѣхалъ за мною; онъ возвращался изъ Розоваго Павильона и былъ у Анны Александровны. Здѣсь два для меня удовольствія: во

первыхъ, что онъ довольно здоровъ, во вторыхъ, что не перемѣнился къ Турчаниновой и воспользовался первымъ яснымъ днемъ. Князь Мещерскій зашелъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ князю на его экипажъ. Начатый въ комнатѣ разговоръ мы продолжали дорогою, и между прочимъ о сестрѣ князевой. Мещерскій утверждалъ, что пристроенныя къ квартирѣ Турчаниновой курятники она выстроила на не принадлежащей ей землѣ. Курятники прислонились къ самому окошку и если въ хорошую погоду открыть приведется окошки, тогда въ комнатахъ запахъ не очень пріятный. Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора Мещерскій замѣтилъ, что Кологривая никого не любитъ, даже и самаго брата. Когда прибыли въ домъ князевъ, то тамъ застали княгиню Мещерскую съ ея воспитанницею Настинькою. Въ общемъ разговоръ Мещерскіе, мужъ и жена, прославляли Крымскую жизнь и придавали этой торжественной стачкѣ видъ торжественности.

Князь былъ очень веселъ и просилъ меня повторить начатое въ Воскресенье чтеніе Арабской повѣсти о разбуженномъ спящемъ предъ Мещерскими; хотя супруга Мещерскаго и торопилась къ себѣ домой, но нечего было дѣлать, надлежало дослушать. Наконецъ желанныя и ожидаемыя посылки мною получены: 6 фунтовъ Московск. чаю, настоящее сокровище въ здѣшнемъ краѣ, подробная карта Кавказскихъ горъ и смежныхъ земель, составленная при Депо Кавказскаго Корпуса, великолѣпный мнѣ подарокъ отъ совѣтника Славинскаго. Также и шерстяная матерія на платье, отъ купца Ицки Берга; все было мною исправно получено. Погода перемѣнилась, зачастилъ осенній дождичекъ, темно, и безъ того грязныя дороги сдѣлаются еще грязнѣе; я однако покойно грѣюсь у своей желѣзной печки и читаю Пенни-Магазинъ и Певерилия: диковинка, произведеніе могучаго таланта. Кто-то вздумалъ вечеромъ прислать ко мнѣ изъ дому князева и свѣжинькую Сѣверную Пчелку. Возвратившись отъ князя, опять повторился забѣглый во мнѣ помыслъ остаться въ Крыму, но все однако не на этой квартирѣ. Я отослалъ хозяину моему 50 рубл. серебр.; онъ учтиво просилъ Вариньку, не могу-ли я прибавить еще 50-ти, я тотчасъ же выполнилъ его желаніе, не смотря, что онъ на меня начитываетъ и всячески избѣгаетъ со мною встрѣчи. Благодареніе Господу! Въ моемъ домѣ тепло, свѣтло и покойно.

*

16-го Декабря.

Предъ обѣдомъ князь прислалъ за мною колясочку, а вмѣстѣ съ нею сестра его прислала записку, въ которой увѣдомляетъ, чтобы я взялъ что нибудь съ собою почитать, потому что братъ въ верхъ не

пойдетъ по причинѣ слабости; въ запискѣ заключался и совѣтъ, чтобы не говорить князю о его болѣзни, потому что онъ очень встревоженъ отъ оной. Приѣзжаю и нахожу князя слабымъ. Онъ самъ началъ мнѣ рассказывать, что только три часа проспалъ ночью, остальное время кое-какъ сидѣлъ. У меня духъ захватывается, дышать съ трудомъ могу, продолжалъ князь. Онъ похудѣлъ, и въ лицѣ явная болѣзненность. Козловскій встрѣтился со мною въ столовой и тотъ же часъ сказалъ мнѣ, что князь не на шутку дурень. Однако я не счелъ за несовмѣстное продолжать читать очень веселый рассказъ о разбуженномъ спящемъ, и это очень заняло старика: онъ сдѣлался веселъ, смѣялся много и даже хлопалъ руками, а это у него знакъ особеннаго удовольствія. Во время чтенія и Мещерскій также пришелъ, а когда окончилъ я чтеніе, то явилась и Вѣра Муравьева со своею племянницею. Онѣ собираются на прощальный обѣдъ, который даютъ по случаю отъѣзда Горяиновыхъ Мещерскіе. На этотъ разъ Вѣра Муравьева долго не оставалась, а по принятой ею методѣ все-таки пошептала съ княземъ и такъ близко около него терлась, что онъ послѣ сознался, когда она уѣхала, что ему дѣлалось холодно: накрахмаленное ея платье дорогою нахолодѣло. Князю привезли изъ Ялты лекарство, и онъ съ великимъ усердіемъ его при насъ принялъ. Чтѣ его встревожила болѣзнь, тому доказательствомъ, между прочимъ, служить и рассказъ его о графѣ Строгоновѣ, который строилъ Казанскій Соборъ въ Петербургѣ. Я былъ на священнѣ, продолжалъ князь, и тотъ же разъ Строгоновъ сказалъ мнѣ: мнѣ можно сказать: нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего, по глаголу Твоему съ миромъ, и что-же? Черезъ день послѣ того онъ заболѣлъ и потомъ вскорѣ скончался.... Когда я прихожу ложиться въ постель, говоритъ князь, то и думаю, не спать мнѣ сего-дня, а мяться.... Изъ всего этаго видно, что князь немало встревоженъ. За обѣдомъ онъ кушалъ мало, но былъ очень обязателенъ и внимателенъ къ намъ. Отъ жены моей узнаю о новой продѣлкѣ Вѣры Муравьевой. Катя была въ спальнѣ и слышитъ, что на фортопьянахъ нашихъ какъ бы играютъ. Она высылаетъ женщину и узнаетъ, что это Муравьева съ управителемъ; потомъ, услышавши брячанье, вышла туда и Варинька; Муравьева говоритъ: скажите Екат. Степановнѣ, я послѣ къ ней зайду. Признаюсь, услышавши отъ жены о такой наивности полу-старой, полу-вдовы (у нея мужъ сосланнымъ въ Сибири), я не могъ довольно надивиться и вспомнилъ стихъ: свѣжо предавіе, а вѣрится съ трудомъ. Удивляюсь продерзости и управителя, который, не входя ко мнѣ въ покои, идетъ съ Муравьевою въ мою столовую и распоряжается въ ней, какъ въ аукціонной лавкѣ.... Но благоразуміе и отношенія мои къ князю заставляютъ меня молчать.....

Путру я послалъ къ Дмитр. Иванович. фунтикъ Московскаго чайку въ гостинецъ; а вечеромъ рѣшился посѣтить Анну Алекс.; я очень хорошо къ ней дошелъ и долго просидѣлъ у нея. Разумѣется разговоръ былъ о домашнемъ, но только нравственномъ обиходѣ и какъ ни воздерживайся, а нельзя же не засорить души своей.... Она поразсказала мнѣ, какъ былъ князь у нея и что она замѣчаетъ въ немъ къ себѣ ту же пріязнь и ту же дружбу, какая была прежде; по ея мнѣнію, князь даже довольнѣе, что она стала жить отъ него отдѣльно: ему свободнѣе отъ этого съ нею видѣться. Какъ это ни странно, но это все можно уложить въ очеркъ характера князева. Муравьева тоже была у Турчаниновой, любовно упрекала ее, почему для любви къ старцу она всего не вытерпѣла. Я бы вытерпѣла, возразила Турчанинова, да тѣло-то мое не могло вытерпѣвать. Муравьева залилась слезами, и это было, по словамъ ея, о князѣ, что онъ терпитъ такую опалу въ домашней жизни.

Пришедши изъ Розоваго Павильона, я узнаю, что безъ меня былъ докторъ Шмидтъ. Князь подходилъ къ нему вечеромъ, когда тотъ по обычаю навѣщалъ больного, взялъ его за обѣ руки и сказалъ ему съ видимымъ удовольствіемъ: чувствую, что ваше лѣкарство мнѣ полезно и что я нынѣшнюю ночь надѣюсь спать покойно. Я счелъ за нужное тотъ же часъ извѣстить о томъ Анну Александр., которая очень заботилась о болѣзни князевой.

*

18-го Декабря.

Путру заходилъ ко мнѣ докторъ Шмидтъ и сказывалъ, что тайно отъ князя, но по волѣ сестры его, послалъ эстафету къ инспектору Врачебной Управы Аренту съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ посмотреть на болѣзнь князеву и объявилъ объ оной свое мнѣніе. Шмидтъ робѣетъ и боится ответственности. Князь уже три мѣсяца какъ плюетъ кровью, но наемный каммердинеръ и не вздумалъ увѣдомить о томъ сестру, и она мѣсяца съ полтора, какъ о томъ узнала. Эта кровь, по мнѣнію Шмидта, происходитъ изъ легкихъ, и въ ней видны жилочки; кромѣ того врачъ полагаетъ, что у князя есть накопленіе и воды въ грудной полости. Не смотря однако на столь болѣзненное состояніе, князь сегодня прогуливался на дрожкахъ и заѣзжалъ до моего дома, чтобы взять Вариньку съ собою. Посѣтили меня князь Мещерскій и полковникъ Олива, равно и княгиня Мещерская. На этотъ разъ она какъ-то откровеннѣе ласкалась къ женѣ моей, что съ нею не всегда случается; эти ласки жена принимаетъ за настоящее пріязненное изліяніе. Полковникъ Олива, какъ и всегда, показался мнѣ честнѣйшимъ и христіаннѣйшимъ Фран-

цюзомъ; доброта и благородство напечатаны на открытой и честной его физиогноміи. Мы потолковали о князѣ и его болѣзни и кончили тѣмъ, что все можетъ быть опасно въ его лѣтахъ. Наконецъ, я получаю письмо изъ Костромы отъ своей племянницы и новаго племянника. Богъ привелъ ихъ къ счастливому супружеству. Матерью посаженою была вдова старшаго брата нашего, Елисавета Алексѣевна Бартенева. И въ числѣ немногихъ родственниковъ, сопровождавшихъ въ этой торжественной церемоніи нашу Машиньку, находился къ крайнему моему удивленію князь Иванъ Дмитріевичъ Козловскій женатый на кузинѣ Машиньки. Такимъ образомъ, мы дѣлаемся сродни съ здѣшнимъ Козловскимъ.... При семъ извѣщеніи племянницы приложено было умное письмо ея мужа. Дай Богъ имъ счастья! Машинька увѣдомляетъ меня, что параличному брату моему не дѣлается лучше и что теперь онъ даже не можетъ и диктовать писемъ: память ему отказывается: начнетъ фразу и не знаетъ, какъ окончить ее.... Какова-то моя будущность, но я лежу безотвѣтенъ предъ престоломъ милосерднаго правосудія..... Вмѣстѣ я получилъ письмо изъ Москвы, отъ Петра Михайловича Рудина и при ономъ новый календарь. И Рудинъ увѣдомляетъ меня о сладкомъ и о горькомъ. Онъ выдалъ старшую дочь за мужъ и потерялъ сына въ полномъ цвѣтѣ возраста и силъ. Я вздумалъ вечеромъ идти въ домъ князевъ на всеночную, которую намѣревались слушать въ новой церкви еще не освященной. Я засталъ князя слушающимъ, какъ Варинька читаетъ ему книгу. Старецъ остановилъ чтеніе и началъ со мною разговаривать. Онъ спалъ ночь только до трехъ часовъ утра, а тамъ мѣшало ему спать удушье, что онъ называетъ *angoise*; это самое повторилось съ нимъ и за обѣдомъ, но къ вечеру онъ почувствовалъ себя лучше и спрашивалъ меня, что значилъ бы сонъ, который онъ видѣлъ ночью. Ему приснилось, будто женится на комъ-то; невѣсты своей онъ не видалъ, но видѣлъ ея брата, человека ему незнакомаго. Этотъ братъ одѣтъ былъ въ бархатное платье свѣтлоглубаго цвѣта по всѣмъ швамъ вышитое серебромъ; платье это было ему прежде припасено. Онъ говорилъ во снѣ своему шурину: не правда-ли, что вы должны очень удивиться, что я хочу жениться на вашей сестрѣ? Приѣхала Муравьева со своею племянницею, пришелъ Дмитр. Иванов. Поповъ, собрались и прочіе обитатели здѣшнихъ мѣстъ. Князь захотѣлъ идти одинъ на верхній этажъ въ свой кабинетъ и велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою; онъ отдалъ приказаніе, чтобы его извѣстили, когда все будетъ готово. Онъ очень былъ нетерпѣливъ и все спрашивалъ, скоро ли идти въ церковь. Я сталъ возлѣ его на хорахъ: князь молился усердно, немало и плакалъ: дребезжащимъ отъ болѣзни и старости голосомъ по обычаю своему пѣлъ: подай Господи!

Не сходя уже въ низъ, все общество собралось у него въ кабинетъ, гдѣ мы пили и чай, а въ то время возвратился и Козловскій съ почтою, то князь приказалъ ему читать Сѣверную Пчелу, а иностранныя газеты читалъ ему Мещерскій.

Князь былъ очень веселъ и доволенъ, находилъ, что ему легко, приготавлился въ этотъ же вечеръ сдѣлать себѣ нѣсколько облегчительныхъ средствъ по указанію врача и проч. Пришлая мысль подсказала мнѣ, чтобы я поселился въ Лубнахъ; если она опять посѣтитъ меня, то я изложу здѣсь подробнѣе, на чѣмъ она у меня основывается. Дмитр. Иванов. объявилъ вечеромъ князю, что у Анны Александр. лихорадка.

*

19-го Декабря.

Я только что успѣлъ одѣться и выпить чашку чаю, какъ тотъ же часъ и отправился въ князевъ домъ пѣшкомъ; наши дамы обогнали насъ на дрожкахъ. Князь отправился въ свою церковь, а я съ полковникомъ Оливою забрались на хоры и были равнодушными участниками торжественнѣйшей церемоніи освященія церкви, которое я во второй только разъ вижу въ жизни. Въ первый разъ лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ, я былъ также свидѣтелемъ освященія церкви, моимъ родителемъ построенной въ погостѣ Воскресенья, чтò въ Бартеневщинѣ. Церковь была полнехонька народомъ; служило три священника и главный между ими былъ протопопъ Накропинъ, мой духовный отецъ. Когда обѣдня началась, князь велѣлъ намъ сойти съ хоръ, гдѣ была между прочими и жена моя; старикъ самъ пошелъ на хоры, чтобы ему удобнѣе было помолиться. Во время обѣдни я стоялъ въ олтарѣ. Когда церемонія кончилась, мы отправились къ князю и поздравляли его съ благополучнымъ окончаніемъ предпринятаго и задуманнаго имъ дѣла. Князь показался мнѣ очень слабымъ; онъ просилъ извиненія у посѣтителей, что не могъ говорить съ ними, потому что разговаривать ему было и трудно, и вредно. Мы скоро разошлись по домамъ; я послалъ за лекаремъ Шмидтомъ, чтобы поговорить съ нимъ о болѣзни князевой, онъ долго у насъ просидѣлъ, и вотъ главное изъ всего имъ сказаннаго. Сего-дня поутру онъ осматривалъ животъ у старца и по примѣтамъ врача онъ подозрѣваетъ, нѣтъ ли у него водяной болѣзни; между тѣмъ, онъ постоянно откархиваетъ кровью. Врачъ подозрѣваетъ въ князѣ два недуга: атонію или маразмъ во внутреннихъ частяхъ тѣла и начало болѣзни водяной. Такое сдѣленіе разнородныхъ расстройствъ опасно по мнѣнію врача, для больнаго субъекта, особенно въ такихъ лѣтахъ. Когда онъ намъ это рассказывалъ, сидѣла и пила у

насъ чай Ольга Карловна. И вотъ какой сонъ она намъ пересказала, видѣнный ею если не вчера, то на этихъ дняхъ. Это было поутру, она увѣряетъ будто даже и не спала; она видитъ Швейцарку Мауреръ, которая ей много интереснаго рассказывала, но она забыла, а помнитъ только то, что она ей выговорила, что князь умретъ (чего не дай Богъ!) 5-го числа мѣсяца*), но какого года, не сказала. Ольга Карловна записала этотъ сонъ въ своей памятной книжкѣ. Люди князевы также не ожидаютъ добраго отъ болѣзни старика.... Все это приводитъ меня въ волненіе и страхъ ожиданія... Чтò со мною самимъ будетъ, какъ я буду разрушаться? Не говоря того, что болѣзнъ князева можетъ быть совсѣмъ перемѣнить мои планы или мои ожиданія, князь измѣняется; рѣчь его кротка, но отзывается скорбію; лице также измѣняется; онъ похудѣлъ, видимо состарѣлся и лишился силъ. Его водили въ двой руки около церкви, но онъ постоянно ласковъ и внимателенъ ко всѣмъ его окружающимъ. Признаюсь, все величіе челоуѣка состоитъ въ самопреданіи волѣ Божіей. Священная церемонія дня сего была какъ-то нерадостна; все было похоже, особенно пѣніе псалмовъ при построеніи олтаря, на пѣніе похоронное; какая-то мрачность подернула лицо у собравшихся поклонниковъ и наполняла томнымъ уныніемъ сердца.

*

20-го Декабря.

Мнѣ надлежало обѣдать сегодня у князя, а потому и отправился къ нему; у самаго его дома мы сошлись вмѣстѣ съ княгинею Мещерскою, полковникомъ Оливою и самимъ кн. Мещерскимъ, которые шли посѣтить хозяина. Сестра его приняла насъ въ нижнемъ этажѣ, а онъ былъ на верху, гдѣ меня дожидался для чтенія извѣстной рукописи о магнетизмѣ. Князь извѣстилъ меня, что онъ очень хорошо проспалъ прошедшую ночь и пролежалъ на одномъ боку, такъ что бокъ усталъ отъ того; во всю ночь, по словамъ его, онъ не просыпался. Это его поукрѣпило. На верху съ нимъ сидѣла мамзель Мауреръ, безъ сомнѣнія отряженная Кологривою для наблюденія, а вблизи его лѣпилась Вѣра Муравьева, и когда чтеніе продолжалось, то она почти спиною поворотилась ко мнѣ. Наверху насъ навѣстили Мещерскій съ Оливою, послѣдній отправляется во свояси и приходилъ прощаться. Чтеніе не долго продолжалось, и рукописи уже мало остается, можетъ быть, только на одинъ разъ. Въ этомъ отрывкѣ рукописи все ему напоминало объ Аннѣ Александровнѣ, ибо сомнамбула настаивала о утвержденіи ихъ взаимной пріязни. Когда сошли внизъ, то князь потребо-

*) Князь скончался 22 Ноября слѣдующаго 1844 г. П. Б.

валъ отъ сестры, чтобы она прочитала ему письма, полученные имъ въ Субботу и которыхъ онъ не успѣлъ выслушать. Долго Кологривая заставляла себя ждать, наконецъ отыскала письма и принялась читать. Письма были отъ Гавр. Степ. Попова, отъ сенатора Нечаева и Московскаго почтъ-директора Булгакова. Всѣ эти господа, по видимому, очень дурно пишутъ, т. е. плоха каллиграфія. Сестра князева худо разбирала написанное, тянула слова, проглатывала ихъ; это сильно надоѣло князю. Да отдай, матушка, ктонибудь другой прочтаетъ. Нѣтъ не отдамъ, сама буду читать. Опять началось чтеніе съ тѣми же неудобствами. Князь приходилъ въ видимое безпокойство и даже сказалъ, что ему дѣлается замираніе духа. Кологривая однако не рѣшалась отдать писемъ. Я послѣ прочитаю ихъ для тебя, братецъ, сказала она. Мнѣ кажется, что въ письмахъ не выбираетъ ли она чтѣ читать? Къ письму Нечаева приложена была копія съ письма, писаннаго Сперанскимъ къ бывшему директору училищъ Сибирскихъ, его сотоварищу по воспитанію, теперь не упомяну его имени *), онъ нѣкогда напечаталъ книгу путешествія своего по Сибири. Письмо касалось практическихъ путей христіанства въ покаяніи, возрожденіи и просвѣщеніи. Все это было написано съ знаніемъ дѣла, глубокимъ проникновеніемъ во глубину внутренняго міра человѣка и Боссюэтовскимъ, громоноснымъ краснорѣчіемъ. Мы всѣ восхитились, князь рыдалъ и показывалъ безпрестанные знаки живаго и возрастающаго увлеченія. И подлинно, чеканъ или печать Сперанскаго вполнѣ наложены были на это письмо, геніальное произведеніе глубоко почувствовавшаго и умѣвшаго вполнѣ выразить прекраснѣйшимъ и достойнѣйшимъ словомъ все имъ почувствованное. По окончаніи чтенія, которое дѣлано было Козловскимъ, князь такъ былъ доволенъ, что велѣлъ ему записать эту рукопись въ число сохраняемыхъ имъ рукописей своей библіотеки; назвалъ присылку письма настоящимъ подаркомъ и прибавилъ, что это такое превосходное и живительное произведеніе, что отъ услышанія онаго прошли тѣ дурноты, которыя въ немъ произведены были чтеніемъ Кологривой. Удивляюсь только тому, что ты съ Субботы держала у себя эту бумагу и меня не предупредила. Я не могу теперь ничего такого слушать, чтѣ меня разстрогать можетъ, сказалъ мнѣ князь. Вотъ читали мнѣ о чумѣ, и что же? Я сталъ чувствовать отъ того дурноту и велѣлъ Козловскому это мѣсто выпустить. Я вамъ буду читать, сказалъ я ему, все веселое. Да это мнѣ будетъ пріятно слушать. Князь, узнавши, что не будетъ къ обѣду ни Муравьева, ни Эшельманъ, ни Шмидтъ, велѣлъ пригласить Дмитр. Иван. Попова. Кологривая что-то поворачала,

*) Это Словцовъ. П. Б.

однако не смѣла не послушаться. Такимъ образомъ, мы съ Дмитр. Иван. обѣдали у князя въ первый еще разъ вмѣстѣ. За столомъ подавали два рода новой рыбы: маринованную султанку, пофранцузски *rouget*, и хам-зу, которая была зажарена. Первая далеко превосходитъ миноги и все подобное въ маринованіи; вторая похожа на Бѣлозерскіе снятки, но превосходитъ ихъ; только въ послѣдней сильный морскій запахъ „*fumet*“, онъ для меня не очень пріятенъ; да и отъ всей рыбы Чернаго моря, сколько я знаю, запахъ одинакій, очень сильный и непріятный, похожій на запахъ морскій. Кологривая косится на Дмитр. Иван., къ которому князь благоволитъ и съ которымъ потихоньку говорилъ объ Аннѣ Александр., увѣряя ее чрезъ Попова, что одна только болѣзнь удерживаетъ князя отъ обычныхъ его къ ней посѣщеній. Это онъ говорилъ Попову на ухо; но сидящая и наблюдающая Мауреръ не могла того не слышать, и вѣрно узнаетъ о томъ и Кологривая, которая отлучилась на то время въ свою комнату. Послѣ обѣда мы вмѣстѣ съ Дмитр. Иванов. отправились къ себѣ, хотя очень было дурно идти по причинѣ грязи отъ выпавшаго дождя. Поповъ долгонько посидѣлъ у меня, мы обо многомъ съ нимъ поговорили, и между прочимъ онъ рассказывалъ очень замѣчательный сонъ видѣнный имъ прошлою осенью. Я ему отдалъ для просмотра послѣднія девять писемъ отъ Латкина, желая знать его мнѣніе о нашемъ предпріятіи; далъ ему для прочтенія свой альбомъ; далъ для той же причины присланный мнѣ календарь на будущій годъ и ландкарту Кавказа, которую онъ любопытствовалъ подробно осмотрѣть; онъ любитъ вояжировать по ландкартамъ. Поповъ извѣстилъ меня, что Анна Александр. очень поражена извѣстными событіями, которыя лишаютъ ея удовольствія видѣться съ княземъ, и, въ слѣдствіе полученнаго ею письма отъ своего племянника, намѣревается скоро отправиться въ Кіевъ, не смотря что зима въ Россіи; она думаетъ отправить экипажъ свой на длинныхъ, а сама рѣшается ѣхать на перекладныхъ.

*

21-го Декабря.

Довольно рано поутру послалъ я узнать, каково здоровье князя. Возвратившійся мальчикъ извѣстилъ меня, что князю сдѣлалось хуже и что онъ и эту ночь не спалъ, съ трехъ часовъ по полуночи принужденъ былъ сидѣть по причинѣ усилившагося спираія дыханія. Поутру пароксизмы продолжались и даже за самою обѣдней. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Шмидтъ и подробно рассказалъ о явленіяхъ недуга князева; у него стали пухнуть ноги. Къ обѣду пріѣхалъ посмотрѣть на князя докторъ Арендтъ, котораго нарочно для того выписывали для консилиума, но чтобъ не испугать князя, сказали ему, что онъ проѣз-

жая инспектировать свое вѣдомство и, находясь такъ близко около него, счелъ за нужное представиться князю, тѣмъ болѣе, что князь знакомъ съ его братомъ, находящимся, какъ извѣстно, при особѣ Государя. Все такъ было поддѣлано, что князь не догадался. Князь согласился дать себя осмотрѣть сегодня, прежде чѣмъ ляжетъ спать и завтра, прежде чѣмъ одѣнется.

Осмотръ дѣйствительно состоялся и учиненъ былъ чрезъ методу постукиванья. Арендъ думаетъ, что у князя нѣтъ водяной болѣзни, хотя и есть нѣкоторое депо во внутренней діафрагмѣ сердца, нѣтъ и чахотки и что все это произошло отъ разшевелившихся геморроидовъ, которыя съ Божіею помощію пройдутъ. Дай Богъ, чтобъ оправдалось послѣднее мнѣніе. Между тѣмъ эти страхованія навѣяли на душу мою тысячу безпокойныхъ думъ; чего не придумано; какихъ скарелныхъ, эгоистическихъ мыслей не перебывало въ неустроенной душѣ моей? Уныніе смѣшивалось съ какимъ-то живымъ настроеніемъ любострастія, хотя неопредѣленнаго и не по моему требованію. Бывальщина осіявала память мою, и я поражался формою и напоминаніемъ испытанныхъ студодѣній. Господи! Скверенъ человѣкъ, но благодать Твоя не оставляетъ его; я это испытывалъ и въ семь случаѣ, хотя тускло, хотя въ мерцаніи. Предаюсь въ волю Твою, Господи; дѣлай со мною что хочешь, но не оставляй меня на распутіи. Поутру заходилъ ко мнѣ братъ дѣвицы Мауреръ; онъ занимается и практикуетъ гомеопатіею; въ близости нѣтъ врачей, для того и обратился къ этому леченію или занятію, сказалъ онъ мнѣ. Неловкій и робкій человѣкъ, худо какъ-то и одѣтый; я принялъ его учтиво.

*

22-го Декабря.

День ясный и по возможности теплый, я и не видалъ какъ прошло утро и только что я успѣлъ одѣться, какъ вдругъ заѣзжаетъ за мною самъ князь; онъ подѣхалъ къ самому дому. Я сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и поѣхалъ. Мы останавливались не надолго и предъ квартирою Вѣры Алексѣев. Она сама къ намъ на минуточку вышла. Когда пріѣхали въ княжескій домъ, тамъ встрѣтили княгиню Мещерскую, которая сидѣла у Кологривой. Отдохнувъ немножко, я принялся за чтеніе сказки. Вотъ является къ намъ и инспекторъ врачебной управы Арендъ со своимъ сыномъ. Мы съ нимъ познакомились; человѣкъ онъ, кажется хорошій и видомъ очень похожъ на нашего Петербургскаго доктора Грума. Повѣсть на этотъ разъ не такъ была значительна и не очень интересовала князя. Я отвелъ къ сторонѣ Арента и спрашивалъ его о ногахъ князя; и кровь и болѣзнь въ ногахъ, все это происходитъ у

него отъ геморроидовъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у меня у самаго такимъ же образомъ болѣли ноги, и вотъ я здоровъ теперь. Управитель нашъ, суцій негодай, похваляется, что заставитъ заплатить ему за квартиру бѣдную, больную Анну Александровну, которая гоститъ теперь у Дмитр. Иванов. Я, дескать, одному семейству предоставилъ этотъ домъ, а въ немъ помѣщаются теперь двѣ семьи. Въ самомъ же дѣлѣ за эту бесѣдку Дмитр. Иван. платитъ ему по сту рубл. въ мѣсяцъ. Цѣна неслыханная! Кромѣ того, онъ похваляется, что онъ и Дмитр. Иванов. обяжетъ заплатить за истершуюся, якобы, мебель; онъ сорветъ съ мебели ткань и отдастъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ новую, или заплатилъ бы ему деньги. На щетъ князя Козловскаго онъ говоритъ, что ему извѣстно, что тотъ, будто-бы укралъ у Кологривой 1000 рубл. денегъ и передалъ ихъ будто бы въ Ялтѣ Жиду Бухштабу и что аптекаръ, исконный врагъ Козловскаго, убѣдилъ жену этаго Жиды показать ему эти ассигнаціи, отъ чего тотъ якобы и увѣрился, что эта покража состоялась и пр. Все это также приводило меня въ смущеніе болѣзненное..... Я велѣлъ вынуть изъ ящика первую часть духовныхъ разсужденій г-жи Гюйонъ и чтеніемъ оныхъ думалъ успокоить взволнованное сердце. Смѣшанныя идеи и скорбная молитва смеживались въ душѣ моей; зарница надежды и упованія едва замѣтно мерцала въ глубинѣ духа моего. Скорбенъ и черенъ этотъ день; гнѣвъ, тоска, печаль, опасеніе, уныніе, безнадежность: вотъ выраженія настоящаго моего состоянія. Но я уповаю на Господа; безмѣрные паденія мои призовутъ безмѣрную Его благость. Я получилъ, сегодня два письма: одно, ласковое, привѣтливое, дружеское отъ Херсонскаго архіепископа Гавріила, другое изъ Петербурга отъ вдовы Шешадамовой; та, бѣдная, проситъ моего ходатайства у князя. Но увы! что я могу для нея сдѣлать?

*

23-го Декабря.

Князь самъ пріѣхалъ за мною и даже велѣлъ поворотить лошадей своихъ, зная изъ вчерашняго отзыва, что я боюсь сидя въ экипажѣ поворачиваться; онъ подѣхалъ къ самымъ дверямъ моего дома. Когда мы пріѣхали въ домъ и князь раздѣлся, тогда начался у насъ слѣдующій разговоръ. Мнѣ очень вредно, что я много говорилъ вчера. Кн. Козловск.: вы бы велѣли мнѣ продолжать чтеніе. Вчера были у меня, сказалъ князь, Вѣра Алексѣевна и Марья Владимиров. Онѣ не любятъ Русскаго чтенія, и мнѣ нельзя же не занять ихъ было, когда онѣ нарочно для меня пріѣхали изъ Петербурга. Тогда я вступилъ въ разговоръ и замѣтилъ князю, что онѣ могли бы послушать и Русскаго чтенія; оно для нихъ тѣмъ было бы полезнѣе, что духовное; маленькое

сперва принужденное преодолевши, онъ, нашли бы, можетъ быть, вкусъ въ читаемомъ; вообще, осмѣлился я замѣтить: старцу такихъ лѣтъ, какъ князь, надобно сберегать вечера свои; они служатъ подготовленіемъ утровъ; вечерняя праздная трата сердца откликивается на утро, а оно дорого для богомыслія. Князю не очень понравилась эта откровенная рѣчь моя, и онъ началъ уже волноваться; я не радъ былъ жизни, что сказалъ это замѣчаніе; я здѣсь ясно увидѣлъ, что всякое противорѣчіе имъ невыносимо, прибѣгнувъ къ разнымъ средствамъ убаюкиванья и принялся тотъ-же часъ за Арабскія сказки. Князь наконецъ успокоился, и все пошло обыкновеннымъ чередомъ. Къ обѣду пріѣхала Муравьева. Послѣ обѣда разговоръ дошелъ до разныхъ притѣсненій дѣлаемыхъ намъ управителемъ; Вѣра Алексѣевна, къ удивленію моему, сильно также вооружалась противъ него, и въ немногіе дни ея здѣсь пребыванія онъ успѣлъ уже ей, такъ сказать, насолить. Я нашелъ здѣсь случай рассказать князю предпринимаемые имъ новыя ковы противъ Д. И. Попова и Анны Александр. Разсказъ мой удивилъ князя. Кологривая замѣтно поддерживаетъ управителя. Мнѣ вдругъ пришла тутъ мысль, не дѣйствуетъ ли она на него чрезъ посредство своего агента, Маурершу, которая часто бѣгаетъ въ домъ управителя. Дѣвица Мауреръ также нашла ловкій случай заступиться за управителя; она извѣстила, что читала будто бы письмо полученное управителемъ отъ баронессы, въ которомъ она обязываетъ перваго не дѣлать во всѣхъ домахъ какихъ нибудь починокъ, хотя бы это стоило 5 рубл., и что за всѣ передѣлки, какъ-то кладку печей и проч. я долженъ ему заплатить своими деньгами и тѣмъ болѣе, что я нынѣшній годъ получилъ отъ Государя шесть тысячъ рублей награды. Признаюсь, меня оскорбили эти письма; ихъ было, какъ увѣряютъ, два. Но сіи стѣсненія, подумалъ я, не происходятъ ли отъ Кологривой, которая покровительствуетъ управителю и, можетъ быть, подстрекая его, не хочетъ-ли всѣхъ насъ выжить изъ домовъ нами занимаемыхъ и отдалить отъ князя? Признаюсь, въ огорченіи моемъ я вымолвилъ, когда князь замѣтилъ, что ненадобно до поры объ этомъ говорить никому, вымолвилъ, говорю, что Мауреръ почти всякій день ходитъ въ домъ управителя. На это она отеклась и сказала, что она болѣе двухъ недѣль не была въ домѣ.

Вѣра Алексѣевна сильно горячилась и также жаловалась на управителя, объявила, что она писала уже о томъ къ баронессѣ и что думаетъ писать во второй разъ. Князь и мнѣ также приказалъ написать къ ней письмо и пожаловаться. Покуда я этого не намѣренъ дѣлать. Довольно долго я пробылъ у него въ домѣ. Къ вечеру князь сталъ

очень ко мнѣ ласковъ, бралъ меня за руку, жалъ ее, улыбался; добрый и честный старецъ! Кологривая весело осматривала нашу группу плачевнаго образа; пристала, однако, къ намъ, побранить баронессу, на которую она сердится и предъ которою она кругомъ виновата. Я разочувствовался, разтревожился и промолвилъ князю, что я не знаю, какъ и говорить ему: такъ полна душа моя. Говорите апологами, коварно замѣтила мнѣ Кологривая. Она теперь въ апогеѣ искусственнаго своего величія. Меня отвезли домой и когда я пересказалъ все со мною случившееся, то и жена моя, не бывъ предувѣдомлена, попала на одну со мною идею, что Кологривая, дѣйствуя на управителя черезъ дѣвицу Мауреръ, хочетъ всѣхъ насъ выжить изъ домовъ.

*

24-го Декабря.

Не смотря на дурную погоду, я пошелъ въ Розовый Павильонъ къ Дм. Иванов., у котораго больная жена Евгенія Гавриловна именинница сего-дня. Они были мнѣ очень рады и оставили меня у себя обѣдать. Я цѣлый день просидѣлъ у нихъ, и чего-то мы съ ними не переговорили! Анна Александр. также съ нами обѣдала лёжа. Намъ пріятно было видѣть себя вмѣстѣ, потому что мы всѣ изподтишка гонимы Кологривою. Мнѣніе Анны Александр., что въ Кологривую не вселился ли какой духъ, возмущающій ея и наше спокойствіе. Выходя изъ Розоваго Павильона, я много нынесъ мусора на своемъ сердцѣ, которое было болтливо и гнѣвно. Пришедши поздно домой, жена мнѣ сказывала слышанныя слова Козловскаго, которыя произнесъ онъ на обѣдѣ у Горяинова въ присутствіи Зеленкевича. Я не хочу записывать текстъ этихъ словъ, они и дерзновенны, и обидны; но начало ихъ въ томъ состоитъ: я потому искалъ въ Бартеневѣ, говорилъ Козловскій во всеуслышаніе стола, что думалъ, что онъ что нибудь значить у князя Голицына, но я скоро увидѣлъ его ничтожность и малое значеніе, а потому и проч. На эти слова однако отзыва не было, даже и самъ хозяинъ покосился, а Зеленкевичъ счелъ за нужное потихоньку рассказать капитану Фремдеру, чему онъ былъ личный свидѣтель между мною и Козловскимъ. Богъ съ нимъ! Избавь только меня, Господи, отъ теперешняго съ нимъ товарищества. Вмѣстѣ съ симъ Козловскій далъ замѣтить, что если князь пересталъ ходить ко мнѣ въ домъ, то это сдѣлано не безъ его же вліянія. Основаніе всему этому, пожалуй, что можетъ быть и справедливо.

*

25-го Декабря.

Поспѣшилъ въ церковь князеву, она была полна народомъ: князь пріобщался Святыхъ Таинъ. Оттуда всѣ собрались въ его комнату для

принесенія поздравленій. По обыкновенію Муравьева заняла мѣсто вблизи его, но старецъ вспомнилъ обо мнѣ и подозвалъ меня, веля сѣсть возлѣ себя. Мы начали разговаривать. Я замѣтилъ, что благодарный молебенъ, который обыкновенно поется послѣ обѣдни, былъ установленъ блаженной памяти императоромъ Александромъ Первымъ по внушенію князя. Сей часъ же подосланъ былъ къ князю докторъ Шмидтъ, и это сдѣлано по внушенію сестры его съ приказаніемъ или совѣтомъ перестать разговаривать, по причинѣ якобы вреда отъ того князю. Между прочимъ старецъ успѣлъ мнѣ тогда сказать, что замираніе духа его не отъ разговоровъ, по его мнѣнію, происходитъ, а отъ невѣдомыхъ какихъ-то внутреннихъ причинъ его тѣла. Посѣтители, думая отдохнуть, сгруппились въ небольшія кучки, я стоялъ вмѣстѣ съ Дмит. Иван., и вотъ подходитъ къ намъ Козловскій и начинаетъ говорить, что по его мнѣнію замираніе духа князева именно съ того времени произошло, какъ сослана была Кологривую бѣдная Анна Александр., вызванная самимъ княземъ. Онъ не могъ этаго не видѣть, продолжалъ Козловскій, и вотъ гдѣ надобно искать причину настоящей болѣзни. Признаться, я не вытерпѣлъ и сказалъ ему тогда же, что мало этого что не давали дровъ Аннѣ Алекс., но что даже не хотѣли и кормить ее. Желая пострадать Козловскаго, я прибавилъ: Полагаю, что вы много знаете, но не вѣдаете того, чтò мнѣ извѣстно и еслибы вы тоже самое узнали чтò я, то не устояли бы на ногахъ своихъ. Этимъ пафосомъ я думалъ его озадачить и намекнуть о извѣстной мнѣ денежной кражѣ. Не знаю, хорошо ли я это сдѣлалъ, но Дмитр. Иван. за это меня не осудилъ. Возвратившись домой, я принималъ гостей, князя и княгиню Мещерскихъ; мужъ ея противъ дѣйствій Кологривой, жена поступаетъ противно системѣ мужа; она ее щадить, потому что боится, основывая свои правила на томъ, что если кого Кологривая не полюбитъ, то всѣ усилія употребляетъ сдѣлать вредъ тому человѣку, а людей въ ней ищущихъ и ползающихъ предъ нею она отстаиваетъ до самаго нельзя. При мнѣ завязался между мужемъ и женою жаркій споръ, гдѣ они горячо оспаривали другъ друга; во всякомъ другомъ случаѣ это было бы забавно, но въ настоящемъ настроеніи духа не велика для меня тутъ забава. Мещерская стала замѣчать и въ Муравьевой нехазовые концы; ея выскочки и страстность сильное поселяютъ предубѣжденіе въ Мещерской, которая уже и не скрываетъ этаго предъ нами. Вотъ является и Шмидтъ съ поздравленіемъ; говоря по обыкновенію о болѣзни князя, онъ промолвилъ, что кататься ему можно на свѣжемъ воздухѣ, но заходить въ дома вредно для здоровья; особенно выслушивать рѣчи, которыя могутъ разстрагивать его нервы. Этѣ наивныя запрещенія понятны; въ какой огородъ бросаютъ этотъ камень,

также извѣстенъ; извѣстно и то, кто бросаетъ. Нынѣ князь ѣздитъ къ одной только Турчаниновой и, можетъ быть, будетъ ѣздитъ къ Муравьевой; то, чтобъ отдалить его отъ сихъ пріятныхъ для старца сообщеній, Кологривая налагаетъ это запрещеніе устами Шмидта. Этотъ же Шмидтъ прибавилъ и пояснилъ примѣромъ: вотъ наприм. къ вамъ ѣздитъ князю никакъ нельзя; въ вашей комнатѣ температура очень жаркая, и ему видимый вредъ можетъ быть отъ того.

*

26-го Декабря.

Утро я пролѣнился и не торопился одѣваться, какъ князь заѣзжаетъ самъ за мною; я не могъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать. Ко мнѣ зашелъ князь Мещерскій, и мы отправились съ нимъ по дорогѣ. Въ домѣ князя я встрѣтился съ княгиней, его женою. Чтеніе было не занимательное. Князь спалъ хорошо ночь и здоровъ по возможности. Предъ моимъ отходомъ, пріѣхавшій изъ Ялты Козловскій вдругъ подходитъ ко мнѣ и въ какомъ-то разгоряченномъ видѣ рассказываетъ мнѣ, что онъ гдѣ-то встрѣтилъ въ Ялтѣ лекаря Зеленкевича и наговорилъ ему разныхъ ругательствъ. За что? спросилъ я Козловскаго. За то, отвѣчалъ Козловск., что онъ сказалъ Горяинову, какъ онъ пользовалъ меня, когда я проломилъ себѣ голову. Я отошелъ скорѣе прочь отъ сего грубаго и дерзкаго человѣка, который притомъ врядъ не былъ ли и пьянъ. Поутру тоже была у меня печальная сцена. Я призывалъ Семена и укорялъ его въ пьянствѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ дѣлахъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными. Мой кроткій выговоръ заставилъ его признаться въ своей винѣ и рассказать мнѣ, что онъ, между прочимъ, и тѣмъ виноватъ, что ходилъ по ночамъ вмѣстѣ съ Иваномъ играть въ карты и это случалось по нѣскольку разъ; я призвалъ Ивана на очную ставку. Въ сердцахъ они перекорились, и я узналъ скорбную повѣсть лакейскаго воровства, пьянства, картежной игры и гнусныхъ, безстыдныхъ обмановъ. Какъ я люблю пьянствовать, сказалъ мнѣ Семенъ, то въ такой же пропорціи вашъ Иванъ любитъ корысть и картежную игру..... Все это печально и горько. Я получилъ съ почты три письма: изъ Симферополя, отъ купца Ицки-Берга съ шелкомъ и отъ Жегочева. Изъ Петербурга письмо было отъ книгопродавца Исакова, но книгъ я не получалъ... И сегодня не удалось мнѣ почитать мое обычное чтеніе. Во снѣ видѣлъ Жуковскаго и его новую поэму въ стихахъ; я читалъ стихи и тогда понималъ смыслъ. Чудное дѣло, сны! Это быть или такая отдѣльная жизнь души, которая далеко не изслѣдована вполне. Очень опечалена Вѣра Алек. Муравьева: она выпросила вчера коляску у Мещерскихъ, а лошадей у управителя, чтобъ доѣхать до князя и когда назадъ отправлена была коляска въ домъ Мещерскихъ,

то дурныя лошади управителя взбѣсались и понесли ее съ горы; говорить, что едва-ли не въ дребезги она разбилась.

*

27-го Декабря.

Отправился на свое дежурство къ князю. Самъ князь не страдаетъ уже столько, за то великую заботу проявлялъ онъ о Козловскомъ, который покашливалъ и не имѣлъ хорошаго аппетита. За обѣдомъ только и разговоровъ было: покушай, Павелъ Дмитр., этаго, и не кушай того-то. Елис. Михайловн. вистуетъ братцу; Козловскій вздергиваетъ носъ, разваливается на креслахъ, надувается, никому не спускаетъ, даже самому князю. Вѣра Муравьева приходила на малое время, ровно какъ и князь Мещерскій. Но старецъ болѣе любопытствовалъ узнать окончаніе Арабской сказки, чѣмъ продолжать съ ними бесѣду. Я постарался поскорѣе отправиться домой; грусть и скука встрѣтили меня на этотъ разъ и дома, хотя это очень рѣдко случается. Какая ничтожная и прозябательная жизнь! думалъ я, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ; вмѣстѣ со скучными мыслями образы любопытные мелькали предъ душою моею; это еще увеличивало тяжесть. Я продолжалъ читать разсужденія г-жи Гюйонъ, которыя меня немножко освѣжили. Теперь надежда, что скоро воспослѣдуетъ глазная операція старцу, уничтожена извѣстіемъ, что министръ просвѣщенія отсрочилъ отпускъ околюсту Ванцетти.

*

28-го Декабря.

Вечеромъ принесли мнѣ большое письмо изъ Кологрива, отъ Сирина, и нѣсколько книгъ философскаго содержанія, присланныхъ мнѣ изъ Петербурга Исаковымъ; тутъ были: Декартъ, Лейбницъ, Кларкъ, Фенелонъ и Боссюэтъ, какъ философы, отецъ Андрей Іезуитъ, но Іезуитъ благонамѣренный и послѣдователь картезіанизма, Беконъ Веруламскій и нѣсколько библейскихъ гравюръ, впрочемъ присланныхъ не изъ того собранія, котораго я имѣю начало. Дмитр. Иванов. посѣтилъ меня, и мы большую часть вечера провели въ сѣтованіяхъ и гереміадахъ: онъ сильно соблазняется княземъ и видитъ въ немъ пошлую посредственность, чтобъ не сказать эгоизмъ, особенно въ отношеніи Анны Александр., которая, по словамъ его, очень страдаетъ. Пріѣхавшая отъ князя Варинька навезла намъ кучу забавныхъ и незабавныхъ новостей; впрочемъ, начинается уже перепалка между Муравьевою и кн. Козловскимъ; послѣдній объявилъ ей малую войну; увидимъ, какое будетъ продолженіе. Кологр. показывала Варинькѣ письмо написанное ею къ губернатору по предмету извѣщеній Зеленкевича; хитрая старуха расхвалила меня въ пухъ, назвавъ единственнымъ другомъ князя и проч.

*

29-го Декабря.

Путру призвалъ неисправимаго Семена; онъ объяснилъ мнѣ, что, по теперешнимъ обстоятельствамъ, онъ не можетъ оставаться у меня, опасаясь мести отъ крѣпостныхъ слугъ. Въ припадкѣ откровенности, онъ новыя обстоятельства раскрылъ, которыхъ мнѣ и на умъ не всходило. Напримѣр., что онъ самъ Иванъ, мой камердинеръ, Андрей, мужъ нанятой кухарки и еще извозикъ неоднократно игравали у меня по вечерамъ и даже ночамъ въ передней; что Иванъ, узнавши, что есть хорошія деньги у Андрея и видѣвши, что онъ слабо играетъ, предлагалъ ему и самъ надѣялся обыграть Андрея; что объ этомъ мой мальчикъ не только что зналъ, но что даже и видалъ неоднократно. Я призвалъ на очную ставку и мальчика, и Ивана. Разумѣется, все заперлось; но я усовѣстилъ мальчика, и тотъ признался, послѣ того и Иванъ пересталъ отпираться..... Все это перемѣшано было со враждою и гнѣвомъ; Иванъ поблѣднѣлъ отъ злобы и досады..... Во всемъ этомъ я игралъ безсильную, если не смѣшную, роль...

Все мнѣ это тяжело и какъ свинцовая гиря виситъ на душѣ моей. Пошелъ къ князю, по своему обычаю; мнѣ уже наскучило читать Арабскія сказки, я вынулъ изъ сундука томъ сочиненій Лантье и по его собственному избранію началъ читать ему: Путешествіе въ Испанію; это и романъ, и путешествіе, а слогъ старика Лантье ручается за успѣхъ; во всякомъ случаѣ, сочиненіе занимательно. Во время чтенія посѣщала на короткое время князя Вѣра Алексѣевна. Возвратившись домой, я нашелъ ее у жены моей съ заплаканными глазами..... Почту привезли при мнѣ князю; съ нею, какъ помнится, получено было письмо отъ Императрицы... Вѣра Алексѣевна разстрогалась отъ участія принимаемаго ею въ особѣ князя; она не могла не замѣтить подозрительной опеки, похожей на сѣть, которою облекла своего брата мнительная и деспотическая сестра его. Если ея самую нѣтъ, говорила Муравьева, то дѣвица Мауреръ сторожить и не отступаетъ отъ него. Вѣра Алексѣевна слышала въ Петербургѣ отъ вѣрныхъ людей, что графъ Воронцовъ безъ зазрѣнія называлъ ее *le petit tiran de la côte*, т. е. маленькимъ тираномъ южнаго берега.

*

30-го Декабря.

Князь рассказывалъ о полученныхъ имъ новостяхъ; Кавказскіе горцы взяли крѣпость и городъ Тарки, завоеванный во время Екатерины. Помогли Господи благовѣрному нашему Императору, и пусть онъ окончить эту распрю; Господь благословляетъ его видимо. Послѣ

обѣда, когда Кологривая ушла въ свою комнату, а дѣвица Мауреръ отлучилась на время въ свою, Вѣра Алексѣевна возобновила разговоръ объ Аннѣ Александровнѣ, который начался за обѣдомъ въ слѣдствіе сдѣланнаго ею мнѣ вопроса, давно-ли я съ нею видѣлся. Я сказалъ, что въ Сочельникъ мы вмѣстѣ обѣдали. Князь спросилъ: вѣрно вы обѣдали въ ея комнатѣ. Нѣтъ, ваш. сіят., въ ея комнатѣ нельзя было обѣдать, а переносили ея постелю въ общую залу. У нея не комната, а стойло, сказалъ я. Вотъ, говорю, теперь, какъ разошлись аргусы и мы оставались только двое съ Козловскимъ, Вѣра Алексѣевна. начала довольно искусно представлять князю, что Анна Александровна очень больна лихорадкою, что лихорадка сдѣлалась отъ простуды, а простуда отъ того, что было холодно въ ея комнатахъ. Можно бы было, продолжала Вѣр. Алексѣевна, поставить желѣзную печку. Князь возразилъ на это, что если было холодно у Анны Алекс., то всему этому причиной она сама; что обыкновенную печь ея комнаты иногда топили по четыре даже раза, но что она не велѣла по обыкновенію закрывать трубы. И если бы желѣзную печку поставить, то надлежало бы ее цѣлый день топить и при томъ поставить эту печку не иначе можно бы было, какъ въ другой комнатѣ, видѣ ея наблюденія. Смотрѣть же за топленьемъ некому, на ея человѣка нельзя положиться, потому, что онъ дурнаго поведенія; можетъ сжечь домъ. Вы бы приставили своего истопленника, сказала Муравьева. Онъ одинъ у насъ, сказалъ князь и самимъ надобенъ. Нѣтъ, закончилъ князь, что тутъ говорить, она сама всему этому виновата; этѣ привычки были у нея и въ Петербургѣ. Князь, видимо, былъ недоволенъ разговоромъ, а я, видимо увѣрясь въ произвольномъ ослѣпленіи князя или, лучше сказать, его эгоизмѣ, отправился домой съ грустнымъ чувствомъ и еще съ печальнѣшею мыслью: не найдете ли на князи и на сыны человеческіе, въ нихъ бо нѣтъ спасенія..... Отъ переполненнаго сердца, а болѣе того, можетъ быть и желудка, я легъ отдохнуть и крѣпко уснулъ. Потомъ пошелъ посидѣть къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ въ ея бесѣдку. У нея, и свѣтло, и тепло. Мнѣ потребно было поблагодарить ея за геройскую рѣшимость заступиться за Анну Александр. и нѣсколько приподнять завѣсу скрывавшую козни Кологривой.

*

31 Декабря.

Пришелъ посѣтить меня кн. Мещерскій; онъ долго просидѣлъ у меня. Но въ разговорахъ его я не нашелъ занимательности, а все одна голословная человѣческая политика; впрочемъ, говорятъ, что онъ человѣкъ хорошій и добрый. Онъ засталъ меня сидящаго на малень-

комъ стуликѣ предъ свѣтомъ и читающаго Θεодицею Лейбница. Онъ сказалъ мнѣ, что подобное чтеніе изсушаетъ сердце. Пошлость и несправедливость отвѣта ясна и опредѣляетъ характеръ чтенію.

Кн. Мещерскій довольно часто ко мнѣ заходитъ, равно какъ и жена его, но знакомственная связь отъ того не растетъ болѣе и болѣе..... Послѣ обѣда занимался разсматриваніемъ Москитянина и того журнальца, который я подарилъ женѣ своей. Особенно въ этомъ повременномъ листкѣ заняла меня статья Мятлева „Часы“. Ихъ надобно читать отдѣляя каждый слогъ, для подражанія маятнику; въ нихъ что-то есть пустынное, таинственное. Вотъ они: „стучать, стучать, не замолчать часы всю ночь, и мнѣ не въ мочь ихъ слышать шумъ. Тяжелыхъ думъ душа полна, и стѣснена тоской она. Часы, часы! Гдѣ всѣ красоты минувшихъ лѣтъ? Увяль ихъ цвѣтъ, постыль мнѣ свѣтъ! Часы, часы! Чтѣ мнѣ красоты! Ужель опять ихъ не видать? Часы въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ..... И я вздохнулъ, и съ тѣмъ уснулъ“. Предъ полночью, я остался съ женою, чтобы помолиться. Трудно мнѣ было собрать разсѣянные силы; въ торжественную минуту мы упали съ женою на колѣни предъ Распятіемъ Божественнаго Искупителя и предали судьбу нашу въ Его волю. Наступилъ новый годъ; люди и домодчацы пришли поздравлять насъ, какъ это и прежде дѣлывалось. И такъ наступилъ новый 1844 годъ.

(Дальше будетъ).

*

Въ этомъ дневникѣ, со внѣшней стороны, является человѣкъ, имѣвшій большое значеніе дѣлхъ десятилѣтій. Это преданнѣйшій слуга и другъ императора Александра Павловича, какихъ у него было немного и въ комъ онъ до конца не разочаровался. Князь А. Н. Голицынъ былъ долгое время хранителемъ тайнъ его, какъ личныхъ, такъ отчасти и государственныхъ. Онъ принималъ участіе въ самомъ его завѣщаніи (причинившемъ такъ много хлопотъ для Россіи). Почтовая тайна находилась долго въ рукахъ его. Онъ же былъ и проводникомъ царскихъ милостей. Можно указать на рядъ лицъ, благоденствіе которыхъ состоялось при его посредствѣ. Въ первую Турецкую войну при Николаѣ Павловичѣ, царскія дѣти были поручены ему по случаю почти полугодной отлучки родителей. Не мудрено, что ему прощались его слабости, и въ старые свои годы онъ пользовался заботливымъ попеченіемъ Государя. Предокъ его благословилъ Петра Великаго нагруднымъ крестомъ, который спасъ Полтавскаго побѣдителя отъ Шведской пули. П. Б.

ИЗЪ КРЫМСКАГО ДНЕВНИКА Ю. Н. БАРТЕНЕВА.

1844-й годъ *).

1-го Генваря 1844 года.

Я не успѣлъ выкурить трубку табаку, какъ за мной ужъ при-
слали экипажъ. Мы поѣхали съ женою прямо къ князю. Послѣ обѣдни
и молебна всѣ собрались въ пріемной князевой для обычнаго поздрав-
ленія. Старецъ сошелъ съ верха, и всѣ принялись поздравлять его.
Старецъ бодрѣ на видъ, и не было у него сильнаго спирания духа.
Муравьева подскочила было вести князя, но сестра его вдругъ подошла
къ нему, перебила руки и сказала Муравьевой: позвольте сестрѣ похо-
дить за братомъ. Муравьева, встревоженная, разкраснѣвшаяся броси-
лась въ кресло, и замѣтно было, что ей это очень неприятно. Нынѣш-
ній разъ князь очень мало занимался мною и женою, хотя послѣдняя
у него очень рѣдкая гостыя. Но за то вниманіе его направлено было
на княгиню Мещерскую и ея мужа. Спустя нѣкоторое время князь
сказалъ вслухъ: я получилъ отъ Императрицы письмо, въ которомъ
упоминается вы, княгиня, то, сестрица, прочтите княгинѣ письмо Импе-
ратрицы. Но Кологривая медлила, и онъ вновь повторилъ свое желаніе.
Въ слѣдствіе сего Кологр. взяла письмо и повела Мещерскую въ дру-
гую комнату. Тамъ и продолжалось это чтеніе. Императрица по своей
милости, продолжалъ князь, хотѣла знать, какъ я провожу свой день.
чтобы слѣдить, такъ сказать, за мною своею благоволиительною мыслию,
и вотъ я ей и описалъ мое дневное времяпрепровожденіе съ важными
подробностями, на примѣръ даже и то написалъ, кто мнѣ что читаетъ.
Это послѣднее обстоятельство сказалъ князь съ значительностію. Я
писалъ къ Государынѣ о княгинѣ Мещерской, и вотъ она изволилъ
упомянуть и о ней. Мещерская была въ полномъ торжествѣ, которое
отражалось безъ сомнѣнія и на мужѣ ея. Такъ вотъ, подумалъ я, при-
чина этихъ ежедневныхъ, систематическихъ посѣщеній князя супру-

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года (выпускъ 8-й).

жескою четою Мещерскихъ. На дняхъ погода была довольно дурна: кн. Мещерскій, явился къ князю и говорить при мнѣ: жена моя препоручила мнѣ доложить ваш. сіят. о своемъ сожалѣніи, что она въ эти два дня не являлась къ вамъ: дни были ненастные, а она не такъ здорова. Мнѣ кажется, что теперь насталъ апофеозъ для этой четы: она со всѣми въ ладу; даже Козловскій начинаетъ дарить ихъ. Козловскій однажды прислалъ къ нимъ свиную голову, а потомъ подарилъ живую, дикую и при томъ ценною козю, которую, по слухамъ, Мещерскій держитъ въ своемъ кабинетѣ. Стали мало по малу расходиться; Козловскаго однакожъ и въ началѣ этаго собранія не было. Князь объявилъ, что онъ нездоровъ, что принималъ вчера вонючее масло изъ трески, его всю ночь отъ того рвало. Вотъ и мы вышли съ женою и какъ карета наша была не готова, то мы дожидались ея на крыльцѣ. Видимъ, идетъ Козловскій; лицо точно у него было какъ-то измято: размѣнявшись поздравленіемъ. онъ вдругъ обращается къ намъ и начинаетъ дурно говорить о Муравьевой и даже угрожать ей. Какая она негодная женщина, погоди. я ей покажу себя и пр. Мы не могли надивиться съ женою этому безстыдному хватизму и всегдапней злобѣ этаго человѣка. Приѣхавъ домой, я зашелъ поздравить съ новымъ годомъ Вѣру Алексѣевну, въ то время отправлялась ея племянница къ Арсеньевымъ; ей, бѣдненькой, здѣсь очень скучно; она ищетъ развлеченія. Потомъ я прошелъ въ Розовой Павильонъ, чтобы поздравить и Анну Александр. Дмитр. Иван. выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и повелъ въ свои комнаты. Онъ имѣлъ встревоженное лицо и не очень вѣжливо напоминалъ мнѣ о табакѣ, который я просто ему дарю; вообще онъ меня принялъ не замысловато. Удивляясь, что Анна Александр. заставляетъ меня ждать, онъ сказалъ мнѣ, что она пишетъ письмо, которое слѣдуетъ отправить съ племянницею Муравьевой; о ней я зналъ, что та уже уѣхала.

Наконецъ Анна Александр. принимаетъ: сперва что-то сухо со мною обходится, потомъ начинаетъ откровеннѣе разговаривать со мною: смѣется тому, что Елис. Михайл. предложила ей чрезъ Дм. Ив. прислать меду, котораго у нея, какъ она выразилась, въ излишествѣ. Этотъ вызовъ ничто иное означаетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. какъ непостижимую иронию. Турчанинова рассказывала мнѣ, что къ ней приходила Муравьева, которая, по совѣту и по подстрѣканію кн. Мещерской, вздумала увѣщевать дѣвицу Мауреръ, что ей несовмѣстно преслѣдовать все то, что говорится князю, и въ слѣдствіе этаго извѣщанія Муравьева достигнула лишь того, что Мауреръ стала садиться теперь подальше, и только.

Обѣдъ мой для новаго года былъ очень хорошъ; я послалъ сладинкаго пирожка со своего стола Аннѣ Александровнѣ. Послѣ обѣда посѣтилъ меня мой духовный отецъ, котораго теперь желаніе устроено оставить Крымъ; я далъ ему совѣтъ, чтобъ онъ просился въ Москву. Пріѣхалъ и Ялтскій почтъ-мейстеръ поздравить меня съ новымъ годомъ; это человѣкъ кроткій и мирный: я подарилъ ему книжку о винодѣліи Кеппена. Пришла Ольга Карловна тоже поздравить насъ съ новымъ годомъ. Наконецъ, является и Шмидтъ съ тѣмъ же побужденіемъ. Лекаръ Шмидтъ въ полномъ развитіи полного и удовольственнаго чувства; въ шейномъ платкѣ его блистаетъ большой брилліантовый перстень, подаренный ему княземъ въ новый годъ; вмѣстѣ съ этимъ отправлены и его бумаги въ Петербургъ о принятіи его въ настоящую службу и зачисленіи прежнихъ лѣтъ проведенныхъ имъ на Южномъ берегу. Я порадовался сему событію. опечалило лишь меня то, что это дѣло ведено чрезъ кн. Козловскаго въ слѣдствіе воли его сіятельства; слѣдовательно, правду сказалъ гр. Солтыковъ, *que je suis un grand zégo* *). Козловскому подарена золотая табакерка отъ князя. Возвращается Варинька и рассказываетъ разныя исторіи про Муравьеву и между прочимъ, будто бы Муравьева подкралась къ столу, гдѣ лежало письмо Императрицы и прочитала его; Кологривая бросилась за нею, какъ коршунъ и проч. Вообще, наша Варв. Петровна очень гнѣвна на Муравьеву и готова взвести на нее разныя неблаговидныя вещи. Наконецъ, съ утружденными и отчасти взволнованными чувствами. легъ я спать въ надѣяніи на Господа и Его милость.

*

2-го Января.

Я не успѣлъ еще выкурить трубку табаку, какъ князь прислалъ за мною дрожки. Я подѣхалъ прямо къ церкви и выстоялъ обѣдню. Такой несносной разноголосицы въ пѣніи я не встрѣчалъ во всю жизнь. какую довелось мнѣ выслушать нынѣшній разъ. И Дмитр. Иван. пришелъ въ церковь: я встрѣтилъ его на дорогѣ и подвезъ вмѣстѣ съ собою.

Отъ обѣдни пришли мы къ князю: я остался для чтенія, которое его начинаетъ интересоваться. Завязался разговоръ между братомъ и сестрою. Кологр. отпустила унтеръ-офицера съ женою и препоручила эту должность садовнику. Князь говоритъ, что въ хорошемъ хозяйствѣ, какъ въ устроенной мануфактурѣ, непременно надлежитъ замѣщать интервалы. Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ и довольно

*) Что я полный ноль.

мирно, какъ вдругъ Кологривой вздумалось сказать брату, чтобы онъ не беспокоился ни о чѣмъ, что все будетъ исправно и чтобы *не слушалъ тою*, что ему говорить и проч. Это слово такъ встревожило князя, что у него сей часъ же сдѣлалось спирание или стѣсненіе въ груди. Онъ заставилъ дѣвицу Мауреръ себя водить и немало страдалъ. Ты меня подозрѣваешь, говорилъ онъ Кологривой, что я все будто кого-то слушаю: я никогда не любилъ наушниковъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ, что онъ въ Петербургѣ никогда столько не сердился, какъ живя здѣсь. Знаю, что сестрица любитъ меня, а безпрестанно сердить. Такимъ образомъ, эта женщина лишаетъ спокойствія добраго старика и коротааетъ его жизнь. Когда князь вышелъ изъ комнаты и прѣхалъ архитекторъ Эшельманъ, то Кологривая сказала, что она знаетъ какъ поносить ее въ Ялтѣ, что будто-бы она не такъ обходится съ братомъ, какъ бы слѣдовало. На это Эшельманъ замѣтилъ, что есть одинъ только человѣкъ, который можетъ распускать сіи слухи и этотъ человѣкъ теперь отправился въ Ялту (онъ разумѣлъ о Козловскомъ). Болѣзненное смятеніе, нанесенное князю, такъ было велико, что даже и чтеніе не помогало. Помолчавъ немного, Кологривая обратилась вдругъ съ рѣчью къ намъ и начала поносить Муравьеву. Это попрошайка, которая только одно и дѣлаетъ, что всего просить у князя; поэтому-то она и не любитъ, чтобы былъ кто нибудь посторонній при моемъ братѣ: еслибы разговоры ея были благонамѣренны, тогда бъ она не опасалась говорить ихъ громко и при постороннихъ людяхъ. Скоро приходитъ потомъ къ намъ и сама Муравьева: говорить, что погода прелестна и что хорошо бы было, еслибъ князь поѣхалъ прогуляться. Князь колеблется и не хочетъ прежде рѣшиться, пока не спроситъ своего камердинера Семена. Муравьева принялась доказывать старику, что можно въ этомъ случаѣ и ей повѣрить. Завязался новый споръ. Старецъ почти съ неудовольствіемъ далъ ей замѣтить, что камердинеръ лучше знаетъ, что для его тѣла пригоднѣе. Послали за Семеномъ, его нѣтъ дома: послали вновь поискать его въ комнатѣ ему принадлежащей, и тамъ не нашли. Князь потребовалъ совѣта отъ буфетчика своего Федора, который вымолвилъ свое согласіе; старецъ началъ собираться въ дорогу, и мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали. Такимъ образомъ князь больной проводилъ меня до моего дома. Прѣхавши домой, узнаю отъ Вариньки, которая ходила къ Аннѣ Александр., что она, оставляя ее, взопла въ дѣвичью Поповыхъ надѣтъ свои калоши: вдругъ видитъ столъ накрытый скатертью, на немъ стоятъ разныя закуски, бутылка вина и проч., а за столомъ сидитъ этотъ неоказавшійся Семенъ и курить спокойно сигару. Семенъ былъ и вчера у той же Катерины, дѣвки, родъ экономки у Поповыхъ, но только вмѣстѣ съ

прочую своею братьею, но не въ дѣвичей, а въ кухнѣ, отдѣленной дворомъ. Теперь онъ снова и ближе къ господскимъ покоямъ, ближе къ Катеринѣ, появился для особеннаго угощенія, и это праздничное соло въ слугъ привело меня въ недоумѣніе на счетъ и Анны Алекс. и самаго Попова. Не могъ я надивиться и надуматься досыта о подобномъ, вовсе неожиданномъ, явленіи.

*

3-го Января 1844.

Какъ всталъ, одѣлся, такъ и долженъ былъ отправиться въ Ко-рейскую церковь, гдѣ заказана была у насъ заупокойная обѣдня по умершемъ въ этотъ самый день прошлаго года, братъ жены моей, Павлъ Степановичъ Микулинъ. Отецъ-протоіерей очень хорошо исполнилъ свое дѣло, и намъ удобно было помолиться; служба совершалась чинно, церковь была уединена. Только что успѣли мы выйти изъ церкви, какъ самъ князь за мною заѣхалъ; но я немножко поусталъ въ церкви и потому просилъ его сіятельство, чтобы позволилъ мнѣ немножко отдохнуть дома. Камердинеръ Семенъ въ присутствіи князя настаивалъ, чтобы я тутъ же съ нимъ отправился; у насъ, сударь, отдохнѣте и отогрѣйтесь. По всему видно, что ему хотѣлось поотстать, чтò было бы и естественно, если бы я сѣлъ съ княземъ; не подалеку отъ этого мѣста, гдѣ остановились дрожки князевы, живетъ вдова Клоцъ и къ дочери ея Юліи ежедневно отправляется нашъ Семенъ, для пріятнаго препровожденія времени. Мое чтеніе Путешествія въ Испанію чрезвычайно какъ заинтересовало старца; онъ былъ имъ очень доволенъ и всѣмъ рекомендовалъ, пришедшему туда-же кн. Мещерскому и Вѣрѣ Алексѣевн. Муравьевой, которая явилась къ обѣду. Достойно примѣчанія, что онъ, какъ бы нарочно, велитъ читать книгу, не желая заниматься разговорами съ Муравьевою. Мнѣ кажется, что она начинаетъ ему наскучивать, и онъ чрезъ чтеніе хочетъ избавиться болтовни. За обѣдомъ я оборвался въ словѣ и, припомня, какъ Русскій, простой людъ ломаетъ иностранныя слова, сказалъ; знаете ли, какъ наши слуги коверкаютъ имена вашей Гаспры и мамзель Мауреръ? Пойдемъ до Мавры, которая живетъ въ распрѣ. Козловскій и Муравьевъ засмѣялись, а Кологривая сдѣлала ужимку. За столомъ заговорили о г-жѣ Гартвисъ. Кологривая съ Козловскимъ язвительно отзывались объ этой женщинѣ: увлекали и старца, но я поудержалъ Муравьеву и напомнилъ ей, что братъ г-жи Гартвисъ, начальникъ артиллерійскаго училища, былъ для сына ея вѣрнымъ и добрымъ пестуномъ, благоволительнымъ начальникомъ... Странно, что Кологривая скоблила бѣдную женщину тогда, когда дары ея стояли на томъ столѣ, у котораго мы обѣдали. Гартвисъ вчера только прислала имъ винограду и конфетовъ; надъ послѣдними

смѣялись. О люди! О эгоизмъ! О отсутствіе энергіи въ характерѣ! Послѣ обѣда завязался разговоръ у князя съ Муравьевой о философіи. Первый судилъ, хотя справедливо, но односторонне; другая оспори-вала, не вполне понимая. Князь, не любя противорѣчій, немножко уже начиналъ и волноваться. Я воспользовался этимъ временемъ и ушелъ домой. Какъ нынѣ не любить князь прекословія, то это можно усмо-трѣть изъ вчерашняго разговора, въ которомъ онъ мнѣ объявилъ, что всякое запинаніе на сдѣланный имъ вопросъ производить уже въ немъ родъ спирація въ груди. Даже ему дѣлается дурно и тогда, когда не-скоро отвѣчаютъ на его вопрошеніе, или не отвѣчаютъ опредѣлительно. Въ домѣ ожидалъ меня большой конвертъ, въ которомъ заключалось семь для меня писемъ: 1) изъ С.-П.-бурга, отъ бывшаго цензора Би-рюкова; этотъ проситъ объ одномъ дѣлѣ, чтобы я напомнилъ князю. 2) изъ Симферополя, отъ Жегочева съ поздравленіемъ, 3) отъ туда-же и о томъ же, отъ губернскаго почтъ-мейстера, 4) изъ Бериславля отъ почтмейстера, 5) изъ Эвпаторіи, отъ раввина Фирковича, 6) изъ Сим-ферополя, очень милое письмо отъ старца Мюльгаузена, гдѣ онъ меня поздравляетъ и забавнымъ образомъ высказываетъ свое мнѣніе о болѣзни князевои, 7) письмо также изъ Симферополя, отъ Толсто-лѣса, того чиновника губернаторской канцеляріи, съ которымъ я такъ случайно познакомился и который даже бывалъ у меня въ Корейскъ. Вмѣстѣ съ этимъ, я получилъ и вторую посылку изъ Петербурга, отъ книгопродавца Исакова; въ ней содержались 4 новые томы Всеобщей Біографіи, начиная съ 71 до 74 включительно: эти томы суть допол-неніе къ Біографіи Мишо. Еще получилъ два послѣдніе тома: *Lettres édifiantes et curieuses*. Вечеромъ посѣтилъ меня Дмитр. Иванов. и долго просидѣлъ у меня: мы очень много и пріятно съ нимъ бесѣдо-вали. Все еще я утѣшаюсь его здравымъ умомъ и свѣтлымъ сердцемъ. Не безпокоенъ онъ былъ, когда я сказалъ ему, что мнѣ извѣстно, какъ его ключница Катерина угощала камердинера князева Семена: онъ однако сослался на праздники, а я не хотѣлъ продолжать далѣе разговора.....

*

4-го Генваря 1844.

Со вчерашнею почтою я получилъ два письма и на имя Вѣры Алексѣевны, я къ ней ихъ отправилъ сегодня поутру; она приказываетъ мнѣ съ человѣкомъ сказать, что она довольно поздно вечеромъ оставила князя и что онъ страдалъ отъ тоски и отъ занимаія духа. Я послалъ моего Ивана провѣдать о его здоровьи отъ самой сестры его. Возвратившійся слуга объявилъ мнѣ, что онъ былъ лично у Кологривой и что та объявила ему, что князь какъ нельзя хуже спалъ

ночь свою и страдалъ отъ обыкновенныхъ своихъ припадковъ. Иванъ нашелъ всѣхъ людей въ какомъ-то смущеніи, да и самая Кологривая что-то очень туманна. Эти извѣстія меня поразили, я очень обезпокоился, какъ вдругъ камердинеръ князевъ Семенъ является ко мнѣ въ комнату и рассказываетъ мнѣ, что самъ князь подѣхалъ къ моему дому и спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ, потому что онъ вчера слышалъ лично отъ меня, какъ у меня болѣлъ бокъ. Такой неожиданности я и удивился и обрадовался. Семенъ сказалъ мнѣ, что онъ и спалъ довольно хорошо. Княгиня Мещерская со всѣмъ домомъ своимъ, то есть, съ воспитанницами, посѣтила меня. Чѣмъ болѣе я разглядываю эту женщину, тѣмъ болѣе усматриваю въ ней эту мозговую политику, эту остуду, которая есть обычный удѣлъ дюжинной аристократіи; видно, что она безсердая, но теперь ей выгодно искать въ князѣ и ея сестрѣ. Она отъ меня прошла къ Муравьевой, надъ которою изъ подтишка посмѣивается; но какъ видна система ея ладить со всѣми на-перекоръ истины и достоинства!

Сего-дня обѣдалъ у меня Дмитр. Иванов. Мы пробовали съ нимъ вина, присланныя для образца директоромъ Никитск. сада Гартвисомъ. Сильванеръ крѣпкое вино на подобіе Tenerifского, изрядное по 2 руб. ведро; Рислингъ, родъ Францвейна, очень хорошее по 2 ф. 30 коп. серебр.; но что всего лучше намъ показалось, то это было вино Muscat sec, сухой Мушкатъ, вино ароматическое и пріятное; всѣ эти вина, какъ мнѣ помнится, 840-го года, и послѣднему цѣна 3 ф. серебр. Дмитр. Иван. захотѣлъ тотъ-же часъ купить этаго вина. Онъ таки посидѣлъ у меня довольно послѣ обѣда и все курилъ мой Крымскій табакъ, который я ни на какой въ свѣтъ не промѣняю, не смотря на то, что онъ родится на Татарскихъ плантаціяхъ въ Юрзуфѣ; цѣна ему 30 руб. ассигн. за пудъ, да изкрошить рубль серебр. съ пуда.—Варв. Петровна рассказывала, что была личною свидѣтельницею негодованія Кологривой и Козловскаго противъ Вѣры Алексѣевны. Послѣдній даже нахаленъ въ своемъ обращеніи. Когда князь оставилъ столъ по нуждѣ, то оставшіеся не скрывали враждебныхъ чувствъ своихъ къ Муравьевой; ея самое не было за столомъ, слѣдовательно большое раздолье разбѣгиваться враждебному сердцу. Не говорю уже, какъ выражалъ свое мнѣніе Козловскій о всегдашнихъ слезахъ Вѣры Алексѣевны. Но Кологривая не постыдилась сказать за трапезою, при слугахъ, что у нея, т. е. у Муравьевой, изъ глазъ, не слезы катятся, а ур... стыжусь вымолвить..... Такое-то общество собралось возлѣ благодатнаго старца!..... Варв. Петр. привезла съ собою штуку дорогой метеріи, шерстяной съ шелкомъ (не знаю, какъ ее называютъ), которою подарилъ

ее князь, а Кологривая, отдавая ее Варв. Петр., при отъѣздѣ, благословила или оградила ее крестнымъ знаменемъ. Сумнительна мнѣ такая нѣжность Кологривой къ нашей Варв. Петровнѣ: но мое дѣло теперь молчать и выжидать....

Князь получилъ письмо отъ Государя, которое не было при нихъ читано.

*

5-го Генваря.

Я пѣшкомъ отправился въ князеву церковь, гдѣ выслушалъ обѣдню и водосвятіе. Послѣ службы всѣ собрались къ князю, который сошелъ къ намъ съ верха. Между прочими разговорами князь упомянулъ что-то о комеражахъ или сплетняхъ, изъ чего мнительность моя извлекла, что Варв. Петр. не пожаловалась ли на Муравьеву сестрѣ князевой, а та не пересказала-ли брату? Я очень былъ туманенъ и мраченъ и когда князь отправился кататься, то и мы ушли съ Дмитр. Иванов. по домамъ. Поповъ успѣлъ мнѣ всколѣзъ сказать, что навѣялась новая бѣда на бѣдную Анну Александр., что присланъ въ Ялту вексель на ея имя для взысканія *и что вексель этотъ въ 5 тысячъ рублей. Вотъ и съ другой стороны повѣялъ на нее вѣтеръ непріязненности. Обѣдъ былъ постный; я мало ѣлъ, и ѣдкая досада въ продолженіе цѣлаго дня кипѣла въ груди моей; не разлилась ли во мнѣ желчь? Богъ, только знаетъ, что я передумалъ въ это время. Все мнѣ показывалось въ закоптѣлое стекло неудобствъ и препятствій, разумѣю о будущемъ. Одна только оживленная мысль представилась душѣ моей, что, какъ-бы то ни было, я могу прослужить и въ другомъ мѣстѣ, хотя напримѣръ у графа Киселева. Не произошло ли это отъ того, что Иван. Петр. въ своемъ письмѣ не даетъ мнѣ совѣта оставлять князя прежде глазной его операціи, а я предвижу, что, при настоящей его болѣзни, никакой операціи ему сдѣлать невозможно? Часъ отъ часу мои обстоятельства становятся запутаннѣе; и я разсѣявшись пересталъ съ нѣкотораго времени читать мои обыкновенныя благочестивыя чтенія.

*

6-го Генваря.

Я поздненько явился въ церковь: обѣдня была на отходѣ; народу было въ церкви очень много; день довольно ненастный и сырой, а потому Кологривая и распорядилась, чтобъ не было обыкновеннаго въ этотъ день освященія на Іорданѣ. Это многимъ не понравилось, а потому князь Мещерскій и увелъ священника въ Корейскъ, гдѣ и было обычное освященіе къ удовольствію народному. Я остался читать у князя, но наше чтеніе часто прерывалось: у старца дѣлалась обычная тоска, онъ худо и ночь спалъ; заставлялъ дѣвицу Мауреръ себя водить, вста-

валъ съ мѣста, пересаживался на другой стулъ, думая, хотя нѣсколько, утолить несносное страданіе; ноги его холодѣли. Мнѣ очень жаль было старца, и я старался развлекать его занимательнымъ и забавнымъ чтеніемъ, въ чемъ и успѣвалъ по временамъ, потому что когда болѣзнь хотя на малое время оставляла его, то онъ внималъ въ читаемое и шутилъ; Испанскія странности казались ему очень забавными. Въ тѣ интервалы, когда старецъ выходилъ изъ комнаты, Кологривая и Козловскій осуждали и злословили Муравьеву; Кологривая утверждала, что она съ племянницею только что не по колѣнкамъ князевымъ ходитъ, что братъ ея скучаетъ докуками Муравьевой; Козловскій же прибавилъ, что когда Муравьева вдругъ вымолвила, что будто-бы Эккартсгаузенъ не вѣрилъ во Христа, то старецъ поблѣднѣлъ отъ неудовольствія и проч. Наконецъ, пріѣзжаетъ и Вѣра Алексѣевна верхомъ на ослѣ, и старецъ съ маленьквою досадою ее принялъ по той причинѣ, что она немножко опоздала. Князь за столомъ сказалъ Шмидту: вотъ ты говорилъ мнѣ, что я хорошо ночь усну, а я какъ спалъ дурно! Потомъ вдругъ опять сказалъ Шмидту: видно у меня внутренности уже разстроиваются. Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ Шмидтъ. Старецъ былъ внимателенъ ко всѣмъ намъ. Послѣ обѣда я долго не сидѣлъ; было очень темно даже до обѣда, и я съ трудомъ могъ разбирать малую печать книги. Поднялся вѣтеръ, пошелъ мокрый снѣгъ, и я благополучно добрался до своей желѣзной печки; меня подвезли на дрожкахъ почти къ самому дому. По утру я разбиралъ письма Латкина и Егорова. Первый все толкуетъ о соединеніи Оби съ Печерою, тогда-бы хлынули всѣ продукты изъ Сибири въ Европу и обратно, колоніальныя товары размѣщались бы свободно на рынкахъ Сибирскихъ. Сибирь, по словамъ Латкина, разъединена отъ Европы, и теперь она наканунѣ ущербовъ еще важнѣйшихъ; что возникшая недавно и усилившаяся коммерція Англичанъ почти въ предѣлахъ Китая ослабитъ, если не уничтожитъ, довольно вялую Кяхтинскую торговлю нашу, а потому проэктъ соединенія двухъ наиважнѣйшихъ рѣкъ Сибирскихъ попалъ къ стати, чтобы указать правительству всю важность сего предначертанія. Совѣтуютъ Латкину представить проэктъ сей графу Клейнмихелю, Латкинъ былъ у графа Киселева и доволенъ его пріемомъ; онъ, по рассказамъ Латкина, ожидаетъ донесенія по нашему дѣлу, которое не шибко двигается изъ спеціального комитета, въ который думаютъ пригласить самаго Латкина для совѣщанія. Егоровъ пишетъ, что до операціи не должно оставлять князя, иначе получу коллегіальную отставку. Все это не очень меня радовало.

*

7-го Генваря.

Къ обѣду пришелъ протоіерей Накропинъ, онъ у меня и обѣдалъ. Разговоръ катился о повѣсившейся жевщинѣ изъ Мисхора, ближайшаго нашего сосѣдства. Женщина эта была въ совершенныхъ лѣтахъ, любила и была любима своимъ мужемъ; состоянія зажиточнаго; хозяинъ ея былъ старостою въ Мисхорѣ; они имѣли даже и капиталецъ. Вотъ женщина вдругъ затуманилась, это продолжалось до вечера; накрывъ столъ для ужина, она ушла не надолго. Но какъ она не приходила, то мужъ со дворовыми людьми пошелъ искать ее и увидѣлъ, что она виситъ на суку высокаго дерева, на который неизвѣстно какъ она взлѣзла. Мужъ очень о ней сокрушается, и къ нему приставлены двое людей, чтобы и онъ съ отчаянія чего нибудь не сдѣлалъ надъ собою. Отецъ-протоіерей по сему случаю разсказалъ мнѣ анекдотъ, слышанный имъ отъ преосвященнго Венедикта. У одного сельскаго священника былъ дьяконъ-пьяница, и вотъ однажды этотъ дьяконъ ночью прибѣгаетъ къ священнику и крѣпко стучится въ ворота. Священникъ впустилъ полупьянаго и встревоженнаго дьякона, который сказалъ ему, что, возвращаясь изъ питейнаго дома, онъ встрѣтилъ одного старика изъ знакомыхъ ему сосѣдей, которому было лѣтъ 60 и который очень пилъ; онъ встрѣтилъ его идущимъ, а по обѣимъ сторонамъ ведутъ его нагіе люди, которые сказали дьякону, что чрезъ недѣлю они и за нимъ придутъ. Дьяконъ испугался и прибѣжалъ извѣстить о томъ своего священника. Попъ отпустилъ его съ увѣщаніемъ и съ мыслию, что мало-ли что можетъ пригрезиться пьяницѣ. Чрезъ нѣсколько времени опять стучатся у священника, и это уже не дьяконъ былъ, а сынъ того старика, о которомъ дьяконъ говорилъ. Сынъ сказалъ священнику, что сей часъ только нашли отца его удавившимся, и онъ торговался со священникомъ, чтобы тотъ его похоронилъ. На дьякона сдѣлало это происшествіе глубокое вліяніе, и онъ, было, пересталъ и пить, но какъ-то случайно къ концу недѣли оборвался, вновь напился, и въ назначенный имъ срокъ нашли его мертваго на улицѣ. Вотъ что поразсказалъ мнѣ отецъ мой духовный.

Заѣхалъ ко мнѣ послѣ обѣда и лекаръ Зеленкевичъ, который ѣздилъ потрошить эту бѣдную женщину. Каково было брать его за руку! Онъ однакожъ увѣряетъ, что хорошо обмылъ руки свои. Зеленкевичъ привезъ мнѣ Крымскаго табаку. Вечеромъ прислала ко мнѣ записочку Вѣра Алексѣвна, чтобы я побывалъ у ней. Я пошелъ въ ея хижину и тамъ съ удовольствіемъ напился у нея чаю съ лимономъ. Много мы съ нею потолковали, особенно объ орудіяхъ общаго нашего

преслѣдованія; Вѣра Алексѣевна рассказывала мнѣ, какъ Козловскій явно уже показываетъ ей свое негодованіе и грубости. На этотъ разъ. я былъ немножко поосторожнѣе. и она часто мнѣ напоминала. что я предъ нею застегнувшись. Въ то время какъ я былъ, человѣкъ Козловскаго пришелъ къ ея поваренку, не бывши вовсе съ нимъ знакомымъ; это обезпокоило Вѣру Алексѣевну, и она не прежде успокоилась, какъ тотъ ушелъ. Въ этотъ вечеръ и Марья Владимировна побесѣдовала съ нами поболѣе: мнѣ кажется, что это засыхающая дѣвушка отъ томной и односторонней жизни, которую ведетъ у такъ называемой тетки. Я далъ Машѣ почитать Жакъ, романъ г-жи Дюдеванъ, хорошо изложенный. Только что я пришелъ домой, какъ нашелъ мою Варвару Петровну очень грустною, и при первыхъ моихъ словахъ, она крѣпко заплакала, будто только и разговору съ Муравьевою, что объ ней. Я постарался успокоить встревоженное ея сердце досадою и опасеніемъ.

*

8-го Генваря.

День мой начался тѣмъ, что мнѣ принесли посылку съ почты, состоящую въ письмѣхъ отъ Одесскаго почтмейстера и въ трехъ Одесскихъ календаряхъ, двухъ для меня, подарокъ почтмейстера и Косиковскаго и одинъ отъ почтмейстера, для князя. Я счелъ за нужное покуртизаниить сосѣдкѣ и отправилъ одинъ календарь въ особомъ пакетѣ и съ надписью; чрезъ нѣсколько времени получаю на цвѣтной бумажкѣ нѣсколько обязательныхъ словъ отъ ея племянницы; не думаю оставаться въ долгу, беру розовую бумажку и пишу къ племянницѣ полумадригальнымъ слогомъ; опять на эту записку мою получаю умный отвѣтъ, отъ племянницы и на бумажкѣ уже украшенной рисуночкомъ разписанномъ красками. Не желая отставать въ любезностяхъ, я вновь отвѣтствовалъ ей записочкою, но на этотъ разъ выбралъ самый миньютюрный форматъ бумаги голубаго цвѣта, обведенный бахрамою въ родѣ узора, и написалъ ей нѣсколько остротъ по моему мнѣнію исполненныхъ аттической соли. На эту записку отвѣта не было, но въ продолженіе дня вниманіе мое преслѣдовало умную племянницу. За обѣдомъ понравился мнѣ пуддингъ, и я поспѣшилъ къ ней отправить: за чаемъ подали мнѣ свѣжихъ и вкусныхъ сухарей и кренделей, только что испеченныхъ, и вотъ человѣкъ опять полетѣлъ съ вкусною ношею къ умной молодой сосѣдкѣ. На этотъ разъ сосѣдка и меня отплатила за приношенія: она прислала мнѣ половину бріошу также свѣжей и только что испеченной. Впрочемъ, всѣ эти продѣлки невинны и разсѣяли лишь меня, пріятнымъ образомъ, въ моемъ уединеніи. Вмѣстѣ съ календарями я получилъ неожиданную бумагу отъ здѣшняго губернатора. Дѣло состоитъ въ томъ, что жена Шмидтова подала своему

консулу, то есть, Саксонскому, проживающему въ Одессу, просьбу, въ которой просить, чтобы онъ указалъ ей инстанцію, куда отнести съ требованіемъ о разводѣ ея съ мужемъ. болѣе десятка лѣтъ ея оставившимъ. Консулъ препроводилъ эту бумагу къ исправляющему должность военнаго генераль-губернатора Одесскаго, Ѳедорову, а тотъ предписалъ о томъ нашему губернатору, который, не знаю по чему, избралъ меня посредникомъ сего дѣла. Губернаторъ по этому предмету соблюлъ все вниманіе къ особѣ князя; онъ мнѣ писалъ, что онъ не счелъ за нужное общимъ полицейскимъ порядкомъ дѣйствовать, но что предоставляетъ на мое усмотрѣніе отобрать отъ Шмидта показаніе, но съ тѣмъ, чтобы это не разстроило его и не повредило или, какъ выражено въ бумагѣ, не разсѣяло его въ должномъ вниманіи къ пользованію князя; и если вы замѣтите, пишетъ губернаторъ, что это разсѣетъ врача, то лучше пріостановитесь до болѣе удобнаго времени отобрать отъ лекаря Шмидта требуемый законный отзывъ. Посовѣтуясь съ женою, я послалъ за Шмидтомъ и тутъ же объявилъ ему волю начальства. Онъ встревожился, но благодарилъ правительство за деликатность производства и обѣщался доставить мнѣ отвѣтъ. Здѣсь мы имѣли случай вновь потолковать о болѣзни княжевой; онъ подтвердилъ мнѣ вчерашнія слова кн. Мещерскаго, прибавя, что когда князь началъ снова плевать мокротою и кровью, то тоска его уменьшилась, и онъ началъ спать по ночамъ. Это бы можно было вылечить, сказалъ онъ мнѣ. Тоска дѣлается у князя, когда бугорки нарывають, это производитъ въ немъ тоску и лихорадку, а когда они назрѣвши прорываются, то онъ съ удовольствіемъ даже отхаркиваетъ мокроту, и ему становится легче. Князь провелъ вчерашній и сегодняшній день хорошо; это видѣлъ я по бюллетенямъ ко мнѣ доставленнымъ. Кромѣ всего этого, я писалъ еще письма къ разнымъ особамъ: 1) къ Мѣдянику, Бериславскому почтъ-мейстеру, 2) къ губернскому Симферопольскому почтъ-мейстеру, оба письма были отвѣтами на ихъ поздравленія. 3) Письмо писалъ къ Англичанкѣ Саррѣ Биллеръ и послалъ ей требуемыя книжки о молитвѣ.

*

9-го Генваря.

Изъ разговора вчерашняго Варв. Петр. я упустилъ написать нѣкоторыя особенныя обстоятельства. () присылкѣ векселя въ Ялту и о взысканіи съ Анны Александр. денегъ, стало быть, извѣстно и въ домѣ князя. Козловскій предложилъ князю о нѣкоторыхъ облегченныхъ средствахъ въ пользу ея; можно пріостановить на время взысканіе, сказалъ онъ князю, чтобы дать ей сколько-нибудь справиться; посредство вашего имени ей много бы пособило и пр. Князь отвѣтствовалъ

Козловскому, пусть дѣло идетъ своимъ чередомъ и что онъ не хочетъ нисколько тутъ вмѣшиваться; пусть дѣлаютъ какъ знаютъ, что мнѣ до этого! Между тѣмъ, тотъ же князь при всякой оказіи спрашиваетъ о здоровьи Анны Александровны и въ ея утѣшеніе всегда говоритъ, что если ему хотя немножко будетъ полегче, то онъ непременно поѣдетъ къ ней, чтобы увидѣться. Мнѣ сдается, что сдѣланный имъ кому-нибудь визитъ высоко оцѣняется въ его внутреннемъ сознаніи. Кромѣ того, здѣшніе Татары немножко поторговывали на мѣстѣ ихъ жилищъ: кое-гдѣ подѣланы были лавочки: булки, крендели, баранина, яблоки и прочія мелочи, всѣмъ этимъ перебивали Татары къ явному удобству значительнаго класса проживающихъ здѣсь Русскихъ работниковъ или дворовыхъ людей по экономіямъ. Мясникъ Ялтскій, видно, подкупилъ земскую полицію, и она сжала эту невинную и напротивъ весьма благодѣтельную производительность въ селеніяхъ; теперь гдѣ взять бѣднымъ работникамъ и бѣднымъ дворовымъ семействамъ баранинки, дабы разговѣться на праздникъ? Неужели для грошевыхъ покупокъ отправляться нарочно въ Ялту, что взадъ и впередъ составитъ двадцать пять верстъ отсюда, а это и сдѣлано для того, чтобы все покупалось у Ялтскихъ торговцевъ. Когда князь Мещерскій отправлялся въ Симферополь, я счелъ за нужное поговорить о томъ съ Мещерскимъ, да и слухъ былъ, что и самые Татары хотѣли идти къ нему жаловаться. Князь Мещерскій очень добрый человѣкъ и охотникъ заступаться за бѣдныхъ людей; онъ сей часъ же мнѣ отозвался, что будетъ говорить о томъ въ Ялтѣ и даже не преминетъ извѣстить о томъ и самого Симферопольскаго губернатора. Если бъ графъ Воронцовъ здѣсь былъ, сказалъ мнѣ Мещерскій, то объ этомъ не посмѣли бы и подумать, не только сдѣлать. Видно, что Мещерскій говорилъ объ этомъ въ Ялтѣ, потому что Козловскій пересказывалъ князю объ этихъ слухахъ, говоря, что вашимъ именемъ усовѣщивали и стращали земскую полицію, чтобы она не смѣла впредъ того дѣлать и сняла бы запрещеніе столь невыгодное для обывателя. Князь, вотъ какъ отозвался Козловскому: непременно объявите въ Ялтѣ, что для меня все равно, какъ мѣстная полиція ни распоряжается и что напрасно вмѣшивать тутъ мое имя. Этотъ отзывъ показываетъ, что у князя обильныя средства доставать себѣ все нужное, есть деньги, есть Козловскіе, которыхъ посылать можно, есть мажары и послушные волы; но есть ли средства у другихъ, то это другое дѣло! Теперь перейдемъ къ сегодняшнему дню. У насъ хотя и была обѣдня, но я не былъ въ церкви, по причинѣ лѣности, сырости и мокроты. Въ каретѣ доѣхалъ я покойно до старца и какъ-то проговорился, что была у насъ обѣдня. А какъ же, возразилъ онъ, я хотѣлъ чтобъ вашъ священникъ у меня

въ церкви служилъ и нарочно для этого къ нему посылалъ, а мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Симферополь. Мой священникъ занемогъ и мнѣ непременно хотѣлось, чтобы вашъ непременно служилъ у меня. Охъ! Какъ это мнѣ противно, что меня обманываютъ; я не могу въ теперешнемъ моемъ положеніи терпѣть лжи. Лежавшая свернувшись на диванчикѣ Кологривая тотъ же часъ возразила: вѣрно нашъ дьячекъ, котораго мы посылали, былъ пьянъ и пр. И когда старецъ вышелъ изъ комнаты, Кологривая приторнымъ голосомъ начала мнѣ жаловаться: Вы, правду, Юр. Никит., говорили, что братъ мой проходить духовное очищеніе; повѣрьте, что болѣзнь и душевныя силы его поражаетъ, какъ тѣлесныя; онъ нынѣ никому не довѣряетъ, всѣхъ началъ подозрѣвать и пр. Я предложилъ князю присланный къ нему Одесскій календарь, какъ излишній, подарить Попову; у васъ есть одинъ, сказалъ я ему, и тутъ Кологр. пустила какъ бы ропотъ. Вѣдь у тебя, братецъ, одинъ только Одесскій календарь, а не то что ихъ нѣсколько. Когда у меня одинъ календарь, сказалъ братъ, такъ зачѣмъ же мнѣ имѣть другой? А потому, пожалуй подари Попову. Старецъ иногда ходилъ по комнатѣ, его водила дѣвица Мауреръ. Видно было, что въ немъ какая-то болѣзненность; но онъ не такъ много нынѣ жаловался. Когда водили его, онъ тутъ и приказывалъ читать и оказывалъ охотное вниманіе къ читаемому; но трудно было читать, во первыхъ темно отъ мрачной погоды и не ловко, особенно когда онъ ходилъ. Князь самъ меня торопилъ, чтобъ я ѣхалъ, дабы не опоздала Муравьева къ обѣду, и я охотно влѣзъ въ уютную карету и благополучно допелся до моей мирной хаты. Здѣсь ожидалъ меня пріѣхавшій изъ Ялты мой Иванъ и привезшій мнѣ толстый пакетъ, въ которомъ заключалось множество писемъ. 1) Изъ Симферополя отъ Жегочева. 2) Оттуда же, отъ Якова Шишмана, это отъ прикащика Іезекилева. 3) Отъ Симферопольскаго губернскаго почтмейстера. 4) Изъ Херсона, отъ тамошняго протоіерея Перепелицына. 5) Изъ Петербурга, отъ вдовы Дружининой. 6) Изъ Петербурга же, отъ протоіерея нашей Почтамтской церкви Іерофеева. 7) Изъ Костромы, отъ бывшаго моего духовнаго отца, священника Малиновскаго. 8) Изъ Новочеркасска, отъ тамошняго губернскаго почтмейстера Голубинскаго. 9) расписка въ уплатѣ долга прикащику Фекерману и 10) письмо отъ книгопродавца Гауера изъ Петербурга. Мнѣ некогда было прочитать всѣхъ этихъ писемъ, и я оставилъ разсмотрѣніе оныхъ до другаго удобнаго времени. Когда же человѣкъ мой сказалъ, что осталась на почтѣ посылка, которую онъ не могъ взять съ собою, то я весь день заботился и ожидалъ ея съ нетерпѣніемъ. Ялтскій почтмейстеръ сказалъ ему, что онъ не замедлитъ ее выслать при первой встрѣтившейся окка-

зи. Когда прогремѣть колокольчикъ, нетерпѣніе мое отъ того возростало. ибо я видѣлъ изъ письма книгопродавца Гауера, что въ числѣ высылаемыхъ книгъ находилась и та книга, которую я съ самой весны задумалъ имѣть: Эммануилъ, или Богъ съ нами. Я подготовлялъ и сегодня почту, сообразилъ и написалъ письмо къ книгопродавцу Исакову; написалъ второе и пространное письмо доброму моему Московскому знакомцу Петру Михайловичу Рудину и приложилъ къ письму книжку о молитвѣ въ благодарность за его календарь. Вечеромъ началась буря, которая въ скоромъ послѣдствіи обратилась въ яростный ураганъ: дождь, снѣгъ, градъ всего, кажется, было. Право, мнѣ казалось, что будто что-то въ домѣ дрожало. Изъ Симферополя прислали рыжичковъ, которыхъ мы всѣ вечеромъ нежножко попробовали.

*

10-го Генваря.

Въ числѣ писемъ, написанныхъ мною въ Субботу, я составилъ письмо къ брату моему Всеволоду Никитичу, въ которомъ и Катя участвовала; я старался, чтобы въ письмѣ моемъ изобразилась или, лучше сказать, отразилась та теплота, которая наполняла меня, когда я писалъ письмо, отправленное вчера съ послѣднею почтою. Жалѣю только, что долго письмо мое не дойдетъ до него.

Сегодняшній совершенно зимній вѣтеръ врывается порывами, то поидетъ градъ, то дождикъ, то туманъ. Я просилъ набрать мнѣ Крымскихъ градинъ, которыя были ослѣпительной бѣлизны; я долго держалъ на ладони, никакъ не таютъ: велѣлъ набрать цѣлый стаканъ; когда поѣхалъ къ князю (по Понедѣльникамъ я всегда ѣзжу), то счелъ за нужное надѣть на себя энотовую шубу, которую доселѣ ни разу не надѣвалъ въ Крыму. Возвращаясь отъ князя, я сказалъ кучеру: теперь судьба моя въ твоихъ рукахъ; мнѣ приходило на мысль, что бы вѣтеръ не уронилъ кареты и лошадей въ пропасть, такъ сильны были его порывы. Однако благополучно и еще засвѣтло возвратился домой. Когда поутру сидѣлъ я и грѣлся у своей желѣзной печки, принесли мнѣ такъ нетерпѣливо ожидаемую мною посылку съ книгами: Варинька сейчасъ же мнѣ ее расшила; тамъ были продолженія большаго сочиненія подъ названіемъ: Живописная Вселенная, но чему болѣе я обрадовался, то это двумъ присланнымъ книгамъ: 8 тому Отцовъ Церкви и гдѣ помѣщено было защищеніе христіанской религіи противъ Цельса. написанное знаменитымъ Оригеномъ, съ которымъ я давно желалъ познакомиться, и наконецъ та книга, о которой недѣвно упоминалъ: Эммануилъ или Богъ съ нами. Я сей часъ же принялся ее читать и не могъ тогда же не замѣтить, что это сокровище для мышленія. Сгнѣ

души моей, сгибъ всегдашній помышлять о Богѣ; но мои помышленія были попытки филина, елибѣ онъ задумалъ смотрѣть на свѣтъ Божій. Эта книга въ состояніи распространить, усилить и развить умственное око души моей. Доселѣ Бога я уловлялъ только въ пространствѣ и времени и, разумѣется, изнеможеніе человѣческое и величіе уничтожали и погружали въ одну только тварность, бесплодную и изсушающую. Но послѣ мы будемъ говорить объ этой книгѣ, когда поболѣе ее прочитаемъ. Теперь поѣдемъ къ князю, и вотъ пріѣхали. Князь спалъ ночь хорошо, но чувствовалъ себя въ какомъ-то болѣзненномъ изнеможеніи; онъ не находилъ себѣ мѣста, то заставлялъ вести себя по комнатѣ, то перемѣнялъ мѣсто своего сидѣнія, то вставалъ съ мѣста, словомъ, не зналъ, что ему предпринять; никогда еще я не видывалъ его такъ страждующимъ, какъ въ этотъ разъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, я сказалъ Кологривой: Вотъ плоды леченія княгини Голицыной и ея сомнамбулы, ихъ эмпирическія средства, прикадываемые и отнимаемые фонтанели, ихъ спирты слишкомъ во 100 градусовъ (которые, однако, не пошли въ дѣло), ихъ порошки, можетъ быть, предрасположили эту болѣзнь въ князѣ. Со временемъ не скроется это отъ тѣхъ, кому слѣдуетъ знать и унимать этихъ офанатизованныхъ шарлатановъ. Это еще ничего, отвѣчала мнѣ Кологривая, хуже дѣлала съ нимъ Турчанинова, которая семь или восемь лѣтъ держала въ полной своей зависимости брата моего и дѣлала его слѣпымъ своимъ орудіемъ. Братъ мой былъ государственный человѣкъ и съ вѣсомъ, а потому и нужно развивать въ немъ эту извѣстную его страсть ко всему чудесному для того, чтобы онъ влияніемъ своимъ благополучно разрѣшалъ и оканчивалъ тяжбы и дѣла Всеволодскаго, чтобы способствовалъ выпуску крѣпостныхъ его людей на волю и пр. Я молчалъ и слушалъ. За обѣдомъ князь вышелъ; у него даже отвращеніе къ пищѣ; остались мы только четверо: я съ Козловскимъ и Кологривая съ Мауреръ. Не знаю, что мнѣ вздумалось дать совѣтъ Козловскому, чтобы онъ болѣе не принималъ испорченнаго и тухлаго масла изъ трески, которое ему прописалъ Арендъ и съ чего рветъ его по цѣлымъ ночамъ. Кажется, что Козловскій отозвался мнѣ, что чувствуетъ себя очень больнымъ, потому-то я и далъ ему этотъ совѣтъ. съ которымъ онъ тогда же охотно согласился, какъ вдругъ Кологривая на меня гикнула и запрещала мнѣ давать совѣты, основанные. по ея мнѣнію, на одной лишь фантазіи; вы невѣжда въ этомъ, сказала она, и при томъ голосомъ грубымъ и означающимъ желаніе оскорбить меня. Признаться, я не могъ и самъ выдержать и самъ началъ съ нею перестрѣливаться, наблюдая приличіе, но съ ироніею, не безъ сарказмовъ.

*

11-го Генваря.

Мнѣ не идти сегодня къ князю. Я радъ остаться дома, не смотря что холодно въ моемъ кабинетѣ. Я придвинулся къ желѣзной печкѣ и грѣюсь, какъ могу; на дворѣ стужа и вѣтеръ; послѣдній навѣялъ на мою душу грусть и унылость. Я разбиралъ присланныя мнѣ тетрадки и любовался картинками; изъ Парижскаго Обозрѣнія читалъ помѣщенную въ ономъ повѣсть Александра Дюмаса: Альбину: но болѣе всего услаждался Эммануиломъ. Понятія о будущей жизни сладко и желанно врѣзывались въ душу мою. О! какъ бы и мнѣ хотѣлось приблизиться къ Богу; теперь, какъ бы въ мерцаніи я началъ постигать, что я живу въ мірѣ символовъ; идеи мои о самомъ Богѣ начинаютъ послѣ чтенія сей книги расширяться; не знаю, что будетъ далѣе. Приходилъ ко мнѣ прощаться отецъ Андрей Накропинъ; онъ былъ у князя, но Кологривая не допустила его повидаться съ старцемъ; моя догадка оправдалась: отецъ протоіерей не пришелъ служить въ прошлое воскресенье въ князевой церкви, то это причиною Кологривая, которая вовсе и не посылала за священникомъ и не давала о томъ ему знать. а сказала брату совсѣмъ другое и все опрокинула на дьячка, который напившись все перевралъ.

*

13-го Генваря.

За мною долго сегодня не присылали отъ князя, между тѣмъ какъ онъ вчера очень озаботился видѣть меня въ опредѣленное на то время; даже самое чтеніе Эммануила ему понравилось. Но вотъ наступило то время, когда экипажу надлежало пріѣхать, и его нѣтъ; я не зналъ на что подумать; въ меня воплотилась мысль, что Кологривая нарочно какъ нибудь сдѣлала, чтобы не допустить меня прочитать ту книгу брату ея, которая могла многое развязать въ душѣ его и усладить эту душу пораженную болѣзнію и еще хуже того повапленную тиранніею сестры его. Во мнѣ развилась эта горькая мысль въ ея безотрадномъ пространствѣ. Я ходилъ скорыми шагами по комнатѣ и страдалъ глубоко; это было, можетъ быть, и психическое дѣйствіе отъ врага. Но наконецъ лошади пришли, и я въ мнительности своей напрасно подозрѣвалъ Кологривую; все эта остановка вышла отъ того, что лошадей не было дома, а въ кузницѣ, куда отправлены были для подкованія. И послѣ я узналъ, что и самъ князь нетерпѣливо ожидалъ возвращенія лошадей и три раза посылалъ, чтобы скорѣе ихъ закладывали. Я продолжалъ чтеніе князю, но онъ страдалъ отъ болѣзни, вставалъ, ходилъ, выпрямлялся; для полезнаго выслушиванія чтимага нужно было нѣкоторое напряженіе; врядъ-ли онъ могъ имѣть эту степень вни-

манія. Эти книги долго нельзя читать, сказалъ онъ мнѣ. но повидимому былъ доволенъ. Отъ него я отправился пѣшкомъ; совершенно наша сѣверная зима, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Я покоенъ возвратился домой: нынѣшній день Кологривая не обижала меня. Въ продолженіе остатка дня у меня развивалось какое-то религиозное чувство и когда я легъ спать, то помысль навелъ меня на возможность близкой кончины. Этотъ страшный моментъ сильно и ясно мнѣ представился; два раза онъ мнѣ представился съ отмѣнною ясностію. Я трепеталъ. но благодарилъ Бога, считая мысль эту за величайшую для себя милость. Ничего нѣтъ полезнѣе для неостывшаго сладострастія, какъ питать идею скорой и внезапной кончины. Довольно не могу возблагодарить Господа; пусть эти мысли, какъ желанныя гости, часто прилетаютъ въ домъ души моей, въ этотъ вертепъ явнаго и тайнаго омерзенія.

*

14-го Генваря.

По утру приходилъ ко мнѣ лѣкарь Шмидтъ и принесъ требуемыя губернаторомъ Симферопольскимъ бумаги. Цѣлый день я не выходилъ изъ дома и началъ читать важнѣйшій трактатъ объ изысканіяхъ истины знаменитаго Мальбранша. Вечеромъ писалъ письма къ книгопродавцу Гауеру съ приложеніемъ денегъ. Съ увлеченіемъ читалъ разсужденія г-жи Гюйонъ. Я былъ въ набожномъ настроеніи духа и нѣсколько чувствовалъ, что въ Богѣ мы и движемся и есьмы.

*

15-го Генваря.

День прекраснѣйшій. Солнце свѣтитъ и отчасти согрѣваетъ, но снѣга еще много. Я собирался пописать письма, но вдругъ приходитъ княгиня Мещерская и потомъ Муравьева. Завязывается разговоръ жаркій, разумѣется, о Кологривой. Муравьева со слезами жаловалась на новыя какія-то притѣсненія, только что недавно полученныя отъ Кологривой. Мещерская была родъ мирнаго судьи, предъ которою мы по очереди съ Муравьевою предъявляли свои обиды. Чувствую, что я играю здѣсь постыдную и смѣшную роль, но нечего дѣлать.

Съ почты получилъ одно письмо отъ Жегочева, гдѣ онъ описываетъ одну прекрасную черту Таврическаго губернатора *). Сборъ или приношеніе откупщика, которымъ обыкновенно всѣ губернаторы пользуются, онъ обращаетъ въ пользу города.

Дмитр. Иванов. Поповъ обѣдалъ у меня и долгонько посидѣлъ. Мы съ нимъ имѣли пріятную бесѣду. При немъ случилось траги-

*) А. И. Казначеевъ. П. Б.

комическое происшествіе. Катя моя припасла, было, для себя теляночка, котораго откармливали; она заранѣе радовалась, что покормить меня хорошо и подслужиться и сосѣдямъ своимъ, такой же милой братіи, какъ и мы; не тутъ-то было. Кологривая, въ лицѣ долговязаго своего любимца Федота, посягнула на этаго телянка. Катя моя осердившись требовала отъ нея хотя половину его; не тутъ-го было, она сослалась, по обыкновенію, на братца, который будто половину эту скушалъ и проч. И досадно и смѣшно. Варв. Петр. возвратилась отъ князя съ какимъ-то негодованіемъ, готовая плакать отъ того, что Марья Владимировна начала старцу читать. Князь спрашивалъ ее, какъ я угощалъ Муравьеву, хотя прошло этому нѣсколько дней, и онъ со мною видался. Въ разговорѣ съ княземъ о Муравьевой, Варв. Петр. поспѣшила сказать старцу, что она ея не вкушаетъ; это слово заставило прочитать меня долгую ей рацею, которая замѣтно было, что ей не понравилось. Все что-то сомнительно; отзываться такимъ образомъ предъ княземъ о Муравьевой значило взойти въ новую стачку съ Кологривою.

*

19-го Генваря.

Вчера я написалъ письмо къ товарищу министра князю Ширинскому-Шихматову и, поздравляя его съ пожалованіемъ сенаторскаго достоинства, вмѣстѣ просилъ о Кологривскомъ моемъ Сирияѣ. Сегодня день ясный и теплый, похожій, какъ бываютъ въ Петербургѣ въ Малѣ мѣсяцѣ. Князь самъ заѣхалъ за мною. Дорогою я разсказалъ ему, какъ добрый князь Мещерскій выхлопоталъ у губернатора, чтобы уничтожили стѣснительную мѣру, изобрѣтенную любостязаніемъ, въ слѣдствіе которой запрещена здѣсь всякая мелочная продажа. Я сказалъ, что лавочки вновь открыты. Князь былъ тѣмъ доволенъ, а прежде онъ былъ недоволенъ, когда Козловскій сдѣлалъ ему превратное объ этомъ же дѣлѣ донесеніе. Я читалъ князю извѣстную книгу, которой, по словамъ Кологривой, съ нетерпѣніемъ ожидала дѣвица Мауреръ. Но я скоро долженъ былъ прекратить чтеніе, потому что пришла къ князю княгиня Мещерская съ тремя своими воспитанницами, и завязался разговоръ для меня не интересный; я, поговоривши кое о чѣмъ съ дѣвицами, тотъ-же разъ отправился домой. Послѣ обѣда я пошелъ навѣстить Дмитр. Иванов. и поблагодарить его за написанную имъ прекрасную статью въ моемъ альбомѣ; онъ отвѣтствовалъ мнѣ пословицею: извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; сурово не бѣлье, свое рукодѣлье. Здѣсь мы много потолковали о своихъ обстоятельствахъ: досталось и Кологривой. Анна Александр. не совѣтуетъ мнѣ подавать просьбу въ отставку прежде чѣмъ не напишутъ мнѣ изъ Петербурга;

видно она хочетъ и надѣется поговорить въ мою пользу; а то, пожалуй, и отставку мою замараютъ. Поутру, при здорованьи, я поговорилъ съ Варвар. Петровною о неприличіи ея поведенія съ Кологривой и о томъ отзывѣ, который сдѣлала она князю о Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Варв. Петр. насупилась, огорчилась, начала плакать; въ продолженіе дня я старался утѣшать ее сколько могъ, но врядъ ли успѣлъ уничтожить въ ней идею моей, такъ называемой, несправедливости.

*

20-го Генваря.

День порядочный, старецъ самъ за мною заѣхалъ, онъ сегодня катался и заѣзжалъ къ Аннѣ Александровнѣ. Вѣра Алексѣевна отправила туда же свою племянницу и ввечеру поспѣшила съ нею же къ Аннѣ Александровнѣ, вѣроятно интересуясь узнать, не говорила ли она чего съ княземъ. Я довольно рано пріѣхалъ къ князю и успѣлъ ему почитать, по обыкновенію у него обѣдалъ и послѣ стола въ свое урочное время около пяти часовъ по полудни собирався ѣхать, какъ Кологривая возгласила: можно бы и остаться; я возразилъ ей, что солнце уже закатывается. Нынѣ дни, сказала она, не Декабрьскіе и проч. явно, что она наводитъ князя на ту мысль, что торопясь, такимъ образомъ, возвращаться домой, я прискучилъ, такъ сказать, бесѣдою старца. Постоянныя враждебныя ея продѣлки со мною наполнили душу мою въ остатокъ дня уныніемъ. Скучно встрѣчать и недоброжелательное лице и, болѣе того, недоброжелательныя дѣйствія. Князь, при моемъ отходѣ, сказалъ мнѣ: „при захожденіи солнца и вы закатываетесь“. Вотъ стебельки отъ косвенныхъ внушеній Кологривой.

*

21-го Генваря.

Нынѣшній день весь провелъ дома; я, обыкновенно по Пятницамъ и Субботамъ остаюсь дома. Утромъ, мнѣ удалось почитать философа Малебранша, я немножко далѣе подвинулся; изучаю статью его о заблужденіи чувствъ. Вотъ пріѣхалъ и кн. Менцерскій и посѣтилъ меня: я рассказалъ ему мою невзгону, а онъ пересказалъ мнѣ о великихъ неудобствахъ дороги; онъ еще первый и только вчера проѣхалъ по дорогѣ въ экипажѣ, а до того, почтальоны отправлялись верхомъ и часто принуждены были продиаться сквозь такіе снѣга, которые имѣли двѣ сажени въ вышину, разумѣется, наносные; одинъ, такимъ образомъ, чуть, было, не отморозилъ себѣ носъ: въ Алуштѣ ставили ноги этаго почтальона въ холодную воду.

Менцерскій порадовалъ меня, сказавъ объ одержанной нами побѣдѣ надъ Горскими народами; какой-то генералъ Фрейтагъ отличился и

напалъ на Черкесъ нечаянно: онъ освободилъ генерала Гурка и положилъ на мѣстѣ до 2000 человекъ. Ужъ этотъ Фрейтагъ не тотъ-ли самый, который въ чинѣ подполковника былъ моимъ начальникомъ, когда я въ 1811 и началъ 812 года служить въ 35 батареинной ротѣ? Муравьева вечеромъ прислала мнѣ сказать, что князю очень дурно и что онъ въ продолженіе дня не зналъ, гдѣ найти себѣ мѣсто, и это все отъ тоски и отъ невозможности дышать свободно. Никогда еще онъ такъ не былъ боленъ, а началось это страданіе съ 7 часовъ вчерашняго дня; я же оставилъ, по видимому, здоровымъ. Сей часъ же я послалъ и къ Шмидту, и тотъ тоже мнѣ подтвердилъ. Эти извѣстія произвели во мнѣ большое смущеніе.

*

22-го Генваря.

Отъ нечего дѣлать я пустился писать о Буддизмѣ и сочинилъ родъ маленькой диссертации въ видѣ письма, которое намѣреваюсь отправить къ совѣтнику Славинскому въ Симферополь, приславшему мнѣ въ подарокъ превосходную карту Кавказа. Къ письму прилагаю и бронзоваго идола изображающаго, кажется, Шигемунія; внутри идола герметически заложена таинственная молитва Буддѣ, чрезъ которую входятъ въ созерцаніе.

*

23-го Генваря.

Князь самъ заѣхалъ за мною. Еще до чтенія пришли къ князю Мещерскій со своею женою и всѣмъ штатомъ. И вотъ къ крайнему моему удивленію Мещерская обращается ко мнѣ и говоритъ: вы настоящее золото въ брускахъ; честность вапа, прямота и благородство всѣмъ извѣстны. Старикъ князь сказалъ мнѣ: благодари, Юр. Никит., княгиню. Изумленный отъ такой нечаянной похвалы, я могъ только вымолвить, что за подобное мнѣніе благодарятъ и самими дѣйствіями и что я очень желалъ оправдать слова княгини. Потомъ перешла княгиня къ общей матеріи и, адресуясь къ князю, хвалила его, что онъ въ людяхъ не примѣчая зла, видитъ одно лишь добро; что она желала-бы перенять у него такую высокую добродѣтель. Потомъ разпространилась о злобѣ и хитрости людской, словомъ, прочитала намъ лекцію, что злоба рано или поздно получить свое возмездіе. Кологривая примѣшалась къ разговору и обновляла его своими замѣчаніями, безъ всякаго смущенія, въ совершенномъ просторѣ. На вопросъ, сдѣланный Мещерской, та отвѣтствовала, что обстоятельно сего-дня писала къ сестрѣ своей Татьянѣ Борисовнѣ.

Удивляясь и недоумѣвая, что это бы все значило, я принялся за чтеніе, замѣтивъ однако, что самъ Мещерскій помаленьку и безъ

шума убрался изъ комнаты. Чтеніе было очень любопытно и всѣхъ присутствующихъ интересовало. Потомъ я возвратился домой и встрѣтилъ на дорогѣ Мещерскую, которая меня остановила. Каково я говорила сего-дня? сказала она мнѣ. Разумѣется я похвалилъ, и тутъ-то и узналъ, что всѣ эти перуны обращены были на Кологривую, которая на дняхъ какъ-то тронула мужа княгини. Я не могу вытерпѣть, говорила Мещерская, чтобъ оскорбляли моего мужа; я никогда этого не позволю и пр. Такимъ образомъ открылось новое звѣно затрудненій; не знаю, какъ выпутается Кологривая извѣстно, что она готова щадить Мещерскую и что трусить ее много, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

*

24-го Генваря.

Князь самъ заѣзжалъ за мною, но мнѣ нельзя было тогда ѣхать, ибо я умывался. Вскорѣ пришелъ ко мнѣ Ялтинскій докторъ Зеленкевичъ и успѣлъ сказать мнѣ, что онъ писалъ къ правителю канцеляріи письмо, гдѣ увѣдомлялъ его, какъ здѣсь Козловскій похвалялся копіею, якобы полученно изъ Симферополя того донесенія, которое послалъ Зеленкевичъ къ губернатору. Онъ просилъ правителя довести о семъ до свѣдѣнія губернатора. Вотъ я пріѣхалъ къ старцу: въ продолженіе всего времени онъ крѣпко страдалъ, и я не могъ видѣть его страданій: очень тяжело смотрѣть, когда близкій и любезный человѣкъ такъ мучится; чтеніе наше часто прерывалось, ибо онъ вставалъ, съ трудомъ прохаживался. Лекаръ Шмидтъ успѣлъ мнѣ шепнуть по секрету, что опять послали за докторомъ Арендомъ. что князь становится очень слабъ и пр. Въ началѣ шестаго часа пріѣхала Муравьева со своею племянницею, и я съ нѣкоторымъ насиліемъ оторвался и уѣхалъ домой. Муравьева отправила свою племянницу вмѣстѣ со мною, которая и просидѣла у насъ цѣлый вечеръ. Мы все толковали о болѣзни князевоу, ибо видели видимое ея развитіе; вскорѣ послѣ того пошелъ дождь, и къ великому и радостному удивленію моему Муравьева присылаетъ мнѣ сказать, что князю съ семи часовъ вечера стало гораздо легче и все въ немъ успокоилось. Я замѣтилъ, бывши у князя, что, при входѣ обѣихъ дамъ, Козловскій не счелъ за нужное встать и поклониться. Послѣ уже Маша рассказала намъ, что она на обычную неучтивость Козловскаго жаловалась вчера князю, но только просила его, чтобъ не сказывать о томъ Козловскому. Маша Волоцкая пересказала намъ, что Козловскій посчитался и довольно грубо поговорилъ съ княз. Мещерскимъ, поэтому-то вчерашняя филиппика и состоялась. Предметъ спора князя Мещерскаго съ Козловскимъ былъ по предмету отнятіе ружья нашимъ управителемъ у молодаго Клоца; вѣроятно Коло-

гривая взяла сторону Козловскаго, у котораго Клоцъ безсмѣннымъ клеветомъ.

*

25-го Генваря.

Князь самъ заѣзжалъ за Варинькою; мы выходили сами къ нему, то есть я и случившаяся на то время у насъ Марья Владимировна. Князь сказалъ, что онъ болѣе пяти часовъ спалъ ночью и очень покойно; цѣлый день также былъ очень покоенъ и даже никакихъ лекарствъ не принималъ. Сего-дня мы съ женою получили новое нападеніе отъ Кологривой, и это нападеніе тѣмъ наглѣе, чѣмъ оно было неожиданнѣе. Мы, на этотъ разъ, опять присмотрѣли молодаго теленка и чтобы Кологривая не перехватила его у насъ, какъ это случилось недавно, то дали задатку. И вотъ вдругъ приходитъ дѣвочка съ задаткомъ, который нѣсколько уже дней тому какъ получила мать ея, и рассказываетъ, что у нихъ покупаютъ теленка другіе, вмѣстѣ съ этимъ возвращаетъ и задатокъ. Я не велѣлъ однако пришедшему извѣстить о семъ слугѣ брать задатка, а сходить къ матери дѣвочки и узнать что это значитъ и кто тѣ люди, которые отымаютъ у насъ такимъ образомъ нашего теленка. Слуга, ушедшій справляться, встрѣтилъ на дорогѣ нашего теленка, котораго одинъ изъ лакеевъ Кологривой тащилъ на плечахъ своихъ; человекъ остановилъ и воротилъ носильщика и съ теленкомъ къ продавшей намъ его женщинѣ, но я не захотѣлъ плодить дразговъ, хотя и стоило бы это Алжирское покушеніе, чтобы унять эту, можно сказать, негодную Кологривую, которая этимъ поступкомъ даже соблазнила людей моихъ. Катя хотѣла писать къ ней грозную записку, но симъ мы бы дали только ей еще новую надъ собою поверхность, и я отсовѣтовалъ ей писать.—Вечеромъ прислали за мною тресикль Меццерскіе, и запряженную въ немъ лошадь конвоировалъ нарочный ѣздовъ. Вечеромъ просидѣлъ я у княгини, которую посѣтила при мнѣ и Муравьева съ племянницею. Здѣсь-то я узналъ настоящее ядро досады княгини на Кологривую. Дѣвица Мауреръ пересказала ей рѣчи, лично переданныя Кологривою, на счетъ ея мужа. Она такія неистовства и мерзости рассказывала мнѣ про вашего мужа, говорила Мауреръ, что я, внутренно слушая, назвала ее *bête venimeuse* (ядовитая гадина). Княгиня очень обидѣлась и тѣмъ, что услышала отъ дѣвицы Мауреръ и тѣмъ, что она смѣла ей говорить объ этомъ. Въ слѣдствіе этого и была филиппика. Княгиня сгоряча написала было сестрѣ своей письмо (Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной), но послѣ одумавшись изорвала и вмѣсто прежняго подробнаго письма отправила уже коротенькое, сказавши однако ей, что она изорвала прежнее. Здѣсь былъ нескончаемый и долгій разговоръ о разныхъ относительныхъ нападкахъ, нами испы-

тываемыхъ. Муравьева жаловалась на грубости Кологривой и Козловскаго, княгиня претендовала за мужа, я горячился, что изъ подъ нашего носа отняла таже Кологривая теленка. Долго-бы эта траги-комедія продолжалась, еслибъ я не отправился во свояси, на томъ же тресиклѣ; но лошадь мою сопровождалъ на сей разъ камердинеръ князевъ, потому что прежній слуга или берейторъ такъ напился, что, сопровождая нѣсколько тому времени назадъ Муравьеву, вывалилъ ее куда-то въ ровъ.—Здѣсь я узналъ, что Кологривая пять тысячъ рублей должна Власенкову, и это безъ вѣдома князя, также что она и Александръ Петровнѣ не заплатила долгу; этаго тоже князь не знаетъ. Мещерская просила меня, чтобы я былъ поосторожнѣе при Варв. Петровнѣ, которую Кологривая задобриваетъ подарками. Возвратившаяся Варв. Петр. рассказывала, что Кологрив. въ слухъ роптала, разумѣется безъ князя, что всѣ ея не любятъ, но что и она всѣхъ не любитъ, а только по нуждѣ и необходимости должна видѣться съ этими людьми и проч.; отпускала и на мой счетъ кое-какіе обиняки; а Вѣру Алексѣев. трактуетъ обидно и нагло въ глаза ей смѣется. Когда она хотѣла поводить князя, то Кологривая въ слухъ сказала: не нужно опираться брату моему на ваши прелести. Козловскій и дѣвица Мауреръ явно и нагло смѣются надъ нею, а дѣвица Мауреръ со слезами объясняла Муравьевой, что она въ ложномъ положеніи и что она видитъ, что на нее кн. Мещерская сердится, она отъ того въ отчаяніи, потому что домъ Мещерскихъ всегда ей благодѣтельствовалъ.

Погода сдѣлалась теплая и отчасти свѣтлая; ночь была превосходная, когда я ѣхалъ. Благодареніе Богу! Не смотря на волненія, душа моя отчасти покойна. Тонкое, едва уловимое чувство мира навѣваетъ на меня надежду и ободреніе. Богу благодареніе! Какъ-бы только не прогнѣвать Его? Не фарисейство ли даже гнѣздится въ душѣ моей?

*

26-го Генваря.

Князь самъ за мною заѣхалъ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился къ нему. Пріѣхавши князь объявилъ мнѣ, что онъ хочетъ со мною поговорить на единѣ. Онъ сей часъ-же выслалъ изъ покоевъ и сестру свою и дѣвицу Мауреръ. Вынь изъ стола книгу, сказалъ мнѣ князь, замѣченное мѣсто. Я вынялъ книгу, помнится подъ заглавіемъ Забавы моего уединенія въ селѣ Богословскомъ, сочин. князя Гагарина. Тутъ я напелъ замѣченное мѣсто о душѣ и сталъ ему читать. Какъ ты объ этомъ думаешь? спросилъ меня князь; я, слушая эту книгу, нарочно замѣтилъ это мѣсто, чтобы прочитатъ тебѣ и спросить твоего мнѣнія. Здѣсь говорилось о душѣ (въ статьѣ: Сонъ неспящаго человѣка), что она порожденіе Бога и..... что душа, прежде чѣмъ оживотворила тѣло,

была въ эдемѣ сладости; здѣсь намекалось о какомъ-то довременномъ паденіи и проч. Я сказалъ князю, что этѣ мысли намахиваютъ, такъ сказать, на Оригеново ученіе и пр. и что предполагать все возможно, что впрочемъ Оригеновы мысли мнѣ всегда нравились. Князь, не смотря на болѣзнь свою, очень любезенъ; изящное отзывается очень живо еще въ его сердцѣ. Въ прошедшій Понедѣльникъ я прочиталъ ему новую басню Крылова, напечатанную въ Сѣверной Пчелѣ. Онъ очень смѣялся и даже радовался, что такъ мѣтко выражена черта Русскаго духа. Я предполагалъ Кологривую найти сего-дня гораздо къ себѣ мягче и разговорчивѣе, чѣмъ точно и случилось. Она, какъ кошка, которая еще дерзновеннѣе лѣзетъ ласкаться къ хозяину, послѣ когда что нибудь напакостила, то есть скупала прибранныя яички или неосторожную птичку, которую вытащила изъ клѣтки; такъ и Кологривая, утащивши у насъ купленнаго теленка, смѣло ко мнѣ ласкалась или, по крайней мѣрѣ, не дѣлала гнѣвнаго лица; разговоръ все вертѣлся о болѣзни братниной. Сегодняшнимъ чтеніемъ князь былъ очень доволенъ, дѣвица Мауреръ слушала съ жадностію, даже Кологривая была внимательна.

Странное дѣло! Меня извѣщаетъ племянница, что дворянское Костромское собраніе отказываетъ брату моему считаться сыномъ своего отца. Собраніе, въ слѣдствіе документовъ признавая отца моего принадлежащимъ къ древнѣйшему роду дворянства, въ тоже время старшимъ братьямъ моимъ и старшей сестрѣ не позволяетъ пользоваться правомъ отца, потому что не достаетъ метрическихъ свидѣтельствъ изъ Консисторіи о ихъ рожденіи. Брата больного это очень тревожитъ. Я полагаю, что этѣ недоразумѣнія должны кончиться маловажнымъ.

*

27-го Генваря.

Князь, въ слѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, что хотятъ снова отсрочить отпускъ Ванцетти до Августа мѣсяца, хочетъ новаго себѣ избрать окулиста и намѣревается спросить о томъ придворнаго врача Арента. Старцу хотѣлось бы, чтобы операція сдѣлана была весною нынѣшнею. Помогите ему Богъ въ его справедливомъ и живѣйшемъ желаніи! Смиреніе его видимо; когда я ему читалъ вчера исповѣдь князя Гагарина, то всѣ движенія христіанскаго самоукоренія, всю оцѣнку мірскаго величія и богатства, всю тщету такъ называемыхъ прелестей міра, словомъ въ чемъ упрекала себя проникнутая раскаяніемъ, горящая и любящая душа князя Гагарина*), старецъ съ видимыми знаками сокрушенія, все себѣ усвоивалъ.

*) Это князь Гаврилъ Павловичъ, отецъ извѣстнаго по своей романической женитбѣ на княжнѣ Лопухиной князя Павла Гавриловича. Онъ извѣстенъ также своими акаѣстами Іоанну Богослову, Дмитрію Ростовскому и Θεодотію Тотемскому. П. Б.

Анна Александр. Турчанинова написала превосходную статью въ моемъ альбомѣ; она внесла въ него нѣсколько мыслей изъ своего трактата, въ которомъ изложенъ весь взглядъ ея на человѣковъ и ихъ назначеніе.

*

29-го Генваря.

Благодареніе Богу, день былъ у меня тихъ и безпечаленъ, я весь его провелъ въ назидательномъ чтеніи. Утро началъ читать *Méditations Religieuses*, потомъ принялся за изысканія истины Малекбранша. Авторъ трудный для непривычныхъ; метафизика отвлеченна, надлежитъ имѣть постоянно напряженное вниманіе, что я и старался выполнять при чтеніи. Сознаюсь, что многихъ мѣстъ еще не такъ чисто понимаю, но я поприневолилъ себя и прочиталъ много. Потомъ принялся за г-жу Гюйонъ и этой опытной наставительницы немало прочиталъ, что служило мнѣ вмѣсто отдыха. Остатокъ вечера употребилъ на чтеніе Оригена, т. е. его трактата, гдѣ онъ защищаетъ христіанство противъ Цельса. Я прочиталъ всю первую книгу безъ усталости и не безъ удовольствія. Я очень доволенъ, что могу познакомиться съ Оригеномъ, котораго всегда читалъ и уважалъ.

*

30-го Генваря.

Сегодня день прекрасный, и я по обыкновенію пошелъ къ своему князю пѣшкомъ, не дожидаясь присылки; князь встрѣтился со мною на дорогѣ; камердинеръ его Семенъ сидитъ съ нимъ рядомъ, курить сигару и не кланяется. Князь объявилъ мнѣ, что, зная, что завтра у меня семейный праздникъ, онъ приглашаетъ меня сего-дня у него обѣдать вмѣсто Понедѣльника, въ который день я обыкновенно у него обѣдаю. Я согласился. Не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтился со слугою князя, который посланъ ко мнѣ съ тѣмъ же предложеніемъ отъ сестры. Такимъ образомъ, я безъ хозяина пришелъ въ домъ; Кологривая довольно ласково меня встрѣтила и заняла разговорами. Она рассказывала, что ея брату стало лучше и именно съ тѣхъ поръ, какъ Симферопольскій докторъ Арентъ перемѣнилъ лекарство и что вотъ два дня, какъ онъ началъ порядочно спать ночи, тоска почти прекратилась, дыханье стало посвободнѣе. Козловскаго не было на тотъ разъ, онъ уѣхалъ съ почтою въ Ялту, и мы мирно бесѣдовали; къ обѣду всѣ собрались. Все шло чинно и миролюбиво; большая часть стола отошла, подають телятину жареную. Признаться, я подумалъ и почувствовалъ въ себѣ движеніе гнѣва, однако внутренно помолился, и оно прошло, какъ вдругъ Кологривая начала говорить въ слухъ. Не сердитесь ли вы, Ю. Н., на меня за телятину? Съ этимъ ея словомъ все

негодованіе ко мнѣ возвратилось; но я, владѣя онымъ, успѣлъ только ей сказать, что она изъ обращенія моего нѣсколько дней могла замѣтить, что я вовсе не сержусь; но, увидавъ, что Ѳедотъ прислуживаетъ за столомъ, гнѣвъ сильно обуялъ меня, и я прибавилъ, что женѣ моей немножко досадно, что она перекупаетъ тѣ вещи, которыя мы хотимъ имѣть и особенно отдавъ уже за нихъ и задатокъ. Неправда, возразила, Кологривая, задатка не было дано. Вотъ тутъ уже я вспыхнулъ гнѣвомъ. Какъ не дано, примолвилъ я, мнѣ не изъ чего лгать. Мы при-торговали теленка, вы его тотъ же часъ перекупили; жена моя писала къ вамъ письмо, чтобы хотя половину намъ возвратили; вы отвѣчали, что это сдѣлано для брата и что уже все съѣдено и нечего возвратить. Не желая быть съ вами въ прикосновеніи, мы снова отыскивали теленка и на этотъ разъ дали задатокъ, какъ вдругъ приходитъ къ намъ дѣвочка и возвращаетъ задатокъ; я посылаю на мѣсто моего человѣка, чтобы узнать что дѣлается и кто отнимаетъ нашего теленка; еще человѣкъ мой не дошелъ до мѣста, какъ уже и встрѣтилъ вашихъ людей, которые несутъ принадлежащую намъ вещь къ вамъ. Признаюсь, я потому только ото всего отступился, что вы дѣлаете дѣла ваши именемъ брата, который ничего этаго не знаетъ, а то бы я и продавицу, и слугу вашего отправилъ бы въ Земскій Судъ. Вы поступаете по-алжирски, да и въ самомъ Алжирѣ врядъ ли такъ сдѣлають? Тутъ у Кологривой засверкали глаза, какъ у львицы, и въ припадкѣ досады она начала мнѣ говорить: вы этаго не смѣли бы сдѣлать и пр. Князь, терпѣливо выслушивая эту грязную филиппику, кротко замѣтилъ, что она ему прискучила, что во всякомъ случаѣ перекупать не годится и что она сама виновата, что накликала на себя этотъ споръ; знавши за собою подобный поступокъ, за чѣмъ было начинать объ этомъ разговоръ съ Юріемъ Никитичемъ?

Я наконецъ такъ разгорячился въ упрекахъ своихъ этой женщины, которая мало что худо поступаетъ, но еще хочетъ и мистифицировать меня, что даже не замѣчалъ, какъ Муравьева трогала ножомъ мою руку, равно какъ и дѣвица Мауреръ, чтобы заставить меня замолчать. Но кончилось ничѣмъ. Я просидѣлъ у князя довольно долго, и уже смерклось, какъ я пошелъ домой; старикъ Ѳедотъ меня провожалъ. Я заключу сего-днишнюю записку словомъ Кологривой: я всегда и у всякаго перекуплю, сказала она, стоитъ только дать нѣсколько рублей лишняго: изрядная логика, похожая на волкову, въ известной баснѣ о ягненокѣ.

*

31-го Генваря.

Сего-дня минуло двадцатипятилѣтіе моему супружеству благополучному и мирному. Благодареніе всемірному Творцу за Его непрерыв-

ныя благодѣянія, изъ коихъ одно изъ первыхъ, что я дожилъ до моей серебряной свадьбы. Сколькихъ уложили въ холодную могилу въ продолженіи сего времени? Гдѣ та фаланга родныхъ, знакомыхъ, друзей, которыхъ опознавало и любило сердце мое? Увы, все это сошло съ лица земли!

Гдѣ всѣ тѣ, что прежде насъ
Ходили по свѣту?
Отошли ль они къ Харону,
Въ Элизей или къ Плутону,
Только ихъ здѣсь нѣту.

Оставимъ размышленія и примемся описывать былевую сторону знаменитаго для меня дня. Я всталъ рано, помолился, какъ умѣлъ Богу, потомъ принялся читать Часы Благоговѣнія и окончилъ сего-дня шестой томъ сего творенія. Потомъ продолжалъ читать Малекбранша, котораго однако тускло еще понималось; можетъ быть, съ помощію Божіею и со временемъ онъ сдѣлается для меня доступнѣе; отвлеченныя истины какъ-то сперва худо понимаются и оцѣниваются моимъ сангвиническимъ объемомъ. Потомъ пошли мы къ обѣднѣ, которая нарочно была заказана; прослушавши обѣдню, мы отслужили и благодарный молебень. Въ церкви, кромѣ меня, жены и Вариньки, была только Ольга Карловна, Машенька Волоцкая и слуга Иванъ. Такое уединеніе еще болѣе располагало сердца наши излить предъ Господомъ наши благодарныя чувства. Оттуда я зашелъ къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ попросить ея къ себѣ отобѣдать, но она упрошенная Кологривую, что братецъ-дескать будетъ одинъ, отказалась, а хотѣла однако, какъ она выразилась, раздѣлиться и назначила сосѣду свою племянницу. Когда я съ нею толковалъ, вдругъ пришли сказать мнѣ, что старецъ князь ко мнѣ пріѣхалъ; я сей часъ же побѣжалъ отъ Муравьевой и засталъ князя у себя въ передней, гдѣ онъ и дожидался меня. Услышавши, что я пришелъ, князь сказалъ мнѣ: поди въ гостинную и стань рядомъ съ женою.

Я тотъ же разъ исполнилъ волю. Князь взялъ мою молодую жену и сталъ съ нею въ гостинной предъ образомъ. Тогда старецъ, подошедши къ намъ, сказалъ: Поздравляю васъ достигнувшихъ двадцатипятилѣтія брачной жизни вашей; я хочу увѣнчать васъ, и вмѣстѣ съ симъ словомъ надѣлъ самъ на наши головы вѣнокъ раздѣленный на двое. Вѣнокъ этотъ искусно сплетенный состоялъ изъ свѣжихъ вѣтвей лавра вѣчно зеленаго, померанцоваго дерева, на которомъ были и плоды, и изъ другихъ рѣдкихъ и благовонныхъ кустарныхъ растений. Въ этомъ вѣнкѣ, сказалъ князь, есть и плодъ, и васъ Господь благословлялъ въ бракѣ вашемъ, и у васъ былъ плодъ. Потомъ старецъ велѣлъ подать

образъ Пресвятыя Богоматери, который съ собою также привезъ и, благословляя насъ онымъ, сказалъ: Примите мое благословеніе вмѣстѣ съ желаніемъ вамъ всякаго счастья до самаго гроба вашего. Пусть жизньъ ваша окончится тихою, христіанскою кончиною, безболѣзненною и мирною и пусть отвѣтъ вашъ на страшномъ судѣ Христовомъ будетъ добрый и удовлетворительный. Послѣ этаго старецъ съ чувствомъ и съ навернувшимися слезами сказалъ намъ: теперь поцѣлуйте же меня оба, что мы и сдѣлали. Признаюсь, такого сюрприза пріятнаго и сладостнаго мы не ожидали; онъ исполнилъ сердца наши умиленіемъ и непритворною радостію. Принять отъ такого благодатнаго старца благословеніе всегда пріятно, но получить оное въ такую торжественную минуту жизни несказанно-сладостно. Старецъ просидѣлъ у насъ около часу и, прощаясь съ нами, сказалъ намъ: радъ бы я былъ, еслибъ могъ благословить васъ и въ день золотой вашей свадьбы; я бы благословилъ тогда васъ благословеніемъ Авраамовымъ, но въ этотъ день если вы будете живы, меня уже не будетъ на свѣтѣ..... Такъ мы простились. Пришла къ намъ поздравить и сосѣдка наша Вѣра Алексѣевна со своею племянницею, пришелъ и лекарь Шмидтъ, котораго я пригласилъ обѣдать. Изъ Ялты пріѣхалъ лекарь Зеленкевичъ. Ольга Карловна принесла намъ букетъ роскошныхъ цвѣтовъ, а Дмитрій Ивановичъ стаканъ съ позолотою. Обѣдъ былъ прекрасный: супъ съ маленькими пирожками, блюдо свѣжей осетрины (осетрину и форель прислали намъ отъ князя и что это отъ него, тому доказательствомъ, что, въ нынѣшній приходъ свой, онъ спросилъ насъ, получили ли мы рыбу), соусъ, котлеты съ сахарнымъ горошкомъ; жаркое жирная индѣйка, только что присланная намъ изъ Симферополя; вмѣсто пирожнаго прекрасный кремъ, беже и миндальное. Марья Владимировна принесла намъ отъ своей тетушки бисквиты перемѣшанные со сливочнымъ мороженымъ; хотя съ трудомъ, но достали мы и бутылку Шампанскаго, разумѣется, здѣшняго, но самаго однако лучшаго. За столомъ какая-то была торжественность, немножко схожая на водевильную; всѣ были веселы, кромѣ доктора Шмидта. Я одѣтъ былъ въ коричневый фракъ, чего со мной нѣсколько лѣтъ не бывало; свѣтлаго колера панталоны; шелковый съ мушечками жилетъ. Я былъ нѣженъ, какъ молодой супругъ и безпрестанно цѣловалъ руки у моей милой молодой, которая еще болѣе радовала меня своею веселостію.

Послѣ обѣда пришли къ намъ дѣвицы изъ дома Мещерскихъ, Лиза и Любонька: въ слѣдъ за ними явился и самъ князь Мещерскій. День былъ прекрасный, весенній, не смотря что принадлежалъ къ Русскому зимнему Генварю. И я провелъ его въ пріятномъ упоеніи и предъ самымъ сномъ снялъ съ себя коричневый фракъ. Заклучу мою

журнальную замѣтку новою благодарностью нашею ко Господу за столь милостивое доведеніе меня къ столь продолжительному сроку супружества.

*

1-го Февраля.

Мы одѣлись съ женою и пошли пѣшкомъ къ князю, чтобъ поблагодарить его за вчерашнее проявленіе столь нѣжнаго участія. Мы встрѣтили его на дорогѣ, онъ прогуливался. Князь велѣлъ остановить лошадей и началъ разговаривать съ нами. Я сказалъ, что молодые идутъ къ нему благодарить его. Князь улыбаясь спросилъ, каково провели мы ночь? Князь поѣхалъ продолжать свою прогулку, а мы между тѣмъ прошли къ Мещерскимъ и ихъ мы встрѣтили прогуливающимися, но они воротились. Мещерскіе радушно насъ приняли. Княгиня рассказывала намъ, что Кологривая въ прошедшее Воскресенье такъ къ ней ласкалась, только что рукъ не цѣловала у нея. Врядъ ли убаюкаетъ она этими ласками дальновидную княгиню. Потомъ хозяева проводили насъ нѣкоторое разстояніе по дорогѣ, и мы поворотили къ князю вмѣстѣ съ мужемъ княгини. Придя въ домъ, мы велѣли сказать человеку, чтобы онъ доложилъ князю, что молодые хотятъ его видѣть. Князь тотъ часъ же насъ принялъ и былъ намъ радъ. Мы вновь засвидѣтельствовали ему нашу душевную благодарность и когда мы, посидя нѣкоторое время, хотѣли возвращаться, то князь самымъ убѣдительнымъ и деликатнымъ образомъ пригласилъ насъ остаться обѣдать. Мы остались, тутъ была и Варинька. Вечеру въ домѣ его отслушали всенощную, и уже смерклось, какъ мы возвратились домой, довольными и собою и княземъ, который очень былъ обязателенъ къ моей молодой женѣ.

*

2-го Февраля, 1844.

Приносятъ ко мнѣ пакетъ съ почты; въ ономъ заключались два письма, одно изъ Симферополя, отъ Жегочева, при которомъ приложенъ былъ отчетъ графа Киселева за 1842 годъ; этаго отчета мнѣ давно желалось прочитать. Еще письмо изъ Петербурга, отъ Латкина. Я опечаленъ былъ содержаніемъ онаго: дѣло наше не только не подвигается впередъ, но, кажется, мнѣ мелѣетъ болѣе и болѣе; правительство намъ не даетъ тѣхъ лѣсовъ, которыхъ желалось компаніи... Къ этому письму слѣдовала большая записка, которую г. Латкинъ изготовилъ по предмету соединенія двухъ рѣкъ или, лучше сказать, двухъ системъ рѣкъ Сибирскихъ и Европейскихъ: но записки не было, а въ поздней припискѣ Латкина сказано было, что онъ посылалъ эту записку вмѣстѣ съ письмомъ къ Ивану Петр. Егорову для отправленія, но что тотъ обратно ему это письмо возвратилъ, по той причинѣ, что

безъ платы на почту письма якобы не приняли. Доселѣ письма отъ Егорова и Латкина обыкновенно присылались ко мнѣ въ общемъ конвертѣ на имя князя, это продолжалось 18 мѣсяцовъ; въ пакетѣ на имя князя заключались и газеты, а иногда и письма на имя находящихся при немъ лицъ, теперь же вдругъ отказали мнѣ въ такой бездѣлицѣ. мнѣ, чиновнику, принадлежащему къ главному почтовому управленію. Я очень, признаюсь, оскорбился этою новостію и, соображая обстоятельства, особенно припоминаю одинъ случай, что я, за нѣсколько недѣль до сего, при отзывѣ Кологривой, что къ нимъ мало пришло писемъ, похвасталъ, что я получилъ ихъ много, но заподозрилъ не суть ли это новыя продѣлки моей давнишней недоброжелательницы. Я унылъ, если не изнемогъ, духомъ, но крѣпился и не показывалъ въ наружности.

Я началъ читать забавное Путешествіе по Испаніи; князь смѣялся отъ души странностямъ Запиринейскихъ обычаевъ, призывалъ сестрицу послушать описываемыхъ проказъ, а я читалъ да почитывалъ, но душа моя внутренно вопіяла о ложности моего настоящаго состоянія. Приѣхали съ почтою, и я побѣжалъ домой пѣшкомъ, глотая и вбирая въ себя весенній воздухъ, который уже дымился запахомъ легкаго аромата. Въ продолженіе утра я успѣлъ пробѣжать отчетъ графа Киселева, и онъ мнѣ доставилъ много удовольствія, ибо я много нашелъ истиннаго *grandioso* въ его предначертаніяхъ.

*

3-го Февраля.

Въ нынѣшній день празднуютъ память владѣтельницы Корейса *): всѣ собрались въ церковь за обѣдню и панихиду. Послѣ богослуженія бывшіе за божественною службою собрались у Вѣры Алексѣевны Муравьевой. Я еще не успѣлъ обратиться, какъ за мною зашла Машинька Волоцкая звать меня къ своей тетускѣ; потомъ пришелъ и князь Мещерскій, пришелъ Дмитр. Иванов. Поповъ. Всѣ мы пошли къ Муравьевой, которая насъ потчивала завтракомъ и блинами. У нея собрались: княгиня Мещерская съ Лизою и Настинькою, полковникъ Олива и Ал. Ив. Казначеевъ, пріѣхавшіе къ Мещерскому, дѣвица Мауреръ; всѣ они были на службѣ и молились за усопшую княгиню Анну, основательницу Корейскаго имѣнія.

Вся компанія была дружелюбно настроена, не было принужденія. не было и скуки, похоже на масляничное угощеніе; вдругъ говорятъ мнѣ, что пріѣхалъ за мною самъ князь, и вотъ я вышелъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать. Дорогою рассказалъ я ему о нашемъ непри-

*) Анны Сергѣевны Голицыной, рожд. Всеволожской. П. Б.

нужденномъ и веселомъ сборищѣ. До обѣда я почиталъ ему моего веселаго Путешествія, а къ обѣду явился докторъ Арентъ, наскунувъ прїѣхавшій, чтобы осмотрѣть князя. Онъ удостовѣрилъ, что ему гораздо лучше; притомъ и Кологривая увѣдомила меня, что у брата и животъ и ноги пришли въ натуральное положеніе; доселѣ онѣ были распухлыми. Слава Богу! Слава Богу! Пусть вздохнетъ старецъ отъ своего недуга. Я еще покороче познакомился съ Арентомъ; онъ немножко намахиваетъ на Клементьева, Витебскаго губернатора. Человѣкъ онъ умный и образованный; мы съ нимъ говорили о войнѣ съ горцами, говорили объ Архипелажскомъ пиратѣ, который въ послѣдствіи имѣлъ имѣніе въ Крыму. Я рекомендовалъ князю прочесть отчетъ гр. Киселева и сказалъ ему, что я такъ онымъ плѣнился, что подумываю даже написать къ нему письмо и поблагодарить его за удовольствіе, доставленное мнѣ чтеніемъ сего отчета.

*

4-го Февраля.

Сегодня день моего Ангела; я встрѣчаю его уже два раза на южномъ берегу Крыма. Поутру пришли поздравить меня кн. Мещерскій, Казначеевъ и полковникъ Олива; они отправляются въ гости къ Шатилову, не смотря, что идетъ дождикъ и холодная погода. Потомъ явился посланный отъ княгини Мещерской съ запискою отъ нея, гдѣ она извиняется, что сама ко мнѣ не можетъ придти поздравить меня, потому что у нея ужаснѣйшій мигрень. Княгиня прислала мнѣ прекраснѣйшій столикъ изъ орѣховаго дерева, такъ принаровленный, чтобы стоймя класть на него книги, которыя читаешь; а маленькая ея Настинька прислала портъ-фель своей работы съ милою собственноручною приписочкою. Все это очень для меня было пріятно. Варинька вышла мнѣ красную скуфью, которыя я обыкновенно ношу, когда бываю дома. Потомъ пришла Машинька Волоцкая поздравлять меня, отъ себя и отъ имени тетушки своей; а такъ, какъ погода немножко исправилась, то княгиня Мещерская прислала свою питомицу Лизу. Потомъ пришли Вѣра Алексѣевна и Дмитр. Иван., отказавшійся на нынѣшній день обѣдать у князя, который посылалъ звать его. Но самъ князь не посылалъ поздравлять меня, вѣроятно ему Кологривая не пересказала, что велѣлъ доложить князю Дмитрій Иван. Поповъ. Обѣдали у меня Вѣра Алексѣевна съ племянницею, Лизанька Франкъ, Дмитр. Ивановичъ Поповъ и только. Дѣвица Ницъ, т. е., Ольга Карловна. не сочла за нужное также поздравить меня. Мы всѣ были веселы, столъ прекрасный, нашли и бутылку Шампанскаго вина. За столомъ и послѣ онаго разговоръ былъ оживленъ, но я выходилъ изъ границъ, выказывая свое неудовольствіе на Кологривую и на Козловскаго. Выпивши лишнюю

чарку Шампанскаго, я легко отыскалъ въ себѣ и лишнюю злобу и упивался ею, какъ прежде упивался чарами любострастія перемѣнившася, какъ видно, на столь же бѣшеную злобу. Гости разошлись, кромѣ дѣвицы Ницъ, которая выплыла послѣ обѣда, и я остался полупьяный и полуспокойный, отъ неблагоразумной и праздной болтовни, съ которой какъ-то еще раздѣлаюсь. Господи, удержи языкъ мой отъ зла и устнѣ мои, еже не глаголати лъсти!

Княгинѣ Мещерской на ея коротенькую записочку я отвѣчалъ довольно рѣзкою и сильною благодарностью, но такъ какъ она плохо знаетъ порусски, то врядъ ли хорошо пойметъ, что въ ней написано.

*

6-го февраля.

И сего-дня я крѣпко занимался Малобраннымъ; я окончилъ уже прочтеніемъ двѣ части большаго его творенія: Изысканіе истины.

*

7-го февраля.

Мнѣ принесли почту. Я получилъ два письма, одно изъ Костромы, отъ священника Доброва, бывшаго нѣкогда учителемъ пѣнія въ Костромской гимназіи, когда я завѣдывалъ ею; при письмѣ Доброва приложено было другое письмо, написанное уже къ нему отъ княжны Елены Петровны Трубецкой, моей кумы и нѣкогда близкой мнѣ по знакомству. Письмо умилительно-христіанскаго содержанія; видно, что она успѣхи дѣлаетъ, располагая землю сердца своего къ воспринятію божественнаго сѣмени. Еще другое письмо было отъ горюньи вдовы Скворцовой, изъ Петербурга. Дѣла ея нисколько не поправляются. Къ большей непріятности моей я узналъ поутру, что Семенъ опять не ночевалъ дома и, пропивши цѣлую ночь, притащился уже поутру на свою кровать и прилѣпился головою на нее, а ноги на полу; въ этомъ положеніи застало его утро, требующее періодическихъ и срочныхъ занятій. Комната была не метена и проч. Я призвалъ его и съ кротостію объявилъ, что служба его кончилась у меня... Когда успѣлись по мѣстамъ, князь спросилъ Кологривую: отъ кого, сестрица, мы получили письма? Отъ Попова, отъ Булгакова, и отъ проч., братецъ, отвѣчала Кологривая. Можно-ли что теперь прочитать? Отъ Попова можно, а отъ Булгакова, не знаю.—Позвольте мнѣ выдти, сказалъ я князю: вамъ удобнѣе будетъ прочитать.—Зачѣмъ, не нужно, сказалъ князь. Прежде такъ дѣлывалось. Я подумалъ самъ въ себѣ, что князь оставлялъ нарочно письма для моего прочтенія, прежде чѣмъ уничтожалъ ихъ, а теперь затрудняются при мнѣ читать пустошь и модную болтовню какого-нибудь Булгакова; времена переходивы, но я не со-

жалѣю, что меня не берутъ въ участники пустой переписки, а только оскорбляюсь тѣмъ, что, большую часть жизни посвятивъ особѣ его сіятельства, не заслужилъ еще, какъ видно, большого довѣрія. Бывало, прочитывалъ вмѣстѣ съ княземъ точно важныя бумаги; онъ довѣрялъ моей правотѣ и честности; въ это время Кологривая не смѣла носу показать въ кабинетъ, а теперь что? И какую я ролю долженъ играть и сколько времени я долженъ играть эту ролю? Перейдемъ къ разсказу. Князь заставилъ меня читать Франкфуртскія газеты, Козловскій вышелъ тогда изъ комнаты, и вотъ подходитъ Кологривая съ распятіемъ къ князю. Братецъ, прислали съ почтою распятіе, которое ты хотѣлъ подарить доктору Шмиту. Дай мнѣ его ощупать, и князь началъ ощупывать распятіе; потомъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ меня, каково оно мнѣ нравится и чтобы я описалъ его. Крестъ сдѣланъ на подобіе серебра, сказалъ я князю, а распятіе изъ бронзы ярко позолоченной, и все это вставлено въ красивую горку изъ чернаго дерева. На это Кологривая замѣтила, что масса креста отливается какимъ-то золотистымъ цвѣтомъ. Князь съ нетерпѣніемъ возразилъ: какъ же ты, матушка, говорила о золотистомъ цвѣтѣ, когда утверждаютъ, что крестъ серебрянаго цвѣта и, обратясь ко мнѣ, опять спросилъ меня и вмѣстѣ о томъ же спросилъ и дѣвицу Мауреръ, тутъ же съ нами сидѣвшую; она повторила тоже, что и я; а я прибавилъ, что еслибы крестъ не былъ серебрянаго цвѣта, т. е. сдѣланный изъ массы такъ называемаго новаго серебра, Neue Silber, то бронзовое распятіе, будучи золотого цвѣта, не отдѣлялось бы такъ ярко отъ бѣлаго и свинцоватаго колера креста. Тутъ вспыхнула Кологривая, глаза у нея засверкали и, отошедши отъ князя, она съ сердцемъ замѣтила ему, что онъ слушаетъ отъ всякаго увѣренія. Слово *всякой* выговорено съ презрѣніемъ и такъ какъ увѣрялъ на этотъ разъ я, то я и счелъ за нужное сказать князю, что слово мое о крестѣ было справедливо; что какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ я никогда его не обманывалъ и что подробности креста точно таковы, какими я ихъ описалъ ему. Тутъ Кологривая вдругъ ко мнѣ подскочила, начала махать предъ лицомъ моимъ кулаками и даже въ бѣшенствѣ выговорила мнѣ, что я лжець. Это меня взорвало, и я такъ оскорбился ругательствомъ сестры при князѣ, что тутъ же сказалъ, что я никогда не лгалъ предъ ея братомъ, но что она это дѣлывала и не разъ; что она преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кто любитъ ея брата и содѣлываетъ даже жизнь ихъ постылою, что я могу доказать это, если только захочетъ выслушать. Тутъ князь закричалъ на насъ обоихъ, чтобъ мы замолчали и заставлялъ меня читать газеты; но я не могъ читать: я получилъ какое-то отмѣнно тяжкое сотрясеніе, которое отдалось мнѣ именно въ больное мѣсто страждущаго бока и

всей поясицы; сотрясеніе похоже на то, еслибъ кто нибудь по упомянутому мѣсту ударилъ палкой.

Голосъ у меня прерывался, кровь бросилась въ голову. Какъ такъ (успѣлъ однако сказать я) обижать меня и въ присутствіи вашего брата: тридцать лѣтъ прослужилъ я и не слыхалъ ничего подобнаго.... Я совсѣмъ не могъ читать и вышелъ въ другую комнату, тамъ спросилъ себя холодной воды и отпивался ею; и вотъ когда поулеглось волненіе, я пришелъ въ комнату, хотѣлъ вновь читать, но князь не допустилъ меня и заставилъ читать газету дѣвицу Мауреръ. Я сѣлъ на софу и молчалъ; Козловскій въ это время пришелъ въ комнату. Князь часто спрашивалъ Мауреръ, скоро ли она дочитаетъ газеты и когда та ихъ окончила, князь приказываетъ мнѣ встать и подойти къ себѣ. Подай мнѣ свою руку, сказалъ онъ мнѣ, я тебя прошу сдѣлать мнѣ въ личное одолженіе, и если ты только любишь меня, помириться съ моею сестрою. Въ это время онъ соединилъ наши двѣ руки, и мы примирились съ Кологривую не глядя другъ на друга; однако я успѣлъ сказать ей: Богъ съ вами, Елисавета Михайловна, что вы меня такъ преслѣдуете. Князь успокоился и даже былъ веселъ; эгоизмъ вельможи, можетъ быть, рисовалъ ему этотъ подвигъ отмѣнно добрымъ дѣломъ. Проглота обиду, я принялся за веселое Путешествіе, былъ разговорчивъ, хорошо ѣлъ постный его столъ, запивалъ часто виномъ и по видимому былъ въ веселомъ настроеніи духа. Послѣ обѣда Кологривая зазвала меня въ особую комнату. Простите меня великодушно, Юр. Ник., говорила она мнѣ, что я васъ оскорбила; я чувствую, что когда разсержусь, то прихожу въ неистовство; въ злобѣ моей и бѣшенствѣ, я даже не помню, что я говорю; эта вспыльчивость вѣроятно ниспослана мнѣ свыше, чтобы я не возгордилась отъ тѣхъ тяжкихъ трудовъ, которые предпринимаю въ пользу моего больного брата. Послѣ мнѣ дѣвица Мауреръ говорила потихоньку: вы хорошо сдѣлали, Юр. Ник., что ей не уступили; ништо ей, она того стоитъ.—Пришелъ священникъ и видно по незнанію домашняго служенія долго прослужилъ, такъ что вышла изъ терпѣнія и самая Кологривая, великая охотница къ порядкамъ внѣшняго богослуженія; священникъ служилъ, какъ служить въ монастыряхъ и, признаться, всѣмъ надоелъ, особенно скорымъ и непонятнымъ чтеніемъ; дьячекъ также очень дурно пѣлъ, самъ князь началъ вздыхать отъ нетерпѣнія. Я поздно возвратился домой. Мы вышли изъ дома князева вмѣстѣ съ Муравьевою и ея племянницею, которую я велъ подъ руку, а та съ фонаремъ ѣхала на своей тележкѣ. Я просидѣлъ у нихъ долго, напился чаю и выкурилъ двѣ трубки табаку; гастрическое мое состояніе поразошлось, и я очень признателенъ за ласку и вниманіе добрыхъ моихъ сосѣдей. Пришедши домой,

я узнаю отъ Кати, что кн. Мещерская во время моего отсутствія была у насъ и даже съ нетерпѣніемъ меня поджидала. Она поразсказала женѣ моей, что вчера жаркій разговоръ имѣла съ княземъ и даже обо мнѣ; что Кологривая ее оспаривала и что братъ ея держалъ мою сторону. Княгиня Мещерская даже дала знать князю, что Кологривая даже въ самомъ Петербургѣ старалась вредить мнѣ, ссоря меня съ моими друзьями и общими знакомыми, распуская ложные слухи о моемъ лицѣ и характерѣ. Князь отыгрывался и снѣживалъ.

И вотъ такимъ образомъ я вступилъ въ Святую Четырдесятницу. Признаюсь, еслибъ можно было, то я, не выходя изъ покоевъ, подалъ бы князю мою просьбу объ отставкѣ, но этаго сдѣлать теперь нельзя, надобно еще подождать; сроки моей службы совпадаютъ съ ближайшимъ временемъ послѣ святой недѣли, а до той поры далеко. Но да будетъ воля Божія! Признаюсь, я какую-то антипатію началъ чувствовать, когда подхожу къ дому князеву, бывшему для меня палладіумомъ свѣтлыхъ мыслей и беззаботнаго удовольствія. Утруженный я легъ спать, на скоро переговоривъ обо всемъ съ милымъ другомъ Катею.

*

9-го Февраля.

Узнаю отъ пріѣхавшей изъ Ялты Ольги Карловны, что будто всѣ утверждаютъ въ Ялтѣ, что Козловъ съ почтмейстеромъ читаютъ посылаемые на почту письма. Вещь сбыточная. Кологривой, конечно, интересно знать, что писать стали бы въ Петербургъ Муравьева и Мещерская. Видѣлъ я во снѣ г. Рубца, бывшего старшимъ въ камерѣ, когда я былъ въ 1818 годѣ офицеромъ 2-го Кадетскаго корпуса. Онъ былъ славный малый и хорошій рисовальщикъ; съ тѣхъ самыхъ поръ я его не видалъ.

*

10-го Февраля.

Дождь, слякоть, сырость, холодъ все вмѣстѣ собралось для сегоднешняго дня. Князь за мною прислалъ карету, въ которой я и отправился къ нему. Чтеніе мое началъ не обычнымъ Путешествіемъ по Испаніи, а взялъ съ собою нѣсколько № Сѣверной Пчелы, въ которыхъ помѣщена была юмористическая статья, Адамъ Адамовичъ Адельгеймъ. Хотя и косился на меня Козловскій, что я забрелъ въ его огородъ, то есть Русское чтеніе, однако князь со вниманіемъ и съ удовольствіемъ выслушалъ статью и очень смѣялся; послѣ того я началъ читать свое Путешествіе.

Козловскій далъ мнѣ книгу сочиненія Загоскина, подъ названіемъ: Москва и Москвичи; я бросился читать ее съ великою жадностію, но послѣ оставилъ: показалась мнѣ книга скучна.

*

12-го Февраля.

Въ нынѣшній день князь приобщался святыхъ таинъ; самъ я не пошелъ поздравлять его, а послалъ къ нему записку отъ себя и отъ имени жены моей.

Началъ читать князеву рукопись, очень давно у меня хранящуюся; это извѣстная Кёрнерова Исторія Орлахской дѣвушки. Со страхомъ читалъ я о тѣхъ наказаніяхъ послѣ-смертныхъ, которыя приготовляетъ намъ грѣхъ нашъ. Вечеромъ, послѣ князева обѣда, зашелъ къ намъ Дмитр. Иванов. и просидѣлъ цѣлый вечеръ; онъ сказалъ Ленѣ по секрету, что слышалъ отъ Анны Александровны, что они надѣются, что князь будетъ просить мнѣ о томъ содержаніи, которое я нынѣ получаю и послѣ моей отставки и что написанная о томъ бумага отдастся мнѣ въ руки и если я захочу, то самъ ее отправлю и на почту. Только, чтобъ вовсе не говорить о томъ Кологр. и чтобъ она не знала, что Анна Александр. принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе.

*

13-го Февраля.

Докторъ Шмидтъ рассказывалъ мнѣ про свои неудовольствія съ управителемъ, которыя не нашутку разыгрываются: ему былъ случай передать мнѣ и о значеніи, которое имѣетъ управляющій дѣлами графа полковникъ Ягницкій. Отецъ Андрей обѣдалъ у меня и довольно долго посидѣлъ, онъ мнѣ много кое чего интереснаго пересказалъ. Поутру читалъ интересныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія и прилежно продолжалъ читать рукопись объ Орлахской дѣвушкѣ, которая часть отъ часу занимаетъ мое мышленіе. Князь заѣзжалъ было за мною, чтобы взять меня, но я отказался по причинѣ болѣзни, о чемъ и увѣдомила его Варв. Петровна.

Приходила ко мнѣ больная женщина, ново-окрещенная Еврейка, которую крестилъ прошлаго году князь съ графинею*). Я не принялъ ея, но ложась спать почувствовалъ какую-то жалость къ этой женщинѣ и раскаялся въ моей жесткости. Вечеромъ, я точно чувствовалъ прикосновеніе любви къ ближнему и это отношу, какъ и всякое благое чувство, океану всякаго блага, Господу и Богу.

*

14-го Февраля.

Вставши я тотъ часъ же написалъ записку къ князю и просилъ его, чтобы помѣстить окрещенную Еврейку въ больницу. Князь не

*) Т. е. съ графинею Е. К. Воронцовой. П. Б.

отказалъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ, но больной не оказалось въ Кореисѣ; я послалъ мальчика ее отыскивать; нашли ее у одного Мисхорскаго старика, проживающаго со старухою своею въ горахъ, не подалеку отъ Алупки. Больная эта женщина ко мнѣ явилась, но я замѣтилъ въ ней какую-то жесткость и отпирательство. У одного изъ здѣшнихъ бѣдныхъ крестьянъ родился ребенокъ, никто не шелъ крестить его, по причинѣ бѣдности; дитя лежало, нагое тоже отъ бѣдности; наша женщина Матрена сшила ему изъ вѣтошекъ рубашку. Я послалъ Матрену объявить родительницѣ, что я иду самъ крестить дитя съ Варварой Петровной. Матрена возвратилась вся въ слезахъ отъ соучастія. Сперва родители думали, что надъ ними смѣются, когда имъ о томъ объявили и съ трудомъ повѣрили. Надобно было видѣть радость ихъ; роженица вскочила и начала со слезами молиться Богу. Я послалъ будущую куму навѣстить ихъ и вмѣстѣ отдать имъ небольшой подарочекъ. Имя ребенку назначается мое собственное.

*

16-го Февраля.

Нынѣшній день минуло мнѣ 55 лѣтъ, ибо я родился въ 1792 году. Богу благодареніе! Дожилъ я до такихъ лѣтъ, которыя вообще неприступны для распутства. Провидѣніе милостиво довело меня до сего возраста; пусть сердце мое пролепечетъ Господу всю возможную для него признательность; говорю, возможную, потому что сердце человеческое и грубо, и безсильно. Анна Александр. прислала мнѣ бутылку Шампанскаго въ подарокъ. Жена моя размѣнивается съ жителями Розоваго Павильона разными услугами, посылаетъ къ нимъ пирожного и другаго что найдеть. Сего-дня послала она къ женѣ Попова галантиръ изъ телячей головки и безе. У насъ статья эта идетъ дѣятельно. Мнѣ жаль бѣдной больной, говоритъ жена моя; ей, бѣдненькой, и покушать-то нечего; Попова не иначе называетъ жену мою, какъ благодѣтельницею. У насъ въ нашемъ, такъ сказать, нижнемъ этажѣ мѣщанской жизни взаимность обязательства и услуги въ сильной игрѣ, а въ высотахъ, или въ домѣ князя, аристократическая или эгоистическая морга; высота не понимаетъ какъ въ низыменности, по милости Божіей, мы живемъ ладно и согласно. Старецъ-князь посѣтилъ меня, но онъ, впрочемъ, не зналъ, что сегодня день моего рожденія. Мы поговорили, какъ обыкновенно, не о весьма важныхъ предметахъ: старецъ рѣшается кушать скоромное. Я получилъ на почтѣ одно лишь письмо отъ Симферопольскаго почтмейстера и повѣстку для Турчаниновой въ 6000 рублей.

Пришла и сама Муравьева въ разстроенномъ видѣ и, по обыкновенію, со слезами на глазахъ. Она рассказала что было при чтеніи

одного письма изъ Одессы, по случаю кончины графини Эделингъ и которое она получила отъ своей родственницы Исленьевой въ видѣ отвѣта на свое письмо къ ней, писанное по препорученію же князя, чтобъ узнать истину. Вотъ въ чѣмъ эта истина состояла. Съ нѣкотораго времени Кологривая отрывочно и какъ-бы недоговаривая передавала брату, что Эделингъ умерла отъ неудавшейся операціи, а какой операціи, не сказывала. Кологривая и мнѣ объ этомъ прежде говорила, но въ этотъ разъ яснѣе. Операція неудавшаяся ничто иное, какъ снятіе катаракта, къ чему самъ князь съ понятнымъ и явнымъ нетерпѣніемъ готовится. Князь по этому случаю и просилъ Вѣру Алексѣевну, чтобы она узнала подробности кончины графини Эделингъ, и вотъ это-то письмо и начала читать князю Вѣра Алексѣевна. Когда дошло до дѣла, что операціи никакой не было и при какомъ-то тутъ замѣшавшемся имени лица покровительствуемаго Кологривую, вдругъ она вскочила съ софы, на которой лежала и, разкраснѣвшаяся на сей разъ какъ ракъ, зазіяла глазами и начала говорить обидныя и грубыя слова Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Та благодушно снесла и сказала ей, что она получила это письмо въ слѣдствіе препорученія ея же брата. За обѣдомъ Муравьева ничего не ѣла и когда князь потчивалъ, то она отвѣтствовала, что такъ огорченной, какъ она, ѣсть вредно и проч. Послѣ обѣда, князь вышелъ, а Вѣра Алексѣевна тотъ часъ же и ушла, не обративъ на Кологривую ни малѣйшаго вниманія, какъ-бы она и не существовала. Князь, при этой сценѣ, отыгрался обыкновенными своими возгласами: перестаньте меня мучить и пр.

*

17-го Февраля.

Князь Мещерскій послѣ своего пріѣзда посѣтилъ меня. Разговарясь о князѣ, онъ началъ винить его въ потачкѣ всему происшедшему; нельзя же предположить, говорилъ Мещерскій, чтобы князь всего этого не зналъ и не слыжалъ, но, не смотря на то, онъ терпитъ и отмалчивается.—Вотъ опять зашелъ ко мнѣ очень рѣдкій гость Е. Арсеньевъ; онъ живетъ на дачѣ возлѣ Ялты, принадлежащей его тестю Исленьеву. Мы съ нимъ пріятно провели время, и я ему предложилъ, можно-ли со временемъ переѣхать пожить на его дачу; онъ съ радушіемъ отозвался и объяснялъ мнѣ многія удобства, которыхъ Корейскъ не имѣетъ. Желаніе это еще во мнѣ не устоялось, и оно вдругъ и неожиданно проявилось. Потомъ пришла и Вѣра Алексѣевна. Какъ мы предполагали, такъ и случилось: старецъ-князь заѣзжалъ къ ней и убаюкивалъ и умиротворялъ обпженную. Разумѣется, сваливалъ на сестру свою, называлъ ее *pétarde* (шумихой). А Муравьева прибавила: *Haineuse* (ненавистницею). Муравьева однако воспользовалась случаемъ

поговорить съ княземъ и на счетъ сестры его и на счетъ Козловскаго. Она ввернула и мое имя, сказавши какъ бы мимоходомъ, что въ тотъ день, когда Кологривая подбѣжала ко мнѣ съ бранью, я заходилъ къ Муравьевой и что на силу-дескать мы Юрья Никитича отпоили чаемъ. Муравьева сказала старцу, что если уже сестра его всѣхъ тѣхъ гонить, которые усердствуютъ ея брату, то пусть позволить князь ей, Муравьевой, удалиться; на что старецъ отвѣтствовалъ, что ему очень горько будетъ, когда она удалится, и онъ видитъ, что всѣ хотятъ оставить его. Въ это время физіономія его приняла видъ такой страдальческой, что Муравьевой жалъ стало бѣднаго старца. Я вчера сдѣлался болѣнъ, говорилъ ей князь, чувствовалъ жаръ, но какъ видно, по его отзывамъ, не рѣшился запретить сестрицѣ своей поступать по прежнему, т. е. чтобъ не дѣлала обидъ всѣмъ намъ. Князь просилъ ее сего-дня обѣдать, но она отказалась.

*

18-го Февраля.

Получивъ какое-то отвращеніе къ чаю, я велѣлъ приготовить его нѣсколько необыкновеннымъ образомъ: велѣлъ подогрѣть сливки, которыя доселѣ пилъ холодные и вмѣсто сахара началъ класть медъ, тотъ самый, который подарилъ мнѣ раввинъ въ Эвпаторіи. Такимъ образомъ, чай мнѣ началъ очень нравиться, и я пью его по нѣскольку стакановъ.

*

20-го Февраля.

Въ продолженіе дня я читалъ Библію и Книгу Натуры; это сочиненіе извѣстно было подъ названіемъ размышленій о Божіемъ величествѣ Штурма, но оно переработано другимъ и пополнено въ уровень настоящихъ знаній.

Вообще и сего-дня я никуда не выходилъ изъ комнаты; какал-то пассивная разсѣянность меня преслѣдуетъ; сядя за столъ, я нечаянно взглянулъ въ окошко и къ удивленію моему увидѣлъ, что нѣкоторые деревья покрываются уже зеленью; плачущія ивы начали зеленѣть. За столомъ подали намъ круглый съ яицами и курицею пирогъ, который принесли намъ отъ крестьянки, у коей я крестить собираюсь. Вечеромъ священникъ прибылъ къ намъ для сего священнодѣйствія. Въ моемъ кабинетѣ поставили купель, и я съ Варенькою окрестилъ младенца, котораго назвали моимъ именемъ: Юріемъ. Ризки и шапочка сдѣланы прекрасныя; повивальная бабка была настоящая бабка ребенка. Она потчивала насъ Шампанскимъ; къ этой церемоніи подошелъ и Дмитр. Иван., просидѣвпій у насъ цѣлый вечеръ; священникъ также остался пить чай. Послѣ пошелъ онъ пировать къ родителямъ новорожденнаго, который, какъ говорятъ, родился въ сорочкѣ.

*

21-го Февраля.

Машинька пришла и нѣсколько ободрила мое уединеніе. Я вы-просилъ у нея Русскую христоматію, изданную Галаховымъ и Rose et Blanche, написанную извѣстною писательницею г-жею Dudevant, подъ названіемъ псевдонима Занда. Поутру я прочиталъ двѣ превосходныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія, а ввечеру прочитывалъ въ слухъ изъ Христоматіи. Нѣкоторыя стихотворенія Кольцова, Цыганова снова освѣжились въ моей памяти; душа моя такъ много поражена была ихъ меланхолическимъ достоинствомъ, что я много и сладко плакалъ; не умѣлъ даже унять слезъ своихъ, что со мною рѣдко случается.

*

22-го Февраля.

День мой я началъ слезами, и все это читая стихи изъ Христоматіи; особенно разтрогала меня извѣстная идиллія Гнѣдича, Петербургскіе Рыбаки. День весь объѣдался, такъ сказать, сочиненіемъ г-жи Дюдеванъ: Rose et Blanche. Это сочиненіе, если хотите, и вольно и отъ части безнравственно, но мастерски написано. Слогъ, наведенія, драматическіе эффекты, ясность философскаго изложенія, превосходны. Любопытно слѣдить за этимъ женскимъ геніемъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣднее ея сочиненіе Consuello, чтобы насладиться прочтеніемъ онаго. Нечего сказать, согрѣшилъ грѣшный: прелесть да и только!

Я послалъ жену мою провѣдать Анну Александровну и спросить ее, отъ моего имени, о чѣмъ намекалъ мнѣ Дмитр. Иванов. Точно Турчанинова говорила о моей отставкѣ съ княземъ, и онъ хорошо отозвался: знаю, что ему жить здѣсь не приходится; я постараюсь все употребить, чтобы испросить у Государя получаемое имъ содержаніе: впрочемъ, Богъ знаетъ: Государь отказалъ на мою просьбу о Шмидтѣ; лучше бы было, еслибъ онъ подождалъ Государева приѣзда; полагаю, что онъ непременно въ нынѣшній годъ посѣтитъ Севастополь: тогда-бы надежнѣе было дѣло..... И съ Варварою Петровной объяснялась Кологривая на мой счетъ; ей вздумалось пересказать ей послѣднюю нашу исторію, которую и заключила, отдавая мнѣ справедливость, что я не жаловался доселѣ на нее брату ея. Душа моя цѣлый день въ какомъ-то упоеніи, но не дѣвственномъ. Я прошу Господа не поставить въ грѣхъ жадность мою къ литературнымъ впечатлѣніямъ.

*

23-го Февраля.

И сегодняшній день Зандъ увлекла меня занимательнымъ своимъ разсказомъ. Марія Владимировна отыскала мнѣ вторую часть Rose et Blanche и новое еще сочиненіе того же автора Le Compagnon du tour

de France, и вотъ я принялся читать ихъ вмѣстѣ, разумѣется, по очередно, и день и вечеръ употребилъ на это чтеніе; изложеніе авторова такъ занимательно, что отстать не хочется, но есть мѣста сильно безнравственныя. Грѣшу, но увлеченіе слишкомъ сильно, не могу отказать себѣ въ удовольствіи читать эти книги. Сочиненія христіанскаго содержанія я отбросилъ на время. Вечеромъ пришла посѣтить меня Вѣра Алексѣевна и рассказала мнѣ подробно о своей горемычной жизни: точно она въ худыхъ обстоятельствахъ, дѣла ея запутаны, ближняя ея, Софья Ивановна Митрополова, связалась съ Вешняковымъ, извѣстнымъ спекуляторомъ и проэктистомъ, изобрѣтателемъ карболейна, и завязила значительныя суммы денегъ принадлежащія ея брату. Она, т. е. Вѣра Алексѣевна, передала мнѣ о возникающемъ неудовольствіи князя на Ѳедора Иван. Прянишникова.

*

24-го Февраля.

И нынѣшній день я упивался чтеніемъ обворожительной и парадоксальной г-жи Дюдеванъ: le tour de France и Rose et Blanche попеременно смѣнялись; время текло незамѣтно, душа юнѣла и кипѣла помыслами увлекательными, не скажу чистыми. Провидѣніе да проститъ мнѣ это упоеніе; эта забава конечно отвратительна и для воображенія моего и для памяти; но увы, она показалась мнѣ отменно сладкою въ моемъ уединеніи. Впрочемъ, поутру я прочиталъ двѣ отличныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія и почиталъ немножко изъ Библии. Въ душѣ моей нѣтъ тревогъ, но и нѣтъ большаго мира.

*

25-го Февраля.

Князь Александръ Николаевичъ посѣтилъ меня сего-дня; между прочими разговорами я высказалъ ему о кончинѣ княгини Кочубей, о которой ему до сихъ поръ таили, не смотря, что о семъ событіи напечатано въ газетахъ. Князь горевалъ, что ему обо всемъ утаиваютъ и принялъ это извѣстіе, какъ христіанинъ.

*

26-го Февраля.

Варинька привезла мнѣ отъ князя извѣстіе, что умеръ Мятлевъ, авторъ Сензацій Курдюковой; человѣкъ хорошій. Я хранить буду память его въ припискахъ собственноручныхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ моемъ альбомѣ. Таже Варинька привезла мнѣ книгу: Метафизику, которую ономясь *) выпросилъ я у князя для прочтенія.

*) Старинное вмѣсто „намедни“. П. Б.

*

28-го Февраля.

Приступилъ къ Божественной метафизикѣ Пордчевой*). Сей боговдохновенный авторъ наполнялъ меня болѣе или менѣе въ продолженіе дня и къ вечеру; чувства мои не только не устали, но еще болѣе и болѣе ободрялись. Душа моя порывалась къ Богу живому, и я былъ въ упоительной надеждѣ хотя когда нибудь получить объ Немъ живое вѣдѣніе; можетъ быть, Онъ сжалится надо мною и коснется живительнымъ Своимъ просвѣщеніемъ до ищущаго и голоднаго имъ сердца моего.

*

29-го Февраля.

Поутру прекраснѣйшихъ двѣ статьи прочиталъ я въ Часахъ Благоговѣнія и потомъ принялся за Пордеча; собственно не его еще сочиненіе я читаю, а родъ подготовленія къ его творенію, гдѣ объясняется его система другимъ авторомъ. Это чтеніе окрыляетъ духъ мой до такой степени, что поутру я почувствовалъ себя какъ-бы въ восторженномъ состояніи; чувство внутренняго удовольствія живо проникало душу, и я достаточно не могу за то возблагодарить Творца моего. Болѣе или менѣе я продолжалъ чтеніе Пордеча чрезъ цѣлый день. Между прочимъ удосужился я прочитатъ одну главу и изъ Малекбранша; но умозрѣніе сего, впрочемъ высокаго, метафизика показалось уже мнѣ тускло послѣ могучаго Пордеча. Я отыскалъ въ Пордечѣ такія объясненія о двѣхъ Софіи, Премудрости Божіей, какихъ нигдѣ не случалось мнѣ прочитывать; я весьма былъ доволенъ и радостенъ отъ этихъ новыхъ, хотя и смутныхъ еще для меня, понятій.

*

1-го Марта.

Офрейнъ ласково и дружески пишетъ ко мнѣ и зоветъ меня къ себѣ заѣхать, когда буду выѣзжать изъ Крыма. При письмѣ Жегачева Караимъ Іезекіиль прислалъ мнѣ изюма и чернослива: первый былъ отличнѣйшаго качества, и мнѣ вздумалось послать и того и другаго моей сосѣдкѣ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Но какая-то зашлая поэтическая мысль меня посѣтила, и вотъ что написалъ я къ ней посылая сласти:

Какъ сладка ты мнѣ сосѣдка,
Такъ хочу быть сладокъ я....

Во снѣ мнѣ сего-дня снилась прежняя помѣщица нашей деревни, кн. Анна Сергѣевн. Голицына. Да успокоить Господь душу ея въ блаженныхъ селеніяхъ; все бы я былъ съ нею въ какихъ-то объясненіяхъ; кромѣ того всходилъ на лѣстницу и подбиралъ на ступеняхъ оставленные и лежащія на оныхъ золотыя монеты.

*) Пордечъ (Portage), Англичанинъ—врачъ XVII вѣка, послѣдователь Бѣма. П. Б.

*

2-го Марта.

Наконецъ въ скорости вѣтеръ превратился въ бурю, и вотъ насталъ уже настоящій ураганъ. Катя водила меня смотрѣть въ окошко изъ нашей столовой на это зрѣлище. Въ воздухѣ особенный шумъ; ни моря, ни горъ, ни ближнихъ окрестностей не видать; все какъ бы подернуто было мглою; дождь и снѣгъ въ видѣ пара или дыма сбрасывался на доли съ какою-то особенною стремительностію; все кипѣло, какъ въ котлѣ; желѣзные листы, чѣмъ покрыта была наша кровля, то и дѣло что слетали съ верха и съ трескомъ обрушивались; вблизи насъ нѣсколько деревьевъ выдернуло съ корнемъ и разбило въ щепы; нѣкоторыя изъ нихъ валялись и заслоняли дорогу; люди съ трудомъ могли ходить по дорогѣ; князева садовника понесло и разшибло; часть стѣны въ кухнѣ князевой обрушилась; даже сдѣлались поврежденія и въ самомъ домѣ его. И у насъ снесло мальчика, сына кухарки нашей, котораго она посылала въ нашъ домъ за чѣмъ-то. Между прочимъ, тополь, который, можетъ быть, пятидесятилѣтне украшалъ и ручей, и селеніе наше, совсѣмъ поваленъ и разрушенъ бурей; орѣшины, столѣтнія по словамъ садовника, совсѣмъ повалены. Таковъ-то нынѣшній ураганъ. Не смотря однако на такое время, чугунная моя печка топилась, и я, какъ умѣлъ, грѣлся около нея. Ко мнѣ пришелъ посидѣть мой духовный отецъ, который, не смотря на говѣющихъ и припасающихъ къ эвхаристіи, не рѣшился служить въ церкви, по причинѣ бури. Мы другъ съ другомъ побесѣдовали и разумѣется о Пордечѣ, котораго только что я окончилъ читать. Прислалъ ко мнѣ записку сосѣдь мой князь Мещерскій, гдѣ между прочимъ увѣдомляетъ о смерти Мятлева; онъ былъ въ своемъ домѣ, въ это время въ домашней его церкви шла обѣдня, онъ началъ только что бриться, какъ неумолимая смерть поразила его внезапно.

Къ намъ явился изъ Ялты Еврей съ разными товарами, и я поторопился позвать свою кухарку Эвфимію, чтобы она выбрала себѣ самаго лучшаго ситцу на платье, что она и сдѣлала; выбранная ею матерія съ такими была цвѣтами и разводами, что просто заглядѣнье; по мнѣ, такъ годилось бы только на одѣяло. Кухарка кормитъ насъ постнымъ столомъ, гдѣ о рыбѣ и помину нѣтъ, изобрѣтаетъ намъ разныя кушанья, чѣмъ мы очень остаемся довольными. У этаго же Еврея куплено по платью и для нашихъ женщинъ; куплено ситцу очень хорошаго и на бѣлье для людей нашихъ. Еврей ловкій и смысленный; я не безъ удовольствія поговорилъ съ нимъ.

*

3-го Марта.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Дмитр. Иванов., и мы съ нимъ порядочно поразговорились; все болѣе о Москвѣ. Онъ совѣтуетъ мнѣ нанять домъ Асташевского на Тверской, при этомъ домѣ есть и садъ. Хозяинъ его есть извѣстный чудакъ и онъ за такового извѣстенъ и по цѣлой Москвѣ. Наконецъ я рѣшился приняться писать отвѣтъ на три письма Латкина и, признаюсь, обдумавъ зрѣло мое намѣреніе, я отказываю ему въ новыхъ субсидіяхъ, которыя довольно значительны. Я и безъ того во время пребыванія моего въ Крыму переслалъ ему, женѣ его и матери около 12 сотъ рублей: трата слишкомъ для меня важная и вмѣстѣ доселѣ вовсе для меня бесполезная.

*

4-го Марта.

Пордечъ сильно занимаетъ и увлекаетъ меня. Вотъ какую мысль нашелъ у него сего-дня поутру въ подтвержденіе всегдашней и тайной моей думѣ. Говоря о святомъ писаніи (Библии съ Евангеліемъ) и что въ ономъ заключены всѣ вѣдѣнія располагающія и вразумляющія человѣка на пути освященія и спасенія души своей, онъ наконецъ вотъ что говорить:

„§ 12. Понеже не можно никакого новаго откровенія ожидать, пока начнется *третье служеніе*, *Bedienung*, коего *день Духа Святаго есть*. Ибо какъ Отецъ имѣлъ свой день, такъ какъ и Сынъ; такъ равномерно и Духъ Святыи будетъ имѣть свой день“.

„§ 13. Какія же новыя откровенія и явленія воспослѣдуютъ во оный день, когда Духъ явится своею дѣйствующею силою въ міръ, сего никто не можетъ сказать; но самый день тогда откроетъ“ (Божественная Метафизика Пордеча, томъ первый, стран. 429). Это мѣсто сочиненія автора меня поразило, и я подумалъ, не возшли ли уже мы въ сіи времена, не началось ли уже царство Духа. Смотри на изобрѣтенія, открытія, изслѣдованія, которыя кипятъ, такъ сказать, въ современной жизни и за коими мы слѣдить не поспѣваемъ, можно болѣе нежели съ вѣроятностію предположить, что царство Третьей, Нераздѣльной Ипостаси началось; внуки наши увидятъ неожиданныя послѣдствія.

*

5-го Марта.

Князь Александр. Николаевичъ посѣтилъ меня сего-дня; въ это время сидѣлъ у меня князь Мещерскій. Разговоръ мой съ княземъ Ал. Ник. былъ какъ-то вялъ; въ основаніи съ обѣихъ сторонъ не было того наивнаго увлеченія, которое такъ сладко въ уединеніи и въ

исключительной жизни. Присутствіе князя поселяетъ въ сердцѣ моемъ какое-то сжатіе.... больно мнѣ, что я такъ выражаюсь, но это правда. Форма и одна только форма, опрятная, благоволительная не удовлетворяетъ уже болѣе сердцу. И нынѣшній день дивный Пордечъ уносилъ меня въ превыспреннія и вождѣлennыя области для моего духа; другихъ книгъ я мало теперь читаю, а пробавляюсь газетами, которыя небогаты на этотъ разъ новостями.

*

6-го Марта.

Поповъ, обѣдавшій на дняхъ у князя, имѣлъ случай раскрыть предъ княземъ настоящую исторію Ковалькова; онъ ему то сказывалъ, о чемъ князь и не подозрѣвалъ. Это сердило Кологривую, издавна взявшую подъ свое покровительство Александра Иванов. Но Поповъ, не смотря на явные знаки негодованія Кологривой, продолжалъ рассказывать и тѣмъ съ болѣешимъ увлеченіемъ, что князю это казалось ново, и онъ вполне довѣрялъ ему. Кромѣ того въ другой день князь сталъ оказывать свое огорченіе на Прянишникова, говоря, что онъ возгордился особенно съ той поры, какъ получилъ кавалерію отъ Прусскаго короля; это тоже гнѣвило Кологривую, и она была недовольна такимъ отзывомъ князя. Здѣсь важно то, что старецъ началъ наконецъ всматриваться въ Прянишникова. Заходила ко мнѣ довольно рѣдкая гостья, именно дѣвица Мауреръ; она объявила мнѣ, что хочетъ оставить князя и что не находитъ возможности выносить дерзкіе поступки Козловскаго; недавно она сказала Кологривой, что, по неволѣ слушая, чтѣ говорить ей, Кологривой, Козловскій, она, еслибы была мужчиною, то вонзила бы шпагу въ грудь его: такъ рѣчь Козловскаго кажется ей грубою и дерзновенною. И дѣйствительно, все чтѣ можно сдѣлать ей обиднаго, то онъ все дѣлаетъ; когда садится читать князю и если въ это время Мауреръ тамъ, то поварачиваетъ свой стулъ и садится къ ней тыломъ... Мѣрѣя Владимировна рассказывала мнѣ, что Казначеевъ такъ выразился: вы не можете себѣ представить, какое чувство тоски и стѣсненія я ощущаю, когда посѣщаю князя; но не онъ тому причиною, а сестра его, наводящая на меня эту тѣсноту. Тоже говоритъ и полковникъ Олипа; я бы охотно пріѣзжалъ, выразился сей послѣдній, чтобы занять старца, чтобы почитать слѣпцу, но не рѣшуся на это, чтобы не быть въ контактѣ съ Кологривою.

Въ моемъ уединеніи я въ одномъ только возвращеніи ищу себѣ прохлады и утѣшенія; но грузная грѣхомъ душа моя не растеплевается любовію и преданностію ко Господу; какая-то лѣнь напала на меня; ничего не могу писать, ничемъ заняться не могу; впрочемъ, я не прозябаю, но и не живу. Новаго рода сны беспокоятъ меня; я вижу

золото въ монетахъ. Въ нынѣшнюю ночь видѣлъ Государыню и Государя, дающаго мнѣ въ ладонь нѣсколько золотыхъ монетъ. Что этотъ сонъ предвѣщаетъ? Не навожденіе-ли лестчаго духа? Да избавить насъ отъ этого Господь! Въ Немъ вся моя надежда и упованіе.

*

7-го Марта.

До меня дошелъ слухъ, что Анна Александр. собирается въ путь; она оставляетъ Розовый Павильонъ, но не Южный берегъ, по которому хочетъ поѣздить, прежде чѣмъ оставить навсегда Крымъ. Оедотъ, любимый человѣкъ Кологривой, какъ говорятъ, также намѣревается оставить свою барыню, а она на него всю надежду полагала, по причинѣ якобы неудовольствій отъ Козловскаго. Варинька была сего-дня для обычнаго чтенія у князя, имѣла громкій разговоръ съ Кологривою; предметъ разговора состоялъ въ томъ, что во время прошлагодняго пребыванія моего въ Эвпаторіи меня тамъ очень всѣ ласкали и что мнѣ было весело; на это Кологривова клала свои аргументы и находила въ такой простой вещи вещество для оспариванья. Когда за столомъ начали говорить, что мнѣ можетъ быть опять приведется ѣхать въ Эвпаторію, потому что въ колѣнкахъ оказывается прежняя боль, на это князь вымолвилъ: я знаю, что онъ не поѣдетъ. Этимъ словомъ, онъ далъ замѣтить, что извѣстны ему мои предположенія. При Варинькѣ случилась сцена: Кологривая разогорчила такъ сильно дѣвицу Мауреръ, живущую въ домѣ князя, что та ушла въ другую комнату и долго плакала; князь, кажется, замѣтилъ ея слезы и спрашивалъ ее о томъ съ участіемъ. По всему вѣроятію, дѣвица Мауреръ не долго наживетъ у князя.

*

8-го Марта.

Я продолжаю вкушать Пордеча; чудныя его откровенія низлагаютъ величіемъ духъ мой; какъ сладко и отрадно вглядываться, сколько слабое человѣчество позволяетъ, въ непостижимое существо Бога и Господа. Тихая вѣчность, міръ вѣчной натуры, Ангельскій міръ съ его подраздѣленіемъ наполняютъ душу особенною сладостію. Господи Боже! Позволь моему прелюбодѣйному и искаженному сердцу воздать и принести Тебѣ посильную дань хваленія, прославленія и самопреданія, къ которому только я способенъ по великой благодати Твоей. Не лиши меня упованія, что кровь возлюбленнаго Сына Твоего омоетъ, предъ очами Твоими, и мои беззаконія.—Заходила ко мнѣ Машенька проститься; она съ теткою ѣдетъ на дачу къ Арсеньевымъ. Только что предъ этимъ сидѣлъ у нихъ князь и, по словамъ Машеньки, тетка ея была въ ударѣ рассказывать князю, по ея обыкновенію, со словами и великимъ дѣи-

женіемъ. Она передала ему, что знала о Козловскомъ; князь же, по точнымъ словамъ Машеньки, крѣпко потѣлъ, выслушивая эту не-поэтическую повѣсть чиновническихъ невѣрностей и отступленій. По видимому, она поколебала его; увидимъ послѣдствія. Обо мнѣ князь выразился, что онъ мною доволенъ и отдастъ мнѣ справедливость и что если я выхожу въ отставку, то объ этомъ ему было извѣстно еще до отъѣзда моего изъ Петербурга изъ собственныхъ словъ моихъ; что когда ему, князю, исполнится 70 лѣтъ, то я тогда намѣревался оставить службу. Муравьева въ своемъ увлеченіи ни о комъ не забыла; она въ ясной картинѣ представила князю, какъ всѣ мы терпимъ, отъ Козловскаго; какъ онъ всѣмъ грубитъ, какъ не кланяется, какъ пьяный спитъ и храпитъ въ его присутствіи. Князь возражалъ, что Козловскій ему нуженъ и что нельзя же всѣхъ отгонять отъ себя, не увѣрившись въ ихъ виновности и проч. Муравьева прибавила къ этому, что, по собственнымъ словамъ сестры его, Козловскій подозрѣвается въ распечатываніи пакетовъ, даже въ неоднократной кражѣ денегъ и притомъ суммъ значительныхъ, какъ-то 1000 рубл., о чемъ именно утверждала сестра его и проч. (но Богъ знаетъ, вѣрно ли это, потому что вовсе не доказано; но, что Кологривъ говорила это, въ томъ нѣтъ сомнѣнія). Машенька сказывала также мнѣ, что и дѣвица Мауреръ, не умѣя уже сносить нападковъ того-же Козловскаго, рѣшилась объясниться съ княземъ; она сказала камердинеру князеву Семену, чтобы онъ доложилъ князю, что Мауреръ проситъ у него аудіенціи; но Семень не захотѣлъ сдѣлать этого, а потому она уже сама рѣшилась попросить у него особеннаго свиданія, которое и назначено завтра.

*

9-го Марта.

И сегодняшній день сырость и дождикъ, который ливня лилъ и день и ночь.—Я окончилъ второй томъ Пордеча, есть еще третій, но я его не получилъ отъ князя. Описаніе ангельскаго міра восхитительно; не смотря на крайне устарѣлый и грубый переводъ, нѣтъ занимательнѣе чтенія, какъ эта книга.

*

10-го Марта.

Дѣвицу Мауреръ князь оставилъ у себя въ домѣ, сказавши ей, что ты у меня гостишь и не у кого другаго. Вѣра Алексѣевна распространилась въ разсказахъ, какъ вела она бесѣду со старцемъ; она его разочаровывала съ плачемъ и рыданіями; старцу тяжело было выслушивать столь жесткія истины. Что мнѣ дѣлать съ сестрою, говорилъ онъ: чѣмъ болѣе станешь не соглашаться съ ея мнѣніями, тѣмъ болѣе у нея найдется противностей; по моему мнѣнію, лучше отступить,

вѣдь не отослать же ее отъ себя. Что-же касается до Козловскаго, то при первой повѣркѣ какого-нибудь неприличнаго поступка, имъ учиненнаго, онъ держать его болѣе при себѣ не станетъ. Машинька принесла мнѣ новый романъ любимаго мною Занда. Цѣлый день я провелъ въ чтеніи. Приступилъ къ Библіи; двѣ главы изъ Вѣтхаго Завѣта и одну главу изъ Новаго; кромѣ того часть диссертациі о божественности Священнаго Писанія; я читаю вдругъ три тома. Вся же Библія, текстъ и множество диссертаций, составляютъ 25 томовъ in 8° мелкой печати; не знаю, какъ окончу всѣ сіи томы, а хотѣлось бы очень до своей смерти окончить Завѣтъ и Слово Божіе къ человѣкамъ. Кромѣ обычнаго чтенія изъ Часовъ Благоговѣнія, началъ я читать романъ Зандовъ, подъ названіемъ Мопра. Прелесть да и только; это третій романъ я читаю сего автора, живя на южномъ берегу Крыма; сколько занимательности, сколько ума, вкуса! Писемъ же путешественника того-же автора я не могъ окончить: они показались мнѣ скучными.

*

11-го Марта.

Княгиня Мещерская рассказывала Попову, что до пріѣзда еще сюда князева, Кологривая жаловалась Мещерской на брата; та выслушивала ея ропотъ въ разныхъ видахъ и, повѣривши на слово, написала о томъ сестрѣ своей Татьянѣ Потемкиной письмо, а та передала письмо Государынѣ; вслѣдствіе этого и было отъ Императрицы то письмо къ князю, которое столько поразило меня, о чемъ и упомянуто въ журналѣ моемъ въ Февралѣ прошлаго года. Государыня очень лестно отозвалась о Кологривой и усвоила ей одной всю обязательность и тяжесть ея заслугъ въ отношеніи князя, выключая уже насъ всѣхъ изъ этой категоріи. И теперь, говоритъ Дмитр. Иванов., ежели до чего дойдетъ только дѣло, Кологривая возглашаетъ: меня Императрица знаетъ, какъ я тружусь.....

*

12-го Марта.

Путру мы опять съ Кологривою разговаривали, гдѣ бы намъ жить. Какая-то яркая и свѣтлая мысль пришла мнѣ, чтобы поселиться въ Кіевѣ и отнюдь не въ Москвѣ, невольной свидѣтельница моихъ прежнихъ развратовъ и беззаконій.—По какому-то безотчетному инстинкту, послѣ обѣда я даже не курилъ и трубки, до которой я очень охотникъ.

*

14-го Марта.

Послѣ обѣда я разсматривалъ христоматію Галахову и читая оную, проливалъ обильныя слезы. Что за странность: когда примусь за стихи,

всегда горько плачу. Вотъ напимѣръ обращикъ, что меня поражаетъ. Великая тайна. (Дума).

Тучи носятъ воду,
Вода носитьъ землю
Земля плодъ приносить;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа.....
Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка

Вѣчность вопрошаетъ:
Чѣмъ кончилось дѣло?
Вопроси другаго,
Каждый отвѣчаетъ.
Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ,
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя.....

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?
О, гори лампада,
Ярче предъ Распятіемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Кольцовъ.

Или, напимѣръ піеска Лермонтова, подъ названіемъ: *Молитва*:
Въ минуту жизни трудную....

Когда духъ подготовленъ къ воспріятію какихъ либо чувствованій, болѣе, или, менѣе возвышенныхъ, какъ-то плачется; радуешься и слезамъ, ибо ихъ рѣдко встрѣчаешь и уловляешь въ себѣ во время безцвѣтной, практической жизни.

*

15-го Марта.

Предъ обѣдомъ посѣтилъ меня старецъ-князь; онъ нарочно для меня пріѣхалъ; пріосидѣлъ у меня часа полтора. Мы разговаривали съ нимъ о духовныхъ предметахъ. Я прочиталъ ему Кальметову диссертацию о Вѣчномъ Жидѣ. На этотъ разъ я замѣтилъ въ князѣ болѣе мягкости нежели когда-либо.—Поутру, еще мы не успѣли напиться чаю, какъ прислала къ намъ свою дѣвочку Анна Александровна съ тѣмъ, чтобы жена моя у нея побывала. И вотъ какъ возвратилась Катя отъ Турчаниновой, то принесла мнѣ разныя извѣстія. Турчанинова уже отправляется въ дорогу; она передавала разныя соображенія и давала разные совѣты женѣ моей, но это все относилось къ моей особѣ. Она приказывала мнѣ чрезъ жену мою, чтобы я былъ остороженъ въ словахъ и поступкахъ съ Вѣрою Алексѣевною, Марьею Владимировною и даже съ самимъ Дмитр. Иванович. Юрій Никитичъ откро-

вененъ, ему надобно быть осторожнѣе. Давала рѣшительный совѣтъ не подавать въ Апрѣлѣ просьбы въ отставку, а подождать, по крайней мѣрѣ, Мая мѣсяца, и это она основывала на такихъ обстоятельствахъ, которыя всѣ клонились въ мою пользу, но о коихъ нельзя записать въ журналѣ, не нарушивъ даннаго слова. Она и опять говорила обо мнѣ съ княземъ, который благоволиительно обо мнѣ отозвался и готовъ все сдѣлать, что можно будетъ. Анна Алек. наконецъ оставила Розовой Павильонъ, и я не успѣлъ написать ей прощальной записочки, которую уже довелось послать съ лѣкаремъ Зеленкевичемъ къ ней въ Ялту.

*

16-го Марта.

Жена моя что-то поутру взыскивала съ моего камердинера Ивана, и ей показалось, что онъ согрубилъ предъ нею. Я вышелъ и прибилъ его; я билъ его руками и кулаками по лицу, взойдя въ какое-то неистовство.... Этотъ поступокъ показываетъ, какъ глубоко во мнѣ христіанское самосознаніе. Не стану утѣшать себя изображеніемъ облегчительныхъ для меня причинъ въ таковомъ дѣлѣ: что бы я ни написалъ, все не будетъ годиться и служить къ моему оправданію; лучше замолчать и сказать, что совѣсть вѣрно и хорошо напомнила мнѣ въ продолженіе цѣлаго дня, что я сдѣлалъ гнусный грѣхъ и недостойное благороднаго человѣка дѣйствіе. Вскорѣ я извинился предъ слугою и дворянскими средствами тушилъ въ слугѣ моемъ человѣческое негодованіе. Таковъ-то я со своимъ моленіемъ и возвращеніемъ!

*

17-го Марта.

Дмитр. Иванов. Поповъ раскрылъ мнѣ ужаснѣйшія вещи про Анну Александровну. Что говорила она по величайшему секрету женѣ моей, это знаетъ и Дмитрій Ивановичъ. Съ самаго его пріѣзда сюда она подзывала и подстрекала его заступитъ мое мѣсто; что-же касается до меня, то находила меня во всемъ виновнымъ, что князь обмелѣлъ въ своемъ ко мнѣ довѣріи. Съ самаго пріѣзда въ Крымъ, онъ только заботился о своей квартирѣ; а ему бы сей часъ вступить въ свои права, взять въ свои руки переписку, домъ князевъ и проч. Сдѣлалось же такъ, что его самого приглашаютъ къ князю въ назначенное время; онъ самъ все это упустилъ, не на кого пенять. Я рада, говорила Турчанинова, что онъ ко мнѣ не ходитъ, потому что опасаюсь его болтливости и проч. Предложенія вступить Попову въ службу князеву даже дѣланы были Турчаниновою за три дня до ея отъѣзда. Между тѣмъ я ласкалъ эту женщину, усваивалъ наносимыя ей оскорбленія, какъ будто мнѣ дѣланныя; тутъ большая часть и негодованія моего на Кологривую. Жена моя раздѣляла съ нею лучшіе куски своего

стола; кухарка наша, въ ущербъ собственныхъ нашихъ удобствъ, готовила для нея и угождала именно потому, что намъ это было пріятно. Турчанинова ласкала и льстила намъ возвышенною, прочною, христіанскою любовію, между тѣмъ какъ постоянное свойство воли ея играть людьми, какъ шашками и переставлять ихъ по своему произволу. Но мнѣ кажется что и самъ раскащикъ не такъ чистъ, какъ онъ самъ себя представляетъ; есть много смутныхъ и непрозрачныхъ обстоятельствъ, которыя, чрезъ наведеніе, показываютъ, что Поповъ долго и постоянно меня мистифировалъ. Самолюбіе мое чрезмѣрно оскорбилось, и я провелъ печальную ночь. Одна религія могла утѣшать меня, и я передалъ себя Святому Провидѣнію. Турчанинова не совсѣмъ хорошо разсталась и съ княземъ: она круто и съ сердцемъ объявила ему, что онъ не по Божіей волѣ сюда пріѣхалъ, а по наважденію врага и проч.

*

18-го Марта.

Болѣзнь сестры князевой очень обезпокоила насъ съ женою; ну, если она умретъ, подумали мы: мнѣ нельзя тогда будетъ подать въ отставку просьбу.

*

19-го Марта.

Князь нечаянно посѣтилъ меня. Между прочими разговорами сказалъ онъ мнѣ и о болѣзни сестры своей. Докторъ Шмидтъ сказывалъ, мнѣ, говорилъ князь, что она была въ опасномъ положеніи, что у нея едва-ли не былъ ударъ. Мнѣ жаль сестры и всегда было, а теперь и по эгоизму ея жалю: чтѣ я буду безъ нея, если она умретъ? Я замѣтилъ князю, что по какому-бы то побужденію ни было, особенно въ разсужденіи любви братской, нельзя еще эту любовь называть эгоизмомъ или, по крайней мѣрѣ, не должно. Я не замѣтилъ въ князѣ особенной тревоги и, признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ болѣе безпокойства. Князь приказалъ мнѣ составить письмо для Муравьевой (она не желала, чтобы писалъ его Козловскій). Съ старикомъ-княземъ у меня какая-то выдержка; душа моя разочаровывается болѣе и болѣе. Потомъ пришелъ кн. Мещерскій; завязался общій разговоръ. Мещерскій вполне удостовѣрилъ меня въ своей ограниченности и ничтожности, когда взялся судить о Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, доказывая, какъ оно бесполезно для крестьянъ. Князь защищалъ и способности гр. Киселева, и очевидную пользу его практическихъ дѣйствованій; я молчалъ, мнѣ было скучно слушать. Когда князь ушелъ, то Мещерскій уведомилъ меня о наградѣ денежной, полученной Козловскимъ по представленію князя, состоящей изъ 500 рублей серебр.

Разговорились о Кологрив., ну, если она умретъ, и вотъ Мещерскій сказалъ мнѣ, что жена моя могла-бы замѣнить это мѣсто у князя. Я такъ разгорячился, доказывая этому ограниченному человѣку всю нелѣпость и дикость его предположенія, что почти вышелъ изъ себя. Однако мы тихо разстались. Жена отправилась навѣщать больную Кологривую. Виновата я предъ вашимъ мужемъ, сказала Кологривля женѣ моей; ему за это заплатится, и онъ одинъ только, который не жаловался на меня моему брату. Онъ за мое зло заплатилъ мнѣ добромъ. Ну, если-бы онъ зналъ, что она за мое зло заплатитъ мнѣ добромъ? Ну, если-бы она знала, что я пописываю о ней въ моемъ журналѣ? Вообще Кологривая была очень довольна приходомъ и посѣщеніемъ жены моей и не разъ ей это выговаривала. Она бѣдненькая, по словамъ жены моей, какъ бы оставлена всѣми; мало съ нею больною тамъ и говорятъ. Муравьева тоже тамъ лежала, какъ жена моя пришла въ домъ князевъ; у ногъ ея сидѣла дѣвица Мауреръ и о чемъ-то толковала. Муравьева, лежавшая въ домѣ княземъ по причинѣ недуга въ спинѣ, пришла однако ко мнѣ вечеромъ и долго у меня просидѣла. Это по предмету письма, которое я въ тотъ же вечеръ и написалъ вчернѣ и вручилъ ей, для лучшаго придуманья. Сего-дня ничего не читалъ полезнаго для души, а шатался только по журнальнымъ и газетнымъ площадямъ (газетъ и журналовъ мнѣ нанесли довольно, жена моя принесла отъ князя два дюжихъ номера Москвитянина). Весь день я пробылъ въ этой журнальной и газетной лихорадкѣ; въ это время обыкновенно я лѣнюсь и ничѣмъ не могу заняться; всѣ душевныя мои силы вылупаются, такъ сказать, въ какую-то обыденную пытливость. Засохшее сердце для молитвенныхъ воспоминаній въ это время еще болѣе высыхаетъ. Турчанинова изъ Ялты прислала намъ половину рыбы камбалы (turbot), это лучшая здѣсь рыба; а лекарь Зеленкевичъ привезъ нѣсколько фунтовъ бѣлужины.

*

20-го Марта.

Я принялся писать въ Москву къ Аннѣ Егоровнѣ Смѣльской съ тѣмъ, чтобы она купила намъ чаю и осмотрѣла одинъ продажный домъ, о которомъ я вычиталъ въ Московскихъ газетахъ: рано пташечка запѣла, кабы кошечка не съѣла! Утромъ зашелъ ко мнѣ Дмитр. Ивановъ, принесшій намъ извѣстіе, что болѣзнь Елис. Михайл. не облегчается, но становится якобы опасною. Попова смутило спокойное состояніе князя, который тихонько рассказывалъ ему, какъ сестра его, по словамъ Шмидта, была опасна. Мы соблазнились такимъ индеферентизмомъ князя, но Поповъ устыдилъ и испугалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ: когда намъ будетъ 70 лѣтъ, можетъ быть, мы еще болѣе

будемъ равнодушны ко всему, чѣмъ онъ. Попова замѣтно беспокоить, что Турчанинова осталась на нѣкоторое время въ Ялтѣ; впрочемъ она звала его къ себѣ въ гости, звала Муравьеву и дѣвицу Ницъ. Послѣ обѣда зашла ко мнѣ Муравьева и принесла проэктъ письма, о которомъ просила князя; проэктъ уже былъ испробованъ княземъ.

*

21-го Марта.

И нынѣшній день посвященъ былъ разсѣянію: мало я въ себѣ находилъ того, что отдѣляло бы насъ отъ прозябаемой жизни. Поутру пришла ко мнѣ Муравьева. Письмо было на бѣло готово; пріѣхалъ и князь для прослушанья его и подписанья; князь остался доволенъ редакціею и подписалъ его. Я подвелъ князя къ моему бюро, направилъ его руку, и онъ подписалъ письмо къ гр. Воронцову, гдѣ рекомендовалъ ему сына Муравьевой, чтобы тотъ принялъ его въ свой штатъ. Такимъ образомъ бюро мое послужило въ Крыму и самому князю, который однако отозвался, что оно очень высоко. Муравьева поосталась послѣ князя и раскрыла мнѣ домашнюю и внутреннюю жизнь свою; признаться, плохи дѣла ея! Варв. Петров. отправилась на обычное чтеніе къ князю и оттуда прислала мнѣ Пордечеву Метафизику, третій и послѣдній томъ. Я немножко только успѣлъ почитать ее и уснулъ съ нею на ложѣ своемъ. Я пропустилъ на первый разъ описаніе ада, а началъ съ изображенія райскаго начала и рая. Во время сна моего Катя озаботилась, наложила на тарелку нѣсколько сортовъ изюму и черносливу и поставила на столъ, а сама ушла въ церковь. Хотя это вещь ничтожная, но идея обязавшая это сдѣлать жену мою очень для меня была цѣнна, и эти нѣжности семидесятыхъ лѣтъ, признаться, сладки и отрадны! Возвратившаяся Варв. Петр. сказывала мнѣ, что старикъ подарилъ Козловскому прекрасные золотые часы. Дѣло идетъ хорошо, и неужели мнѣ завидовать столь частымъ подаркамъ? Можетъ быть, въ душѣ моей есть мѣсто и для сего гнуснаго порока, когда въ ней находилось столь много простора для другихъ пороковъ.

*

22-го Марта.

Вечеромъ приходилъ ко мнѣ священникъ и уговаривалъ меня, если только Богъ допуститъ, чтобы я пріобщился въ Свѣтлое Христово Воскресенье; но мнѣ страшно и совѣстно не говѣя приступить къ такому страшному таинству.

*

23-го Марта.

Дмитр. Иван. между прочимъ сказалъ мнѣ, что дѣвочка Турчаниновой при отъѣздѣ своемъ сказала ихъ женщинамъ, что она слу-

жить у барыни своей почти полтора-года и что проживали онъ въ это время въ разныхъ пяти мѣстахъ и изъ всѣхъ этихъ мѣстъ безъ ссоры не выѣзжали; теперь только мы выѣзжаемъ отъ васъ мирно. Дѣвочка вѣрно не знала, прибавилъ Дмитр. Иван., о размолвкѣ ея барыни съ нами.

24-го Марта.

Мнѣ представилось, что теперь начало моей смертной болѣзни, что развитіе оной во рту будетъ предметомъ постояннымъ и моего собственнаго и другихъ омерзенія. Мнѣ представилась эта тягость, которую я доставляю моимъ ближнимъ, которые ухаживать будутъ за моею болѣзнію; мнѣ живо также представилась та постепенность развитія, которая послѣдовательно отъ одной части будетъ переходить къ другой, заражать мѣста здоровыя и все это во рту, видной и, такъ сказать, благороднѣйшей части тѣла. Наконецъ это зловоніе, эта гнусность моего недуга, все это живописалось мнѣ живо и неотразимо. Я возтрепеталъ духомъ. Я собрался сдѣлать актъ самопреданія Господу. Умереть, такъ умереть, подумалъ я, позже или ранѣе все равно; ибо все родившееся умираетъ, ибо для того все и рождается, чтобъ умереть. Все со мною живущее, одушевленное и неодушевленное, все должно умереть. Я, такъ сказать, сложился предать себя въ полную волю Божію и наконецъ нашелъ въ себѣ унылую сладость этаго акта моего, и вотъ почему началъ писать и читать, желая сими занятіями притупить жало этихъ безотрадныхъ чувствованій.

Кіевъ снова началъ проявляться въ душѣ моей, и я доселѣ обычный помыслъ мой о Москвѣ, съ какою-то живостью усмотрѣнія, началъ перемѣнять на мысль о Кіевѣ, гдѣ жить можно тише, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ нѣкогда злоупотребленія сердца моего несравненно въ обширнѣйшемъ размѣрѣ случались, чѣмъ въ Кіевѣ.

25-го Марта.

Сего-дня день рожденія друга моего, Кати; я проснулся безъ особенной грусти; помолился Богу и приступилъ къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Утромъ удалось мнѣ просторно почитать объ адѣ изъ третьей части Пордчевой Метафизики. Читая этаго автора, я болѣе и болѣе начинаю понимать его; мнѣ легко и сладко слѣдить за писателемъ боговдохновеннымъ и наполненнымъ вѣдѣнія. Я написалъ письмо къ Фабру, директору канцеляріи гр. Воронцова; это письмо служило проводникомъ письма князя. Нѣсколько разъ присылала Муравьева напоминать о немъ. Сего-дня я припасъ было необходимыя бумаги, чтобы составить проэктъ письма къ князю о моей отставкѣ, но мнѣ не удалось, и я написалъ только записку чего-бы мнѣ хотѣлось. Я призвалъ Катю на совѣтъ, потому что мнѣ желалось попросить князя, чтобы

онъ испросилъ мнѣ, между прочимъ, у Государя, дабы послѣ моей смерти содержаніе мнѣ усвоенное обратили женѣ моей. Катя отговорила меня отъ сего намѣренія. Чтò мнѣ слѣдовать будетъ, то мнѣ безъ сомнѣнія дадутъ, а для чего мнѣ многого желать? Накопленіемъ и размноженіемъ подобныхъ требованій ты только повредишь себѣ: ибо чѣмъ менѣе желать станешь при своей отставкѣ, тѣмъ легче тебѣ что нибудь получить можно. А мнѣ на что все твое содержаніе? Когда тебя не будетъ, я въ тотъ же часъ, если только мнѣ можно будетъ, пойду въ монахини; это прежнее и всегдашнее стремленіе моего сердца. Тогда на что большія деньги? Въ общинѣ многого не требуютъ. Тутъ пришло мнѣ какое-то желаніе распорядиться достояніемъ моимъ, и я созрѣлъ въ какую-то готовность сдѣлать духовную. Главная моя мысль состояла въ томъ, чтобы половину моего небольшого капитала, который у меня найдется, отдать моей женѣ; другую же половину на разныя выдачи. Мнѣ захотѣлось значительную частицу изъ второй половины моего капитала отдать г-жѣ Саррѣ Бюллеръ для ея заведеній. Обращая блудницъ въ честныхъ и домовитыхъ женщинъ, она дѣлаетъ или совершаетъ подвигъ по сердцу моему. Для нѣкоторой очистки души моей, мнѣ бы желательно прикрутиться хотя по смерти къ такому богоугодному стремленію. Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы выпустить на волю людей мнѣ служившихъ и всякаго изъ нихъ наградить по силамъ моимъ. Обо всемъ этомъ я толковалъ съ женою моею. Потомъ мы начали съ нею разсуждать, гдѣ намъ жить, и она нашла, что жить въ Кіевѣ гораздо приличнѣе. Твои страсти еще не умерли, сказала она, а въ Москвѣ все можетъ ввести тебя въ искушеніе. Театръ, разныя собранія, тысяча случаевъ, которыми наполняется столичная жизнь, все наконецъ можетъ послужить для тебя подстреканіями, и ты можешь легко пасть, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ всего этого найдется менѣе, да притомъ и жить въ Кіевѣ дешевле. Обѣдъ у насъ былъ очень хорошій. Турчанинова всѣмъ намъ прислала изъ Ялты по гостинчику, именно по камбалѣ, которая есть знаменитость между рыбами; она у насъ въ жаркомъ была, сладкій пирогъ былъ преотличнѣйшій; яблоки въ немъ такъ были приготовлены, что походили на цукаты.

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ отецъ Андрей со крестомъ и требникомъ и предлагаетъ мнѣ исповѣдь. Я тотъ-часъ согласился на это, и Господь привелъ мнѣ исповѣдаться, а Вариньку заставилъ прочитать молитвы о причащеніи. Ложиться некогда было, и я началъ приготовляться идти въ церковь къ заутренѣ, которая должна была начаться гораздо прежде полуночи, какъ это обыкновенно вездѣ дѣлается; но, дабы поспѣть отслужить заутреню и въ Алупкѣ, нашъ священникъ поторопился окончить ее поранѣе у насъ. И такъ, говорю, я приго-

товился идти къ заутренѣ, не выходя болѣе шести недѣль изъ своей комнаты. Чтѣ будетъ, то будетъ, подумалъ я, но для щастія принять въ свою внутренность Самаго Спасителя стоило порисковать и болѣзнію своею, ибо воображалъ, что на дворѣ будетъ холодно, а въ церкви сыро. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы идти въ постелю, я отправился въ церковь. Слѣдовательно этотъ день я не ночевалъ, хотя и отдохнулъ немножко послѣ обѣда.

26-го Марта.

Съ трудомъ я перехристосовался съ моими знакомыми; глаза плохо ихъ узнавали. Княгиня Мещерская уговорила священника, не выходя изъ церкви, отслужить и обѣдню. Всѣ мы остались, и я одинъ имѣлъ счастье приобщиться святыхъ таинъ. Съ упоеніемъ радостнымъ возвратился я къ себѣ въ домъ, гдѣ встрѣтилъ меня усердный привѣтъ моихъ домочадцевъ; въ ихъ числѣ явилась и кухарка со своимъ мужемъ, который нечаянно пришелъ къ ней ночью изъ Севастополя пѣшкомъ. Супружеская-ли нѣжность или просто ревность побудили его на такой подвигъ, не знаю. Съ какимъ наслажденіемъ прилегъ я отдохнуть послѣ разгавливанья! Сладко и покойно уснулъ я. Проснувшись я занялся внутреннимъ упражненіемъ; этотъ трудъ былъ для меня не тягостенъ, и я не видалъ времени, какъ оно проходило въ этомъ занятіи. Послѣ сна я уже не одѣвался, а оставался въ одномъ шлафрокѣ. Пришелъ посѣтить меня Дмитр. Иванов.; онъ посидѣлъ у меня и выкурилъ трубку табаку; мы сладко съ нимъ побесѣдовали. Только что успѣлъ выдти Дмитр. Иванов., какъ нагрянула ко мнѣ толпа посѣтителей: князь Мещерскій со своею княгинею, при нихъ Любушка, Лиза и Настенька, потомъ Арсеньевъ съ женою и Марья Владимировна, а Муравьева не удостоила меня своимъ посѣщеніемъ. Въ это время я смиренно сидѣлъ въ своихъ креслахъ и велѣлъ подать себѣ яичко съ Четверговою солью. Мнѣ совѣстно было принять дамъ въ такомъ костюмѣ и положеніи, да дѣлать бы нечего. Кн. Мещерскій вмѣстѣ со своимъ посѣщеніемъ сдѣлалъ мнѣ самый сладостный сюрпризъ: онъ принесъ мнѣ первый томъ Консуелло Занда; этотъ романъ, одно изъ послѣднихъ произведеній даровитой г-жи Дюдеванъ, давно мнѣ хотѣлось прочитать. Я неоднократно писалъ даже объ этомъ и въ Петербургъ, даже недавно послалъ туда подтвержденіе, чтобы книгопродавецъ выслалъ ко мнѣ его, и вотъ первая часть столь желанной книги въ рукахъ моихъ. Я такъ былъ этимъ доволенъ, что, по уходѣ гостей, принялся съ жаромъ благодарить Господа, усвоивая Ему, для Котораго не чуждо все человѣческое, что это по Его распоряженію доставляется мнѣ столь желанное и давно ожидаемое наслажденіе. Въ то время, когда жена моя и Варинька ходили поздравлять князя, я сдѣлалъ над-

пись на второмъ томѣ или годовомъ изданіи Живописнаго Магазина и положилъ подъ подушку Варварѣ Петровнѣ, а Настинькѣ послалъ цѣлый годъ Дѣтскаго Журнала, какъ продолженіе къ прежнимъ; мнѣ онѣ прислали въ замѣнъ хорошо разрисованныхъ яицъ. Къ обѣду пріѣхалъ пара супруговъ Гартвисовъ; она не поспѣла къ обѣду князеву и обѣдала у меня, потому, что во время пріѣзда мы сидѣли за обѣдомъ, за которымъ были и священникъ съ дьячкомъ, приходившіе ко мнѣ славить. Гартвисъ-жена открыла жаркій споръ со мною за столомъ и, позабывъ приличіе, говорила все что только дурнаго можно сказать о моей достойной кухаркѣ, а я защищалъ ее, какъ умѣлъ. Гартвисъ объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ намѣреніе отправиться въ Лифляндію, гдѣ хотѣлъ бы продать свое имѣніе; онъ слышалъ, что извѣстный писатель Жуковскій хотѣлъ бы пріобрѣсти имѣніе въ Лифляндіи *).

28-го Марта, Вторникъ.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ самъ князь Александръ Николаевъ. и довольно долго сидитъ у меня; мы все время съ ними были наединѣ, но я ничего такого ему не говорилъ, въ чемъ укорить себя могъ. При отходѣ его, я просилъ князя, чтобы онъ похристосовался за меня со своею сестрою, что онъ принялъ съ особеннымъ удовольствіемъ; послѣ Вар. мнѣ сказывала, что какъ только онъ пріѣхалъ домой, такъ и выполнилъ это препорученіе съ какою-то особенною торжественностію. Замѣтно было, что и Кологривая осталась тѣмъ очень довольною.

За обѣдомъ я нарушилъ миръ своей совѣсти: очень много говорилъ непріятнаго на счетъ жены Гартвисъ, и даже при слугахъ. Еще поутру, вскорѣ послѣ сна, я почувалъ уже въ себѣ это чувство негодованія и вмѣсто того, чтобы подавлять его, я раздулъ напротивъ его въ брань и злословіе заочное... Варинька, уѣхавшая вмѣстѣ съ княземъ, возвратившись, рассказала мнѣ, что причина, почему въ Свѣтлое Воскресенье Муравьева не обѣдала у князя, какъ она прежде располагалась, произошла отъ новой сшибки съ Кологривою и при томъ такъ, что самъ князь сказалъ уже Муравьевой, чтобы она замолчала. Не смотря на погоду, Муравьева уѣхала въ Ялту въ гости къ Турчаниновой, которую однако она, какъ было прежде сказано, при случаѣ не щадитъ. Врядъ ли этою поѣздкою доволенъ и самъ князь. Онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что Муравьева уѣхала въ Ялту. Поступки Муравьевой и въ отношеніи меня очень странны; съ нѣкотораго времени тетушка и племянница меня совсѣмъ бросили и почти съ того дня, какъ я далъ имъ деньги взаймы...

*) Слухъ (кажется) невѣрный. П. Б.

29-го Марта, Середа.

Мещерскій очень печаленъ: любимый его камердинеръ нечаянно умеръ или, можетъ быть, убитъ. Онъ поѣхалъ вчера въ гости въ Мисхоръ верхомъ, оттуда отправился въ Алупку и потомъ вдругъ очутился лежащимъ на дорогѣ; его подняли, отнесли въ Алупку, а оттуда привезли въ домъ господина; всѣхъ словъ его было только то: книжникъ, плотникъ; платье на немъ цѣло, но книжника не оказалось. Собралась земская полиція свидѣтельствовать; былъ налицо и лекаръ, но Мещерскій не допустилъ его анатомить и принялъ всю отвѣтственность на себя. Петръ былъ правая рука у своихъ господъ. Князь Мещерскій непритворно пораженъ симъ неожиданнымъ событіемъ. Посылали за священникомъ при церкви князевой; священникъ отказался, говоря, что пусть возьмутъ отца Андрея, у котораго всѣ пріобщаются... Священникъ сердитъ на нашего духовнаго отца за то, что у всѣхъ у насъ онъ есть духовникъ. Я послалъ Ивана въ Ялту съ накопившимися письмами; велѣлъ для малютки-сынишки его купить матеріи желтаго цвѣта на рубашку. Недавно я ему подарилъ двѣ рубашечки, розовую и голубую. Этотъ двухгодовалый ребенокъ утѣшаетъ насъ своею невинностію; у него большое ко мнѣ усердіе; по утрамъ, обыкновенно, онъ приноситъ мнѣ мою трубку и подаетъ бумажки, чтобы закурить. Мальчикъ маленькій собою, съ курчавыми волосами на головѣ, съ прелестнѣйшею улыбкою на устахъ; онъ очень утѣшаетъ насъ всѣхъ своею невинностію и служить нѣкоторымъ развлеченіемъ въ нашемъ уединеніи.

31-го Марта, Пятница.

Я очень много занимался нынѣшнее утро Пордечемъ, продолжалъ читать его описаніе ада. Представитель этого скорбнаго міра есть духъ огненный, и онъ выше Люцифера... Страшно, когда Богъ отъ насъ отступится и предастъ насъ заслуженному возмездію. Да не будетъ того, Господи! Да простишь намъ неправоту нашу!.. Мои домашніе ушли навѣстить княгиню, которая опять поражена лихорадкою: нечаянная смерть камердинера Петра столь сильно ее поразила, что она впала опять въ ту же болѣзнь, которая недавно только ее оставила. Ко мнѣ приходила посидѣть Лиза; между прочими обстоятельствами горестнаго событія Лиза сказывала мнѣ, что Петръ не ѣхалъ на лошади, а велъ ее за поводъ, но не смотря на то, онъ оказался убитымъ... Князь Мещерскій груститъ и лишился аппетита.

1-го Апрѣля, 1844 года.

По возможности мѣстной, князь Мещерскій сдѣлалъ пышные похороны своему камердинеру; церковь была полна народомъ; много пришло изъ Алупки и прочихъ мѣстъ; послѣ былъ въ его домѣ обиль-

ный обѣдъ. Мещерскій слышалъ чрезъ Маурершу, что нашъ старый князь не на шутку разсердился на Муравьеву, и что врядъ ли заставить забыть недоразумѣнія. Я бы очень былъ радъ, говорилъ старый князь, когда бы всѣ *они* разѣхались; я былъ бы тогда покойнѣе. Здѣсь, кажется, и въ нашъ огородъ бросили камешекъ. Впрочемъ въ послѣднемъ событіи Муравьевой съ Кологривой послѣдняя была отъявленно виновата и занапрасно разобидѣла первую; она съ изступленіемъ на нее наскочила и все страшаетъ своею болѣзнію и смертію. Мещ. говорить, что никогда она, т. е. сестра князева, такой силы не имѣла, какъ нынѣ въ соединеніи съ Козловскимъ, и что теперь эта дѣвица дѣлаетъ все, чтò хочетъ съ княземъ, и тотъ добровольно исполняетъ всѣ ихъ внушенія. Потемкина писала къ своей сестрѣ княгинѣ Мещерской, что Поповъ¹⁾ являлся къ ней въ Петербургъ и просилъ, чтобы она защитила ото всѣхъ притѣсняемую Кологривую... Тутъ, можетъ быть, и меня многогрѣшнаго разумѣютъ, хотя я ото всего отступаюсь и вотъ почти восемь недѣль какъ не выхожу изъ комнаты. Княгиня Мещерская, какъ кажется, разувѣрила сестру свою, писавши къ ней обстоятельныя письма, даже на двѣнадцати листахъ; это все говорилъ мнѣ Мещерскій. Долго ли замарать человѣка! Варинька сказывала, что князь призывалъ отца Андрея, соборовался масломъ, но что это держать подъ величайшимъ секретомъ; это тѣмъ страннѣе, что князь никогда такъ хорошо не былъ здоровъ, какъ нынѣ.

Понедѣльникъ, 3-го Апрѣля.

Меня навѣстили сего-дня кн. Мещерскій и Казначеевъ; послѣдній пріѣхалъ въ гости къ Мещерскому и между прочимъ присутствовать при введеніи во владѣніе баронессы Беркгеймъ Корейскимъ имѣніемъ и вмѣстѣ быть при описи всего того, чтò оставила кн. Голицына²⁾. Сестра князя Мещерскаго³⁾ заводитъ съ баронессою дѣло и первую довѣренность дала Кологривой, Кологривая передала Жегочеву, а сей послѣдній передалъ Казначееву. Теперь начнется опись и вводъ во владѣніе.

Вторникъ, 4-го Апрѣля.

Были Казначеевъ и Мещерскій; потомъ приходилъ исправникъ со своею оравою, т. е. земскимъ судомъ; все осматривали, все переписывали. Въ отдѣльной баронессиною комнатѣ вскрывали даже запечатанные и запечатанные сундуки; было довольно шума, споровъ и проч.

¹⁾ Это извѣстный Гавріилъ Степановичъ. П. Б.

²⁾ Княгиня Анна Сергѣевна, поселившаяся раньше другихъ въ Корейскъ съ баронессою Крюднеръ. П. Б.

³⁾ Марья Ивановна Гончарова, послѣ которой Корейскъ достался ея сыну, Александру Ивановичу Гончарову, племяннику Н. И. Пушкиной. П. Б.

Управитель горячился, но долженъ былъ повиноваться суду: прикидывался больнымъ, но исправникъ пригрозилъ его, что арестуетъ, и тотъ опять пришелъ и выздоровѣлъ. Я не выходилъ изъ своей комнаты; въ ней и обѣдалъ. Варинька возвратившись передала мнѣ обязательныя слова князя; даже сама Кологривая вызывалась навѣстить меня: еслибы-де не была больна, то велѣла бы себя снести къ Юрію Никитичу.

Четвертокъ, 6-го Апрѣля.

Вотъ и желанный и столько ожидаемый наступилъ день, въ который минуло мнѣ тридцать лѣтъ службы. Довольно я послужилъ. Пусть день этотъ при волѣ Божіей будетъ границею и рубежомъ моего официальнаго и формальнаго дѣйствованія на землѣ. Это Геркулесовы столбы служебнаго моего странствованія. Да будетъ, да будетъ воля Божія во всемъ и во всѣхъ, вездѣ и во мнѣ! Я сегодня выбрился, вымылся и одѣлся, какъ обыкновенно въ здоровомъ состояніи бываетъ. Я послалъ увѣдомить и попросить у князя, чтобы прислалъ за мною экипажъ (на дворѣ было сыро и грязно). Князь отвѣтствовалъ, что онъ самъ за мною заѣдетъ, и дѣйствительно онъ пріѣхалъ; посидѣлъ у меня нѣкоторое время, поплакалъ, когда я ему прочиталъ о гробницѣ, уединенно расположенной на Парижскомъ кладбищѣ Виктора Теплякова, неопознаннаго современниками, какъ выразился Гречъ. Я читалъ князю обычное чтеніе, т. е. Путешествіе въ Испанію, которымъ онъ интересовался. Обѣдалъ у него; это случилось ровно чрезъ восемь недѣль, проведенныхъ мною въ одной комнатѣ. Съ нами обѣдала и Муравьева съ племянницею; не стану описывать безразсудство рѣчей ея, смѣсь неблагоразумія съ легкомысліемъ; по всему можно положить, что она должна въ скоромъ времени надобѣсть, какъ горькая рѣдка, старику-князю. Кологривая, перемѣнившаяся отъ болѣзни даже въ чертахъ лица, была мрачна и молчалива; она поражена паническимъ страхомъ ослѣпнуть. Между прочими разговорами я согласилъ князя напомнить графу Панину о Жегочевѣ, который губернаторомъ представленъ къ чину. Эта статья, слава Богу, кончилась благополучно. Братъ и сестра единоголосно его расхвалили. Вечеромъ благополучно привезли меня домой. При учтивой запискѣ племянницы я получилъ обратно свои деньги отъ Муравьевой, чему, признаюсь, немало былъ радъ.

8-го Апрѣля.

Я одѣлся какъ слѣдуетъ здоровому и пошелъ съ визитомъ къ Дмитр. Ивановичу; сперва онъ меня какъ-то странно принялъ, но послѣ обошлось лучше. Не смотря на прикосновеніе не очень для меня свѣтлое, я продолжалъ бесѣду и хотѣлъ казаться искреннимъ. Разговоръ касался до многихъ предметовъ и между прочимъ до Анны Александр.

Она разсталась съ женою Попова съ изъявленіями величайшей пріязни и изъ Ялты послала четѣ чрезъ Козловскаго даже благословеніе. Разумѣется, всѣ эти продѣлки уложены были хозяевами въ глубокое лицемѣріе. Поповъ сказывалъ между прочимъ, что князь выразился такимъ же почти образомъ, какъ и Мещерскій мнѣ сказывалъ. Хотя бы всѣ отъ меня уѣхали, сказалъ старикъ, и вотъ Муравьева, вмѣсто того, чтобы миръ вносить въ домъ мой, а у нея только и дѣла, что ссоры съ моею сестрою. Пришедши домой, я увидѣлъ, что шкафы съ книгами, принадлежащія баронессѣ и помѣщенные на моей галлерей, нечаянно, вѣрно отъ сырости и времени, раскрылись. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на книги и нашелъ на нижней полкѣ цѣлую вереницу старыхъ романовъ Августа Лафонтена; но только всѣ они были разбросаны и не въ порядкѣ. И вотъ я, запершись со всѣхъ сторонъ, одинъ съ моимъ мальчикомъ, ну книги подбирать и приводить въ порядокъ; разобравши такимъ образомъ, взялъ одинъ изъ романовъ для прочтенія и вотъ теперь читаю его тайно, чтобы никто о томъ не зналъ; этотъ романъ въ 4-частяхъ и называется *La nouvelle Arcadie ou l'intérieur de deux familles*. 1809. Этотъ романъ идиллическими своими сценами доставилъ мнѣ немалое удовольствіе, онъ составляетъ совершенную антитезу романамъ Зандъ и своимъ очень явнымъ различіемъ мнѣ на первый разъ понравился.—Время приближается моихъ объясненій съ княземъ, и душа нѣсколько обуревается отъ спора негодованія, можетъ быть, справедливаго, съ остатками душевной преданности, которую я еще питаю къ князю. Да будетъ что Богу угодно!

9-го Апрѣля.

День прекрасный и теплый. Я пошелъ къ князю для обычнаго чтенія; жена и Варинька меня провожали. Князь очень былъ доволенъ книгою; я стараюсь читать внятно и громко. Когда привезли къ нему почту, я тотъ же часъ удалился, чтобы не помѣшать чтенію, но онъ воротилъ меня, чтобы прочитать письмо, полученное имъ отъ митрополита Филарета. Хотя я и показываю себя веселымъ, но внутри чувствую принужденность и въ другихъ ощущаю ту же принужденность. Возвращаясь домой, встрѣтилъ Попова въ сопровожденіи Муравьевой и ея племянницы, какъ будто они не могли порознь идти обѣдать къ князю. Дорогою, онъ далъ мнѣ письмецо для прочтенія, полученное имъ изъ Москвы, отъ одного монаха-молитвенника, которымъ я очень интересуюсь.—Безъ меня былъ у жены Мещерскій и допрашивалъ ее, говорилъ ли я объ отставкѣ своей князю; хорошо бы еслибъ Юр. Ник. сказалъ ему объ этомъ, потому что Государь можетъ оставить Петербургъ, и тогда дѣло отставки продлится.... Жену удивилъ этотъ вопросъ: кому бы какое дѣло заботиться о моей отставкѣ?

10-го Апрѣля.

День пріятный и теплый; я пошелъ къ князю для чтенія и обѣда; у него я и чай пилъ. Сего-дня особенно долго сидѣлъ. За обѣдомъ привелось мнѣ кстати попросить у него аудіенціи. Мнѣ показалось, что онъ немножко смутился и назначилъ для этого утро Средаы. Разговоръ былъ довольно оживленъ, и мы о разныхъ вещахъ разговаривали. Елис. Михайл. чрезмѣрно хвалила Варвару Петр. и примолвила, что она не знаетъ, какъ достойно возблагодарить за все усердіе показанное сею послѣднею.

11-го Апрѣля.

Я началъ читать сего-дня институціи Таулера; книга эта есть произведеніе глубокой опытности и разумѣнія. Остальное время читалъ Лафонтеновъ романъ, отъ котораго не одинъ разъ выступали слезы на глаза.

12-го Апрѣля.

Я всталъ сего-дня очень рано, помолился сколько умѣлъ и смогъ Господу, выбрился, одѣлся и пошелъ къ князю. Погода была теплая и ясная; князь ожидалъ меня вверху. Въ спокойномъ и мирномъ состояніи я высказалъ ему о желаніи моемъ получить чистую отставку. Князь съ любовію и участіемъ принялъ это желаніе мое и при этомъ случаѣ сказалъ мнѣ: „Знаю о твоёмъ положеніи; все время ты былъ боленъ; знаю и о лишеніяхъ, которыя сопровождаютъ присутствіе всякаго, кто бы временно ни поселился здѣсь, потому ничего не могу сказать тебѣ вопреки твоего желанія. Еслибы ты вздумалъ послужить еще, то я бы тебѣ предложилъ мѣсто въ Совѣтъ Почтовомъ.— Не хочу и не могу я служить безъ васъ въ почтовой службѣ; если я и служилъ въ ней, то это для васъ. Въ лицѣ вашемъ я имѣлъ начальника добраго и снисходительнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ избалованъ вашимъ благоволеніемъ; этаго я безъ васъ не найду ни въ какой службѣ. Въ заключеніе князь велѣлъ мнѣ написать письмо къ себѣ, которое хотѣлъ отправить при своемъ къ Государю Императору. Я осмѣлился попросить его, чтобы онъ мнѣ продиктовалъ это письмо. Нельзя, сказалъ князь, потому что я собственною рукою долженъ написать къ Государю, а ты, пожалуйста, не сомнѣвайся въ моемъ къ тебѣ расположеніи. Я всегда тебя любилъ и теперь люблю тебя. Потомъ сказалъ мнѣ князь, въ чемъ должно состоять содержаніе письма и чтобы я ничего инаго не писалъ въ причину отставки, какъ болѣзнь свою. У меня другихъ и нѣтъ причинъ, отвѣтствовалъ я князю; я всеми остаюсь доволенъ и ни на кого вамъ не жалуюсь. Потомъ князь предложилъ мнѣ прочитать очень секретныя, по его мнѣнію, бумаги, касаю-

щіяся до императора Александра, что я и сдѣлалъ. Это было въ кабинетѣ, между тѣмъ какъ разговоръ нашъ былъ въ его спальнѣ.

Сойдя внизъ, князь велѣлъ мнѣ дать письмо Ковалькова, который, по видимому, былъ очень доволенъ. Въ этомъ письмѣ Ковальковъ увѣдомляетъ, между прочимъ, князя о полученіи табакерки съ брильянтовымъ вензелемъ Государя Императора. Всѣ знакомые его и присные, какъ-то Наталья Федотовна Плещеева, братски къ нему расположенный Прянишниковъ и Поповъ нашли, что эта награда не столь ощутительна въ поступательныхъ движеніяхъ служебнаго честолюбія; однако Ковальковъ доволенъ, потому что, по его мнѣнію, служба не есть торговля и проч. Желая сдѣлать угодное князю и подслужиться Козловскому, онъ пишетъ, что видѣлъ его письма у Попова, исполненныя теплоты и пламеннаго усердія, гдѣ Козловскій описывалъ различные фасы болѣзни князевой и проч. Каково письмо? спросилъ меня князь. Хорошо, отвѣчалъ я ему, но по моему мнѣнію, примолвилъ я, не для чего бы Ковалькову распространяться въ служебномъ смиреніи: подобныя табакерки даются только тайнымъ совѣтникамъ, а онъ еще и не тайный совѣтникъ. Что же касается до пламенныхъ чувствъ усердія Козловскаго, то повѣрьте, князь, что всѣ тѣ, кои имѣли щастіе знать васъ лично, не уступятъ ему въ этихъ пламенныхъ чувствахъ. Къ этому я прибавилъ стихъ изъ Священнаго Писанія: овѣи трудишася, а инѣи въ покой ихъ внидоша. На это Кологривая не устыдилась возразить мнѣ: это не самъ Козловскій писалъ, а я ему этѣ письма диктовала. Я замолчалъ, выслушавъ эту наглую и бесполезную ложь. Почитавши князю изъ обычнаго нашего чтенія, я отправился домой, гдѣ посѣтили меня Менцерскій и полковникъ Олива. Послѣдній занимательные рассказы дѣлалъ намъ о службѣ своей у Цесаревича Константина, подробности о графѣ Курутѣ и проч.

Такимъ образомъ я объяснился съ княземъ и этотъ день, если Богу будетъ угодно, будетъ началомъ новаго періода жизни моей. Я морально усталъ, но внутренно доволенъ, что все благополучно совершилось; разумѣю объясненіе съ княземъ. Господь допустилъ мнѣ это; князь на эту пору сдѣлался совершенно здоровъ, покоенъ въ духѣ, и мнѣ можно было ему также откровенно и спокойно передавать о семъ желаніи моемъ, во всякомъ случаѣ щекотливомъ для ушей начальника и вельможи, отъ котораго хотять отходить.

13-го Апрѣля.

Я ходилъ обѣдать къ князю и долго у него оставался. Читать ему не успѣлъ: помѣшали чтенію Менцерскій и полковникъ Олива, пришедшіе посѣтить его. Не зная чѣмъ другимъ занять гостей своихъ, князь занялъ ихъ разговорами о гастрономіи. Это дало мнѣ поводъ узнать,

что Цесаревичъ любилъ отличный столъ. Этотъ разговоръ такой возбудилъ во мнѣ аппетитъ, что я съ нетерпѣніемъ дожидался обѣда. Князь, желая познакомить меня съ устрицами, которыя здѣсь отличны, велѣлъ одну для меня зажарить, чтобы мнѣ не такъ было страшно ее проглотить; но увы, я не посмѣлъ или не рѣшился и жареную устрицу съѣсть. Князь потребовалъ ее послѣ къ себѣ и самъ скушалъ. За обѣдомъ былъ Арентъ, который долго и послѣ стола просидѣлъ у князя. Бесѣда его была занимательна; онъ намъ рассказывалъ о произведеніяхъ и естественныхъ предметахъ здѣшняго края. По словамъ его, здѣсь находится отъ 30 до 40 видовъ змѣй. Потомъ извѣщалъ онъ насъ о нѣкоторыхъ энтомологическихъ предметахъ, т. е. о любопытныхъ насѣкомыхъ; нѣкоторыя изъ нихъ кладутъ свои яйца на кожу четвероногихъ животныхъ, какъ-то коровъ и проч., инныя на стволы деревьевъ, отъ чего тѣ не приносятъ плода; а нѣкоторыя насѣкомыя вырѣваютъ даже во внутренности лошадей. Арентъ въ рѣкѣ Днѣпрѣ нашелъ новой видъ рыбки, неизвѣстный натуралистамъ. Я ему предложилъ прочитать свидѣтельство Зеленкевича о моей болѣзни, которое онъ все перемаралъ, находя въ ономъ празднаго разумноженія. Князю, какъ мнѣ показалось, скученъ былъ разговоръ его, и онъ очень ропталъ, что не послушалъ обычнаго нашего чтенія.

14-го Апрѣля.

Сего-дня былъ для меня сюрпризъ: сосѣдка моя Вѣра Алексѣевна Муравьева пригласила меня къ себѣ обѣдать. Вчера, видѣвшияся у князя, я шуткою укорилъ ее, что она отправила Попову въ подарокъ редисокъ, до которыхъ я охотникъ.... Обѣдъ былъ порядочный; поваренокъ изготавилъ супъ *à la tortue*, онъ на винѣ, и я съ большимъ аппетитомъ ѣлъ его. Съ нами обѣдали Арсеньевъ съ женою. Арсеньевъ, между прочими разговорами, пересказалъ намъ, что онъ своими глазами видѣлъ, что за обѣдомъ у графа Воронцова, гдѣ и нашъ князь находился, посаженъ былъ Мисхорскій управитель Борисъ. Этотъ Борисъ не иной кто, какъ деньщикъ военный и Богъ знаетъ по какому позволенію проживающій на дачѣ у Нарышкина. Не ходя еще къ сосѣдкѣ, я приготовился быть осторожнымъ, ибо полагалъ, что звали не безъ цѣли... Когда Муравьева оставалась одна со мною, то не одинъ разъ начинала разговоръ со мною: какъ же князю оставаться одному зимою? Не знаю, отвѣчалъ я. Племянница во время отсутствія тетки успѣла въ короткихъ словахъ рассказать намъ, что князь почти прямо ей, племянницѣ, говорилъ, что онъ весьма былъ бы радъ, когда-бы всѣ друзья его оставили и что онъ тяготится несдержанною ихъ любовію; это почти прямо на счетъ тетиньки, говорила племянница, но я не смѣю ей прямо о томъ сказать.

Въ домѣ княземъ покойникъ: знаменитый его поваръ Петръ, добрый и искусный малый, скончался отъ чахотки; онъ кармливалъ насъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и здѣсь. Миръ душѣ твоей, добрый человекъ, и Господь да устроить тебя во благо ради любезнаго и сладчайшаго ему сына Своего Іисуса Христа и Господа. Вчера и сего-дня пожираю, такъ сказать, семейственныя картины, столь умирительно изображенныя Лафонтеномъ. Не одинъ разъ выступали слезы на глаза отъ сего чтенія. Эти мирныя чувства, эта прозрачность частной и честной жизни навѣваютъ на меня родъ ободряющаго чего-то, въ преднамѣреніи моемъ оставить службу; онѣ подкапываютъ въ досталь развалины моихъ честолюбивыхъ помысловъ, и я благодарю Господа, что я читаю эту книгу. Мнѣ, право, кажется, что я и жену свою сталъ болѣе любить съ тѣхъ поръ какъ началъ читать это сочиненіе. О письмѣ, гдѣ объ отставкѣ надобно объяснять, мнѣ не удалось до сихъ поръ подумать. Въ этомъ случаѣ я поступаю по Цицероновскому правилу, т. е. понемножку спѣшу.

15-го Апрѣля.

Призвавъ на помощь Господа, приступилъ я къ проекту письма объ отставкѣ. Хотя и помѣшалъ мнѣ продолжать его приходъ Мещерскаго, но все однако я окончилъ его; я старался быть простымъ и краткимъ, избѣгая фразъ и риторическихъ украшеній. Вечеромъ посетилъ меня Поповъ; онъ съ жаромъ увѣрялъ меня, что Государь предоставитъ мнѣ получаемое нынѣ мною содержаніе и тѣмъ болѣе, сказалъ онъ, что на ваше мѣсто никого князь не представитъ. Послѣдній доводъ онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ. Поповъ съ грустію рассказывалъ, что сюда пріѣхалъ; не зачѣмъ бы ѣздить было сюда, говорилъ онъ; потомъ началъ находить похвальныя качества въ Муравьевой. Согрѣшилъ: мнѣ сдается, что Муравьева вчера, или въ Четвертокъ, когда князь у нея былъ, не ходатайствовала ли за Попова у князя, чтобы его помѣстили на мое мѣсто и какъ вѣроятно старикъ отказалъ, то вотъ и развязка столь крутой перемѣнѣ въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ Попова. Я болѣе и болѣе увѣряюсь, что онъ хитрилъ и теперь продолжаетъ хитрить предо мною, но хитрость бесполезная! Заѣзжалъ ко мнѣ докторъ Зеленкевичъ, я показывалъ ему переправленное свидѣтельство о моей болѣзни Арентомъ; прочитавши онъ нашелъ, что въ произведеніи г. инспектора вовсе не находится смысла, и потому рѣшились оставить его работу и замѣнить вновь сочиненнымъ свидѣтельствомъ, которое онъ и взялъ въ городъ для приложенія печати. Здѣшній управитель пришелъ ко мнѣ и принесъ мнѣ показать шесть золотниковъ сѣмени присланнаго къ нему здѣшнимъ инспекторомъ Стевеномъ; но это не сѣмя, а яички шелковичныхъ червей, которыхъ

я въ первый разъ вижу. Хорошо бы, еслибъ можно было увидѣть весь процессъ возрастанія и развитія этаго дѣла, гдѣ явна премудрость Божія. Жегочевъ пишетъ о Турчаниновой, что она принялась въ Симферополѣ лѣчить колченогаго мальчика, сына своего хозяина, у котораго остановилась; нѣсколько работниковъ, которые вѣрно колотятъ больного по ея требованію, устаютъ отъ продолжительнаго и тягостнаго занятія и къ концу подвига бываютъ всѣ въ поту. Мальчикъ началъ уже не только дѣйствовать больною ногою, но даже подымать значительныя тяжести; такъ пишетъ Жегочевъ. Онъ прибавляетъ о нѣжности г-жи Турчаниновой ко мнѣ, которая не иначе называетъ меня, какъ добрый Юр. Никит. и пр. Съ особеннымъ удовольствіемъ продолжаю я помаленьку Таулера, къ которому прибавилъ Оому Кемпійскаго и Августина.

16-го Апрѣля.

Въ нынѣшній день отпѣвають тѣло повара князева. Онъ умеръ отъ чахотки; смерть его была, повидимому, мирная; предъ своею кончиною онъ собралъ всѣхъ сослужащихъ своихъ братій, со всякимъ изъ нихъ простился и просилъ прощенія; подозвалъ свою мать и потребовалъ, чтобы она поцѣловала руку его, потомъ самъ попросилъ у нея руки, потомъ просилъ, чтобы она его благословила; велѣлъ свести себя съ кровати, довольно долго молился, послѣ опять приказалъ положить себя на кровать, перекрестился и умеръ..... Господь да упокоитъ душу твою, братъ Петръ, и да сдѣлаетъ сіе для безмѣрнаго Своего человеколюбія! Все семейство Мецкерскихъ ко мнѣ зашло, мужъ и жена выключая только Любиньки. Я пожаловался княгинѣ на мужа, который меня и жену постоянно отговаривалъ, когда мы намѣревались посѣтить ее. Точно вредно мнѣ разговаривать, сказала она: нервы мои такъ разстроены, Муравьева своими посѣщеніями всегда производить во мнѣ волненіе, и ея разговоры для меня тягостны. Я пошелъ вмѣстѣ съ княгинею къ своему старику для обычнаго чтенія; мнѣ однако мало удалось почитать ему. Къ обѣду явилась Муравьева, пріѣхалъ изъ Ялты Козловскій и когда я вышелъ отъ князя, то встрѣтился и Поповъ. Сказывали мнѣ, что сей послѣдній спѣшно началъ собираться, у него уже начали укладываться, велѣлъ моему человѣку вымѣнять себѣ мелкихъ денегъ и пр. Трудно узнать настоящую причину такимъ крутымъ перемѣнамъ.—Я продолжаю читать своего Лафонтена; онъ напояетъ мою душу живительными чувствованіями и, не смотря, что сочиненіе въ 5-ти томахъ, оно однакоже быстро приближается къ концу, такъ что изъ раскрытаго шкафа я просилъ Вариньку вынять мнѣ новый увражъ. На этотъ разъ достали для меня третій романъ того-же Лафонтена въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ *Varneck*

et Saldorf ou le Triomphe de l'amitié, traduit par I. B. B. Е***. Paris in 12, 1810.

17-го Апрѣля.

Приготовивъ письмо, я далъ прочитатъ его женѣ моей; она тоже присовѣтовала выпустить изъ него одно выраженіе, которое казалось мнѣ, что кстати помѣщено, однако я послушался и выпустилъ изъ письма то, что не понравилось женѣ моей. Послѣ я и самъ раздумалъ, что жена моя могла быть права, требуя отъ меня этаго. Я пошелъ по своему обыкновенію къ князю, обѣдалъ у него и довольно долго пробылъ. У князя подаль мнѣ Ѳедотъ, слуга Елиз. Михайл., запечатанный конвертъ; это были два экземпляра свидѣтельства о моей болѣзни, присланные ко мнѣ Зеленкевичемъ изъ Ялты и о которыхъ я заботился, что не получилъ ихъ вчера. Мнѣ-бы очень нужно было прочитатъ проэктъ моего письма къ князю, но какъ мнѣ сказать было ему объ этомъ; впрочемъ я рѣшился, при выходѣ своемъ, попросить его заѣхать ко мнѣ, если только это для него нетягостно; старецъ охотно далъ обѣщаніе.—Поутру зашелъ ко мнѣ маіоръ внутреннихъ инженеровъ Фремдеръ; кажется, онъ упалъ ко мнѣ ненарокомъ, потому, что не приняла его neodѣтая Муравьева. Я просилъ его, между прочимъ, доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ; у него есть нѣкоторыя записки и выписки, которыя успѣлъ онъ достать во время прошлагодней его поѣздки въ Петербургъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что у графа Клейнмихеля есть напечатанная книга, гдѣ изображена подробная линія предполагаемой дороги, распредѣленіе работъ для каждаго года и описаніе матеріаловъ и пр. Но эта книга не продается, и нигдѣ ее сыскать невозможно. Графъ Клейнмихель даритъ однако нѣкоторымъ сановникамъ, и Фремдеру извѣстно, что экземпляръ таковой книги подаренъ отъ Клейнмихеля и графу Воронцову. Эта книга напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ. Вуду ожидать отъ него хотя неполныхъ, но весьма интересныхъ для меня, свѣдѣній.

18-го Апрѣля.

Время сего-дня ясно и тепло, а посему я имѣлъ надежду, что не заѣдетъ-ли ко мнѣ князь вслѣдствіе даннаго обѣщанія, и потому я поспѣшилъ и выбраться и одѣться. И дѣйствительно князь не замедлилъ пріѣхать ко мнѣ; признаться я былъ доволенъ, но не менѣе удивленъ такому незабывчивому и скорому исполненію моей просьбы. Между прочими разговорами я попросилъ выслушать проэктъ моего къ нему письма.

По выслушаніи, онъ совершенно апробовалъ его и не перемѣнилъ ни одного выраженія. Потомъ я прочиталъ ему свидѣтельство о моей болѣзни, и этотъ актъ, составленный Зеленкевичемъ, онъ апро-

бывалъ. За чѣмъ дѣло стало, сказалъ онъ, когда ты мнѣ представишь всѣ эти бумаги? Хотя сего-дня, отвѣчалъ я. Тѣмъ лучше, сказалъ князь, и я завтра отправлю ихъ Государю при своемъ письмѣ; я продиктую письмо дѣвицѣ Мауреръ, а ты свои бумаги запечатай въ особомъ пакетѣ и перешли съ Варварой Петров., которая сего-дня придетъ ко мнѣ для обычнаго чтенія. Едва только я выпустилъ князя отъ себя, предоставя провожать его женѣ и Варинькѣ, самъ сей часъ къ бюро и за переписку. Въ скоромъ времени все было готово и, приложивъ къ письму свидѣтельство о болѣзни и формулярный списокъ, выданный мнѣ самимъ княземъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга за своею скрѣпою и съ аттестаціею, я все уложилъ въ одномъ конвертѣ, который сдѣлала мнѣ Варвара Петровн., запечаталъ своею большею печатью, велѣлъ записать его по заведенному порядку въ росписную книгу; въ полученіи его доставить въ собственныя руки князя росписалась въ книгѣ Варв. Петр. Такимъ образомъ, судьба моя надломилась къ быту отставному, независимому; но будетъ ли онъ лучшій для меня, не знаю. Богъ знаетъ! *Vogue la galère*, впередъ моя исторія! И послѣ сего рѣшительнаго дѣйствія съ меня, какъ бы великая ноша спала. Все въ Божіихъ рукахъ, и душа моя весьма далека, чтобы скорбѣть и сожалѣть о моемъ поступкѣ, хотя въ скорости послѣ того, какъ отправленъ былъ отъ меня пакетъ къ князю, едва ли часа два-три прошло времени, какъ является къ намъ посланный, повѣренный отъ Анны Александр. Турчаниновой Роллеръ, приносить ея гостинцы, финики и прекрасныя каштаны; при этѣхъ сладостяхъ приложена была отъ Турчаниновой на имя жены моей коротенькая записочка, гдѣ Анна Александр. съ Спартанскимъ лаконизмомъ пишетъ вотъ какія таинственныя слова: „Я просила г-на Роллера сказать вамъ о дорогѣ. Прошу васъ не подавать въ отставку и не говорить о томъ. Подождите только одинъ мѣсяцъ. Письма мои прошу драть“. Вотъ все содержаніе записки.... Но она двумя-тремя часами пришла позже, и бумага объ отставкѣ была подана. Поспѣшеніе ли мое, или воля Божія исполнилась въ этомъ дѣлѣ, не вѣдаю; но перемѣнить уже этаго нельзя, и дѣло сдѣлано. Разговаривая съ княземъ, я замолвилъ и о Варварѣ Петровнѣ, которой участь меня заботить. Я предложилъ князю, не порекомендуетъ-ли онъ ее Государынѣ Императрицѣ, чтобы пристроила сироту въ одно изъ педагогическихъ ея заведеній. Князь согласился и на сіе, только не теперь, а въ послѣдствіи времени.

Не смотря на суетливость дня, я таки нашелъ время поутру почитать Таулера, Оому Кемпійскаго и Августина, хотя по небольшому отрывку, а въ продолженіи дня приступить къ чтенію двухъ новыхъ повѣстей Лафонтена и все добытыхъ изъ того-же шкафа хозяйки дома,

который такъ кстати, хотя и нечаянно, раскрылся; это повѣсти въ двухъ томахъ и называются: первая *Sylvius et Valéria, ou le pouvoir de l'amour*, а другая: *Eléonore de Beugana, nouvelle espagnole*. Paris, 2 vol. 1819.

Чтобы австральность мнѣ ни предлагала, я надѣюсь на милость Божію. И вотъ въ этотъ день я подалъ третью просьбу объ отставкѣ. Первая была отъ военной службы, вторая отъ ученой и третья, настоящая, отъ гражданской. Первая подана была въ Петербургѣ, вторая въ Москвѣ, а настоящая въ Крыму. Господи, благослови и утверди стопы мои на новомъ порядкѣ жизни!

19-го Апрѣля.

Въ нашей церкви была обѣдня и водосвятіе; но я, согрѣшилъ, полѣнился и не пошелъ къ обѣднѣ. Я отправился по своему обычаю къ князю, хотя въ то время онъ былъ у Муравьевой. Я засталъ сестру его съ дѣвицею Мауреръ; первая сказала мнѣ, что письмо къ Государю уже отправлено на почту; я нарочно брала его съ собою за обѣдню, пусть оно освятится, продолжала она, присутствіемъ благодати и если что не по волѣ Божіей тамъ написано, пусть не послужитъ это препятствіемъ. Потомъ Елис. Михайл. распространилась о своей болѣзни, какъ смерть къ ней близка, потому что ударъ можетъ повториться и пр. Рѣчь перешла на Вѣру Алексѣевну, которую она называетъ *exhaït-gesse*, отставною любовницею, своего брата; хотя этаго никогда и не было, но настоящее поведеніе Муравьевой какъ будто то показываетъ: мяуканье, нѣжничанье, лежанье, все это, по ея мнѣнію, вовсе несомѣстно ни съ лѣтами, ни съ духомъ. Вотъ что она мнѣ сказала лѣтъ семь тому назадъ: братъ вашъ не способенъ ни къ дружбѣ, ни къ любви, и на него дѣйствуетъ всего болѣе привычка; слѣдовательно ежели умѣть взяться только за это, чтобы приучить его къ себѣ, тогда можно все изъ него сдѣлать. Вотъ у нея какія правила, заключила Елис. Михайл. Я отмалчивался и съ трудомъ отвѣчалъ сестрѣ князевой, тѣмъ паче, что рядомъ со мною сидѣла дѣвица Мауреръ. Вскорѣ послѣ того пришелъ князь, и я принялся за обычное чтеніе, а когда Козловскій возвратился съ почты, то я тогда же и поспѣшилъ къ себѣ домой.

Четвергъ, 20-го Апрѣля.

По обычаю я пошелъ къ князю, у котораго и обѣдалъ. Катинька съ Варварой Петровной меня провожали. Время было ясное, но вѣтренное. Предъ обѣдомъ я читалъ князю Путешествіе по Испаніи, и онъ находилъ обычное удовольствіе слушать. За обѣдомъ прошепталъ Козловскій по словамъ его великій секретъ; онъ состоялъ въ томъ, что якобы Государь Императоръ будетъ на южный берегъ чрезъ двѣ

недѣли, что онъ изъ Одессы поѣдетъ въ Севастополь, оттуда, вѣроятно, заѣдетъ и къ князю. Вотъ, подумалъ я, Государь пріѣдетъ, а вчера только просьба моя объ отставкѣ какъ отправилась съ княземъ письмомъ къ Государю. Козловскій послѣ отправленія просьбы поспѣшаетъ мнѣ сообщить сію новость... Съ княземъ, между прочимъ, говорили мы и объ Аннѣ Александровнѣ; онъ снова началъ вѣрить въ подлинность чудеснаго ея леченія и объявилъ мнѣ о успѣхахъ практики ея въ Симферополѣ. Случай этотъ далъ мнѣ средство общимъ и неопредѣленнымъ образомъ отозваться о Турчаниновой. Сперва я любилъ ее, какъ только можно любить, сказалъ я ему, дѣлился съ нею чѣмъ могъ, потомъ имѣлъ основательную причину возненавидѣть, говоря въ философскомъ смыслѣ, а потомъ снова началъ не довѣрять и своей ненависти. За что же ты возненавидѣлъ Анну Алекс.? спросилъ князь. Не могу вамъ сказать; можетъ быть, что когда-нибудь въ послѣдствіи скажу... Козловскій внимательно настраивалъ уши на разговоръ нашъ. Елис. Михайл. крѣпко начала ласкать меня, она во все время этого разговора, казалось, дремала. Князь заключилъ такимъ словомъ: я также уважаю и люблю Анну Александровну и нынѣ, какъ прежде это дѣлалъ, и чувства мои къ ней вовсе не измѣнились... Въ числѣ залоговъ доброжелательства отъ Елис. Михайлов. между прочимъ было и то, что она сама предложила мнѣ непрочитанные № газеты: *Voleur*, чего она никогда прежде не дѣлывала; кромѣ того обѣщала прислать мнѣ завтра съ Варинькою (которой велѣла быть у себя для какого-то дѣла) черновой проэктъ письма, посланнаго княземъ къ Государю по предмету моей отставки. Признаюсь, я внутренно весьма былъ доволенъ этимъ знакомъ ея довѣренности и съ жадностію хотѣлъ прочитать и узнать силу и степень тѣхъ выраженій, которыя употребилъ князь, ходатайствуя за меня.

Пятница, 21-го Апрѣля.

Варинька возвратилась отъ Елис. Михайл. и принесла мнѣ черновое письмо къ Государю, которое продиктовано было княземъ. Старецъ просто, но твердо проситъ мнѣ въ пенсію то содержаніе, которое я нынѣ получаю; кромѣ того онъ проситъ мнѣ у Государя годоваго жалованья для моего подъема; онъ рѣшительно говоритъ, что Крымскій климатъ мнѣ вреденъ. Хорошо бы, еслибъ письмо князево застало Государя въ Петербургѣ, но все въ волѣ Божіей. Обѣдала съ нами Ольга Карловна, и послѣ обѣда я предложилъ всей компаніи прогулку по верхней дорогѣ до водопада. Это была первая въ нынѣшній годъ прогулка. По сторонамъ мы видѣли яблоневыя, грушевыя и вишневые деревья всѣ въ цвѣту; если судить по цвѣту, то надобно ожидать необъятное множество плодовъ. Я видѣлъ колоссальныя, болѣе чѣмъ столѣтнія, виш-

невья деревья, съ низу до верха покрытыя цвѣтомъ. Такихъ вишенъ я нигдѣ не видывалъ, деревья похожи были на древнія липы нашихъ сторонъ. Провидѣніе и время утвердили ихъ на обрывѣ горы, и онѣ растутъ тамъ и красуются.

Суббота, 22-го Апрѣля.

Вдругъ пріѣзжаетъ князь и предлагаетъ мнѣ, чтобы я почиталъ ему Приключенія Столбикова, романъ Основьяненки, что онъ хотя и читалъ его, но желаетъ однакоже вновь прочесть его со мною, дабы увидѣть, какое произведетъ онъ на меня дѣйствіе. Я сей часъ же приступилъ къ чтенію, и князь довольно долго просидѣлъ у меня, восхищаясь сатирическими разсказами второстепеннаго романа. Я немножко поусталъ и былъ очень доволенъ, когда пришелъ ко мнѣ князь Мещерскій звать меня къ себѣ завтрашній день обѣдать, по случаю именины жены его. Не успѣвши поутру заняться предположеннымъ дѣломъ, я хотѣлъ начать его послѣ обѣда, но опять помѣшали мнѣ: Дмитр. Иванов. Поповъ пришелъ провести со мною вечеръ. Между прочими разговорами онъ открылъ мнѣ отчасти причину частыхъ посѣщеній князевыхъ Муравьевой. Князь, нѣкоторымъ образомъ, позволяетъ себѣ маленькую обоюдность. Онъ заказалъ Муравьевой, чтобы она не все говорила при сестрѣ его; поэтому-то онъ и ѣздитъ къ ней. Намъ говоритъ князь всегда очень хорошо о Турчаниновой, съ удовольствіемъ разсказываетъ о успѣхахъ ея леченія и проч., заключаетъ слово тѣмъ, что онъ въ тѣхъ же отношеніяхъ остался къ Турчаниновой, какъ и прежде, а Муравьевой съ глазу на глазъ говоритъ все противное и очень недоволенъ послѣднимъ поведеніемъ Турчаниновой, съ которой онъ разстался довольно холодно. Все это наполняетъ душу мою разочарованіемъ.

Пондѣльникъ, 24-го Апрѣля.

Слухи носятъ, что Государь скоро сюда пожалуетъ, и для этого Козловскій сбрилъ свою Жидовскую бороду, которая съ пушистыми бакенбардами высывалась у него изъ подбородка, и дѣйствительно я видѣлъ его сегодня бритого, но не зналъ причины, которую объяснилъ домашнимъ моимъ пріѣзжавшій безъ меня лекаръ Зеленкевичъ.

Вторникъ, 25-го Апрѣля.

Князь дѣлаетъ сегодня родъ прощальнаго обѣда для Попова, который рѣшительно отправляется на Кавказъ; для этого Варинькъ отказано въ нынѣшній день къ князю, а назначено завтра. Поутру Мещерскій предложилъ Попову прогулку и своихъ верховыхъ лошадей... Я писалъ пространное письмо Жегочеву, служащее отвѣтомъ на четыре письма, а вечеромъ отъ него новое получилъ письмо, гдѣ онъ описываетъ чудеса леченія Анны Александр. 15 нанятыхъ солдатъ

подкидывали болящаго мальчика до четырехъ сотъ разъ, въ продолженіи 12 часовъ времени; потомъ солдаты изнемогли отъ усталости, и другіе уже вертѣли его на точильной машинѣ; это были любители, какой-то полковникъ Сл., Католическій священникъ, частный приставъ и гильдейскій Жидъ. И эти выбились изъ силъ, такъ что Жидка отливала водою. Все это чудно и диковинно, но какъ-то мало поражаетъ душу мою, потому ли, что я имѣлъ время познакомиться съ Турчаниновой коротко, или по особому настроенію духа моего.

Среда, 26-го Апрѣля.

Утромъ послѣ молитвы и чтенія Пордеча пришли мнѣ мысли о ничетѣ всего подлуннаго, о томъ, что я живу, мыслю, хочу и кажется мнѣ, что болѣе самобытнымъ быть не могу, между тѣмъ пройдетъ нѣсколько дней, и меня не будетъ на бѣломъ свѣтѣ между живыми; пройдетъ еще нѣсколько дней, и память имени моего изгладится между человѣками; пройдетъ еще нѣсколько дней, какъ и самыя кости мои въ могилѣ обратятся въ одну лишь известковую пыль. Между тѣмъ какъ ничтожность моя и моральная и пластическая будетъ непременно переходить эти виды или формы, Богъ остается все Богомъ, Онъ всему мѣрило, но Самъ по Себѣ Неизмѣримый. Эти мысли ярко вспыхивали въ умѣ моемъ; касались онѣ и сердца. Благодарю Бога, что Онъ злохудожную душу мою посѣтилъ истиною. Пошелъ по обычаю къ князю; онъ не велѣлъ мнѣ читать Путешествіе въ Испанію, а Приключенія Стобикова, которыя такъ сильно занимаютъ его. Варинька, возвратившись отъ князя, сказывала, что Мещерскій началъ было въ присутствіи князя подымать меня на смѣхъ; но старецъ далъ ему замѣтить, что это было ему непріятно, и онъ ту же минуту унялся. И вотъ каковы люди: зовутъ въ гости и послѣ смѣются. Точно свѣтскому человѣку можно надо мною смѣяться. Я немножко циникъ и для напoмаженнаго общества не всегда гожусь.

27-го Апрѣля.

Князь Мещерскій зашелъ ко мнѣ поутру, когда я уже собирался идти къ князю; онъ предлагалъ мнѣ своихъ верховыхъ лошадей, если я вздумаю дѣлать прогулки, увѣряя, что онѣ покойнѣе Татарскихъ и проч. Домашнимъ моимъ говорилъ, что у него есть Англійское сѣдло, въ которомъ мнѣ прежде отказалъ, сказавши, что у него такового нѣтъ и проч. Я поблагодарилъ его за обязательное вниманіе, и онъ проводилъ меня чуть не до самаго дома княжескаго. Дорогою онъ сказалъ мнѣ, что Елиз. Михайлов. заняла тайно у людей своихъ 1000 р. и что платить по 10 процент. ежемѣсячно и проч. Только что я явился къ князю, какъ Козловскій съ великимъ усердіемъ вызвался читать Похожденія Столбикова; мнѣ показалось, что онъ это для того сдѣлалъ,

чтобъ не оставить меня одного съ княземъ, потому что Мауреръ куда-то вышла, а Кологривая была въ своей комнатѣ. Впрочемъ, я успѣлъ почитать князю мое Испанское путешествіе, котораго остается немного и съ окончаніемъ коего мнѣ хотѣлось бы завершить, т. е., мои чтенія, о чемъ я князю какъ-то на дняхъ и объявилъ.

28-го Апрѣля.

Полутру заѣзжалъ ко мнѣ инженерный майоръ Фремдеръ и въ слѣдствіе обѣщанія своего сообщить мнѣ что нибудь о Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ привезъ мнѣ нѣсколько тюковъ печатныхъ приказовъ графа Клейнмихеля; приказы восходили до 6-го нынѣшняго Апрѣля. И я всѣ перебралъ и пересмотрѣлъ ихъ, нѣкоторые показали мнѣ очень любопытными и оригинальными; я нашелъ между ними и такіе, кои касались до желѣзной дороги. Онъ сказывалъ мнѣ, что писалъ къ своему пріятелю въ Петербургъ о присылкѣ книги по этому случаю, напечатанной въ весьма немногихъ экземплярахъ.

29-го Апрѣля.

Дѣло Печорской кампаніи оказывается пуфомъ; Спасскій, управляющій моимъ маленькимъ достояніемъ, уѣхалъ въ свою деревню, не отвѣтивши даже на письмо мое; купецъ Исаковъ отказалъ въ книгахъ. Варинька, возвратившись отъ князя, новые принесла слухи, что Государь пожалуетъ къ намъ къ 20-му сего мѣсяца.

30-го Апрѣля.

...Скоро и князь пришелъ. Я принялся за обычное свое чтеніе, но оно перестало, кажется, старику нравиться, и онъ мнѣ показывалъ свое нетерпѣніе разными и даже недвусмысленными движеніями. Замѣтивши сіе, я хотѣлъ перестать читать. За чѣмъ вамъ принуждать себя, сказалъ я князю, позвольте мнѣ бросить книгу. Мнѣ, признаться сказать, даже было стыдно своего положенія, особенно когда я замѣтилъ, что онъ сталъ дремать, и со мною сбылась пословица: ни изъ кузова, ни въ кузовъ. Когда Козловскій возвратился съ почты, то князь сей часъ же приказалъ читать Столбикова; въ немъ какая-то особенная нетерпѣливость, чтобы читали эту книгу, которую онъ уже знаетъ. Козловскій съ жаромъ принялся за чтеніе. Накапалъ дождь, я поторопился идти домой; дождь полился сильно, и я въ сѣняхъ принужденъ былъ переждать; ко мнѣ вышелъ Козловскій и сказалъ мнѣ, что когда я еще былъ въ Эвпаторіи, то съ того времени Поповъ замышлялъ на службу къ князю. Это тѣмъ похоже на правду, что самъ Поповъ мнѣ это самое подтвердилъ. Муравьева съ племянницею и сопровождаемая Поповымъ нашли меня еще въ сѣняхъ пережидающаго дождь; мнѣ стыдно было далѣе ждать, тѣмъ болѣе, что тамъ могли сѣсть уже обѣдать, и самага Козловскаго князь кликнулъ къ себѣ; я

заблагоразсудилъ отправиться домой; мнѣ прислали шинель и калоши. Дома я нашелъ добрый и вкусный обѣдъ и сожалѣлъ только, что не такъ высокую роль я играю, служа при домѣ князѣ: можно-бы было и не отпускать меня въ дождь, едва здороваго; можно бы, кажется, было оставить меня и обѣдать, но какъ это сдѣлать противъ регулы, противъ правила произвольно принятаго и утвержденнаго его сіятельствомъ? Вельможи не благоснисходятъ къ немощамъ нашимъ и не хотятъ знать ни дождя, ни сырой погоды.

1-го Маія.

Пошелъ по обыкновенію къ князю на обѣдъ и чтеніе. Я уже разложилъ книгу, чтобы приняться, но князь показывалъ видимые знаки нетерпѣнія, и ему хотѣлось слушать исторію Столбикова. Мнѣ это всегда казалось подозрительнымъ, почему именно онъ непремѣнно желаетъ и притомъ желаетъ съ нетерпѣніемъ, чтобы заставить меня вмѣстѣ съ собою слушать этотъ романъ. Козловскій охотно и съ какимъ-то оживленіемъ (можетъ быть, видя нетерпѣніе князя) началъ читать сіи приключенія. По мѣрѣ чтенія, по мѣрѣ игры фizioноміи князевой, я началъ наконецъ смекать, къ чему все это клонилось. Авторъ рассказывалъ въ своемъ романѣ про одного чиновника, который считался на службѣ при намѣстникѣ губерніи; этотъ намѣстникъ держалъ при себѣ нарочно простенькаго человѣчка, дабы болѣе отражались его собственныя достоинства и чтобы публика не думала, что онъ, т. е., намѣстникъ, могъ быть кѣмъ нибудь водимъ и проч. Намѣстникъ былъ для чиновника непроницаемъ, однако призывалъ его къ себѣ. заставлялъ очинивать перья и даже вручалъ ему на сохраненіе секретныя бумаги, бывъ увѣренъ, что еслибы даже онъ ихъ и прочиталъ, то все таки ни слова изъ нихъ не понялъ бы. Князь съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивалъ это мѣсто романа, а Козловскій читаемому давалъ отличное значеніе. Тихо выслушивая все это, я не могъ придумать, что князю хотѣлось дать мнѣ почувствовать чрезъ этотъ рассказъ. Не то ли, что человѣкъ, какъ напримѣръ я, все замѣчающій и все даже записывающій, ему никогда не былъ сподрученъ и что истинная политика ловкаго вельможи должна между прочимъ состоять въ томъ, чтобы обставлять себя людьми простенькими. Если это у него мысль была, когда онъ захотѣлъ съизнова переслушать этотъ романъ, то признаюсь, такая мысль оцѣпила бы всякую любовь подчиненнаго.... Я любилъ его сердечно, преданность была безусловная, и что же мнѣ хотять дать замѣтить чрезъ это чтеніе?... На этомъ мѣстѣ остановились. Начались сужденія. Я былъ взволнованъ и озлобленъ, если не отъ настоящихъ вещей, по крайней мѣрѣ, отъ весьма правдоподобныхъ предположеній. Часто бываетъ, сказалъ я

князю, что тотъ, который не думаетъ и не любитъ быть водимымъ отъ своихъ приближенныхъ, часто всю жизнь свою бываетъ подъ опекою другихъ; искусство только въ томъ состоитъ, чтобъ онъ не замѣтилъ этой опеки и думалъ, что все что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ самъ отъ себя, тогда какъ онъ слѣпо только исполняетъ волю другихъ ловко умѣющихъ возбудить въ немъ эти желанія и въ время ихъ подсказать. Признаюсь, что я сказалъ эту фразу на счетъ князя, и въ этой фразѣ разрѣшается вся его служебная жизнь, *sauf le respect*. Этихъ намековъ мнѣ не хочется принять на свой счетъ, потому что я доселѣ служилъ ему вѣрно, пламенно и чисто и поставлялъ службу мою цѣлю, а не средствомъ. Знаютъ объ этомъ моя совѣсть и тѣ немногіе люди, которые близко смотрѣли на мое сердце. Нынѣшнее утро порядочно разгрузило меня отъ той все еще сильной преданности, которую и привычка и потребность сердца понуждали меня питать къ нему. Служебный эгоизмъ близко граничитъ къ сердечному эгоизму и, скажу стихомъ Державина, не всѣ ль вельможи таковы? Къ обѣду явилась Муравьева. Я успѣлъ однако почитать ему своего путешествія, которое тороплюсь окончить; книги остается нѣсколько только листочковъ. Елиз. Михайл. успѣла однако мнѣ сказать, разумѣется безъ свидѣтелей: Братъ велѣлъ мнѣ вчера сдѣлать получше обѣдъ, а я сказала ему, что надобно приготовить таковой для Понедѣльника, потому что въ этотъ день будетъ у насъ обѣдать Юр. Ник.; я также рассказала брату, какъ Муравьева въ прошедшій Четвертокъ отняла у васъ ваше мѣсто и посадила на оное Попова; братъ очень этимъ встревожился и велѣлъ нарочно пригласить Муравьеву для нѣкотораго съ вами сближенія. Вотъ что сказала мнѣ Кологривая, желая приласкивать меня, и это точно въ нравахъ князя. Когда сѣли за обѣдъ, князь велѣлъ въ гостинной отворить дверь на террасу для освѣженія воздуха, и я, боясь сквознаго вѣтра, пересѣлъ къ Кологривой. За столомъ точно было возможное изобиліе; ветчина прекраснѣйшая, мы весьма рѣдко пользуемся въ Крыму хорошею ветчиною. Точно Кологривая сдержала свое слово. Но вотъ какая странность случилась за столомъ. Съ меня начали подавать кушанье, потомъ послѣ меня Козловскому, который однако посылалъ слугу къ Муравьевой и ея племянницѣ. Нарочно ли, т. е., съ намѣреніемъ-ли, это было сдѣлано, или случайно; но только всѣ прислуживающіе у стола взяли эту колею. Увидимъ, какъ это подѣйствовало на Муравьеву. Послѣ обѣда, она, посидѣвши у князя и поговоривши кое о чемъ, по обыкновенію ушла со своею племянницею къ Мещерскимъ, а я остался одинъ. Предъ этимъ былъ у насъ довольно интересный общій разговоръ о Московскомъ царькѣ, князѣ Серг. Мих. Голицынѣ. Посидя и я хотѣлъ идти въ слѣдъ Муравьевой, но Козлов-

скій тотъ же часъ поспѣшилъ выйти за мною и просилъ меня остаться. Я почитаю вамъ о Столбиковѣ, сказалъ онъ, какъ бы желая убѣдить такимъ смазливымъ предложеніемъ. Въ нынѣшній день я удостоился напиться чаю, который особенно готовятъ для сестры князевои; онъ ранѣе обыкновеннаго и гораздо вкуснѣе чѣмъ князевъ, приготовляемый его лакеями. Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, ничтожныхъ сами по себѣ, но нѣсколько яркихъ въ нашей монотонной жизни, я возвратился къ себѣ домой, радъ, что унесъ свои ноги. Дома тихо и покойно.

2-го Маія.

Съ нѣкотораго времени боль въ лѣвомъ боку моемъ усилилась; я рѣшился поѣздить верхомъ и посмотрѣть, не уменьшится ли эта боль отъ верховой ѣзды; кромѣ того, какимъ же образомъ осмотрѣть мнѣ здѣшнія окрестности, если не приучу себя къ верховой ѣздѣ, которая есть мощное средство, если не единственное, удовлетворить моему любопытству. Вздумано, сдѣлано. Сережа привелъ ко мнѣ Татарина Абрама, у котораго изо всей деревни смирнѣйшія лошади; я нанялъ пару лошадей за 4 р. въ день; ѣду, куда хочу, а если отправлюсь въ дальній путь и придется ночевать во время поѣздки, то обязанъ кормить тѣхъ лошадей ячменемъ и сѣномъ. Странно, что мнѣ надлежало кликать переводчика, дабы можно было разглагольствовать съ Татаринкомъ, который ничего почти порусски не понималъ, не смотря, что всю почти жизнь свою прожилъ съ Русскими. Татаринъ отправился съ тремя своими мальчиками въ горы отыскивать своихъ лошадокъ, которыхъ и привелъ мнѣ послѣ обѣда для показанья.

Вотъ привели и лошадокъ, на одну изъ нихъ гнѣдинькую, очень малаго роста, влѣзъ я съ величайшимъ трудомъ; на другую, повыше ростомъ посадилъ слугу. Только что началъ выѣзжать изъ саду, показали мнѣ неловко повѣшены стремена; я нѣсколько разъ заставлялъ то опустить, то подымать ихъ; все что-то казалось мнѣ неловко; наконецъ выѣхалъ на улицу и тутъ опять принужденнымъ напелся остановиться; сѣдло Шмидтово что-то не по мнѣ было, велѣлъ пересѣдлатъ съизнова и надѣтъ на мою лошадь Татарское уже сѣдло. Покуда эти сборы продолжались, высыпало на улицу множество Татаръ и Татарченковъ; все это глядѣло на робкое неискусство всадника; наконецъ, кое-какъ влѣзши на лошадь, которая въ послѣдствіи оказалась самая лѣнивая, поплелся я шагомъ по направленію къ Алупкѣ, потомъ повернулся и поѣхалъ назадъ въ близъ-лежащую дачу кн. Мещерской. Кляча моя тащилась шагомъ и притомъ такимъ, что я мало видывалъ такого тихоходства; чтобы прибавить хотя немножко шагу, я не жалѣлъ ударовъ, но отъ неискусства моего торопить лошадь

и владѣть нагайкою большая часть сихъ ударовъ попадали на меня самаго. Завидя новаго Донъ-Кихота, семейство Мещерскаго, собравшееся тогда на балконѣ, громко меня привѣтствовало, а княгиня встрѣтила меня на дворѣ. Посидѣвъ у нихъ и выпросивъ у Мещерскаго хлыстикъ и новое сѣдло, я отправился во свояси; на улицѣ или на дорогѣ взлѣзъ я на свою лошадь, потому что на дворѣ боялся сѣсть на лошадь отъ собакъ. Доплетаясь кое-какъ домой, я и этимъ новымъ третьимъ сѣдломъ остался недоволенъ и послалъ моего человѣка къ Мещерскому просить четвертаго уже сѣдла, козачьяго. Поѣздка моя такую струстную или революцію надѣлала въ нашемъ селеніи, что пришедшая къ князю Мар. Владимир. объявила князю немедленно о важномъ событіи, что видѣла меня верхомъ на лошади. Спустя немного времени, камердинеръ князева Семенъ, пришедши къ своему господину, также отрапортовалъ ему, что видѣли, дискать, Юр. Ник. на лошади верхомъ. Потомъ старикъ Ѳедоръ, тоже слуга князева, также сказалъ и тому же князю, что Юр. Ник. верхомъ ѣздилъ. Князь Мещерск., пришедшій къ старому князю, читать газеты, вновь пересказалъ ему: у меня былъ Юр. Ник. и пріѣзжалъ верхомъ. Вотъ какіе торжественные пересказы и все отъ моей верховой ѣзды; точно что лѣтъ двадцать пять, какъ я не садился на лошадь, и всѣмъ странно было видѣть меня не на своемъ мѣстѣ и не въ свойственномъ упражненіи.

3-го Маія.

Я забылъ вчера записать, что во Вторникъ самъ старикъ-князь заѣзжалъ за Варинькою, но ей нельзя было съ нимъ вмѣстѣ отправиться; князь сошелъ съ дрожекъ, и я до конца сада велъ его подъ руку и довелъ до самой дороги. Сего-дня я, по обычаю своему, отправился къ князю, хотя онъ и былъ въ это время у Муравьевой. Пришедши въ домъ, я нашелъ у сестры его кн. Мещерскую и дѣвицу Мауреръ. Между разговорами главная тема была, какъ возможно любить своихъ враговъ; это дало поводъ Кологривой распространиться на счетъ Мауреръ. Мещерская отрицала возможность любить вѣроломцевъ (fourbes). Въ скорости возвратился и князь. Бесѣда перешла къ моей верховой ѣздѣ, и княгиня такъ насмѣшливо отозвалась обо мнѣ, что всѣ захохотали, да и она сама не могла воздержаться, чтобы долго не хохотать во все отверженіе своего горла.

Бумага о моей отставкѣ пошла 19-го прошлаго Апрѣля въ Петербургъ, и Государь долженствовалъ ее получить 2-го или 3-го Маія; тутъ же, я думаю, сдѣлается и рѣшеніе. Въ частной жизни эти эпохи весьма важны, и могу-ли я быть равнодушнѣе, какъ меня отставятъ, велика-ли будетъ моя пенсія, съ которою придется проживать остатокъ

своей жизни? Но Богъ моя надежда, и при томъ у меня, кажется, нѣтъ, по милости Божіей, сильнаго желанія быть богатымъ. Пенсія, которую я законно и по справедливости могу требовать, должна состоять изъ 2000 ассигнаціон. рублей; если уважать свидѣтельство о моей болѣзни, то должно мнѣ тогда дать полную уже пенсію, и эта пенсія, называемая 2-го класса, не болѣе состоитъ какъ изъ 3000 также ассигн. рублей. Теперь надобно выѣхать изъ этаго ущелья, на что понадобится много денегъ, ибо ѣхать сюда ворота были широки, а выѣзжать очень сдѣлались узки.

4-го Маія.

У насъ на селѣ праздникъ: день Вознесенія. Всѣ мы пошли за обѣдню, которая чинно совершалась; къ молебну пришелъ священникъ княжескій. Весь людъ принарядился, всѣ хотѣтъ повеселиться; вино выставлено, чернорабочіе шныряютъ взадъ и впередъ, выпивши и закусивши. Я пробрался къ князю, но моего Путешествія не читалъ, а только лишь Козловскій читалъ Похожденія Кругликова. Вчера князь спросилъ меня, что же ты будешь мнѣ читать, когда окончишь это Путешествіе? Я попрошу у васъ позволенія, отвѣтствовалъ я ему, остановиться и перестать уже читать; мнѣ надобно пособратъ, уложиться, у меня ничего еще не припасено, ни прибрано къ дорогѣ. Не знаю, какъ принялъ эти слова мои князь. Обѣдъ былъ изобильный, и я безъ скуки и унынія провелъ у него время. Послѣ обѣда я сказалъ князю, что, можетъ быть въ сей день совершается судьба моя. Да, отвѣчалъ мнѣ князь, можетъ быть Государь уже и подписалъ бумагу. Разговорились о доходахъ Прянишникова*), получаемыхъ имъ отъ газетъ; я что-то сказалъ, какъ Козловскій вдругъ было возпалился и готовъ былъ спорить со мною, но я уклонилъ себя отъ этаго новаго и рьянаго приверженца Прянишникова. Не дождавшись чаю, я возвратился домой; по дорогѣ пестрѣли разнаго пола люди, возвращаясь съ праздника или, лучше сказать, съ попойки. Грязна однако эта сторона праздника; никогда безъ драки не обойдется, и на нынѣшній разъ случилась уже драка въ большемъ размѣрѣ: дрались Русскіе, Алупскіе работники съ Татарами; доходило и до кольевъ. Куда скучно видѣть разгулъ пьяной толпы моихъ соотчичей; нравственная и изящная сторона праздника для нихъ не существуетъ.

Пятница, 5-го Маія.

Нынѣшній день былъ для меня мраченъ и испытателенъ. Женщина, которая находится въ прислугѣ у жены моей, сказала мнѣ по неразу-

*) О. И. Прянишниковъ—пресмникъ столь знакомаго читателямъ „Русскаго Архива“ К. Я. Будакова. Въ то время вся плата за пересылку повременныхъ изданій получалась почтдиректораами. П. Б.

мію грубое слово; я такъ разсердился, что началъ ее бранить, укоряя, что я лечилъ ее въ болѣзни и заплатилъ столько за лекарство, что она и сама того не стоитъ; потомъ ударилъ ее по щекѣ.... Женщина точно что сказала грубое слово, но слѣдовало-ли мнѣ приходить въ такую ярость и запальчивость? Не смѣшонъ ли я остаюсь при претензіяхъ моихъ на высшую духовность, тогда какъ не опростался еще звѣрскихъ навыковъ своихъ? Послѣ гнѣва пришло ко мнѣ въ гости любострастіе; оно подставляло мнѣ въ продолженіе сего несчастнаго дня различныя идеи; мнѣ казалось, что воля моя едва-ли не охотно упала въ этотъ омутъ.... Но, не смотря на это, въ глубинѣ души моей не погасала искра надежды и упованія на помощь Божію. Чудное сочетаніе порока съ какимъ-то надѣяніемъ, насъ не оставляющимъ. Понутру жена моя пришла посоветоваться со мною. Что намъ дѣлать? говорила она. Намъ и при собраніи и при отправленіи и въ дорогѣ очень бы нуженъ былъ человѣкъ, но гдѣ его найти? Вчера управитель сказывалъ мнѣ, что пришелъ изъ Симферополя какой-то поваръ и думалъ наняться у князя, но ему отказали; не нанять ли намъ его? Да гдѣ его сыщешь, сказалъ я, и вотъ почти въ ту самую минуту, какъ мы разговаривали, докладываютъ намъ, что человѣкъ этотъ явился и предлагаетъ свои услуги; я велѣлъ позвать его къ себѣ и узналъ отъ него, что онъ учился у царскаго метръ-дотеля Миллера своему поварскому искусству и что это дѣло знаетъ превосходно; кромѣ того можетъ быть и слугою. Я тотъ же часъ и нанялъ его, тѣмъ болѣе, что цѣна имъ испрашиваемая показалась мнѣ сходною. Давъ задатокъ и отобравъ отъ него паспортъ, я отправилъ его въ Симферополь за пожитками.

Суббота, 6-го Маія.

Съ утра я приказалъ приготовить для себя и человѣка пару лошадей и намѣревался пуститься на сей разъ по Ялтинской дорогѣ. Проживъ столько времени на южномъ берегу, мнѣ было бы стыдно не посѣтить столь живописныхъ мѣстъ, которыя составляли наши окрестности: пропустивъ случай побывать кое-гдѣ, я бы не исполнилъ одной изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ я нарочно и пріѣхалъ на южный берегъ. Я поспѣшилъ ранѣе отобѣдать, лошади были осѣдланы, и я съ благословеніемъ Божіемъ сѣлъ на лошадь и бодро отправился въ предназначенный путь. Ходъ у этой лошади покойнѣе и быстрѣе; ее не нужно было такъ погонять какъ ту, на которой я обыкновенно доселѣ ѣздилъ.

Доѣхали до Оріанды царской. Она лежитъ на одной верстѣ дороги, когда ѣдешь изъ Гаспры въ Ялту; отъ дороги на правой сторонѣ. Сверху горнаго пути виднѣется строящійся дворецъ для Императрицы. На плоскомъ мѣстѣ, нарочно для сего приготовленномъ, показывается,

какъ будто разбросано нѣсколько колодъ картъ; это матерьялы, бѣлый камень и проч., а самое строеніе дворца похоже на основаніе карточного домика. Мы поворотили къ скромному жилищу съ башенкою, въ которомъ обыкновенно помѣщается директоръ Оріанды. Онъ въ отпускъ теперь, это тотъ г. Штеричъ, который такъ былъ всегда для меня ласковъ. Мѣсто его занимаетъ теперь помощникъ его г. Масловскій. Намъ сказали, что нѣтъ его дома; однако мы взшли въ его домикъ и насъ очень привѣтливо пригласила старушка мать его. Сей часъ же присовѣтовали намъ влѣзть на башню и полюбоваться изъ оконъ видами, особенно на Ялту, которая вся какъ на блюдечкѣ. Лѣсенка ведущая на башню не очень способна для восхода, а я и безъ того худо передвигалъ ногами; не знаю отъ чего, вѣрно отъ какого нибудь обстоятельства верховой моей посадки, только лѣвая нога моя очень ныла, и я съ трудомъ разправилъ ее. Скоро пришелъ къ намъ и самъ хозяинъ, небольшого роста, сухощавый съ темпераментальнымъ расположеніемъ къ меланхолизму и ипохондріи. Это г. Масловскій, помощникъ Штерича и женатый на побочной его дочери, которая недавно только оставила своего мужа; поэтому Масловскій сдѣлался притчею всего южнаго берега, всѣ его осуждаютъ, всѣ называютъ тираномъ. Преимущественно враждебствуетъ противъ него нашъ Козловскій: онъ не упускаетъ и малѣйшаго случая, чтобы не только что осуждать, но и бранить; Козловскій замаралъ этаго Масловскаго и въ глазахъ князевыхъ. Масловскій принялъ насъ привѣтливо и сей часъ же повелъ къ воздвигаемому зданію. Мы начали спускаться внизъ къ морю; сперва шли по аллеѣ параллельно дорогѣ, потомъ поворотили прямо; дорожка шла по обширной площадкѣ, которая вся засажена была виноградными лозами; это была бы прелестная прогулка, еслибъ виноградъ поднялся и началъ цвѣсть и еще того болѣе, когда бъ лозы начали созрѣвать. Пройдя это мѣсто, мы поворотили на лѣво, гдѣ на обнаженной скалѣ выстроена ротонда: при насъ охорашивали два послѣдніе камня, которые должны быть положены на колонны. Камень бѣлый, мягкій, превосходный; на воздухѣ онъ крѣпчаетъ; на камняхъ вырѣзаны нѣкоторыя украшенія. Ротонда воздвигается на самомъ верху скалы, и виды съ этаго мѣста очаровательные, великолѣпные.

Отъ ротонды по довольно выбитой дорожкѣ, отъ безпрестанныхъ переѣздовъ со строительными матерьялами, мы спустились къ площадкѣ, гдѣ строится дворецъ. Эта дорожка, по которой мы шли, хотя идетъ съ горы, но довольно однакожъ полого и осѣнена вѣтвистыми деревьями. Подошедши къ постройкѣ, гдѣ работало отъ 250 до 300 человекъ, я увѣрился, что сдѣлано было немало, хотя съ верхней дороги и показывало, что только накинута одно основаніе. Цѣлый этажъ былъ уже

воздвигнуть, не говоря о скопаніи горы и объ укладкѣ разныхъ подземныхъ трубъ для фонтановъ и прочаго. Матеріалы были отличные; кирпичъ привезенный изъ Феодосіи, точно какъ фарфоровый; столь онъ былъ хорошо обожженъ, что какъ мы ни колотили его, не могли однако разрушить. Бѣлый камень для наружной отдѣлки такъ былъ мягокъ, что его обдѣлывали топоромъ. Дворецъ небольшой, однакожъ вмѣщающій въ себѣ до 60 комнатъ. Не видѣвши плана, я не могъ себѣ представить въ цѣломъ. Онъ назначается въ три этажа и будетъ съ нѣкоторыми особенностями; напримѣръ, въ нутри его будетъ круглый дворикъ величиною съ небольшую комнату; спутникъ мой говорилъ, что этотъ дворикъ въ подражаніе Геркуланскимъ постройкамъ. Въ нижнемъ этажѣ, насупротивъ моря, устроенъ гротъ украшенный пилястрами; къ восточному фасу дворца примыкаютъ въ одномъ и томъ же цѣломъ постройкѣ три небольшіе садика, конечно для цвѣтовъ; вездѣ устроены будутъ фонтаны. Встанемъ по срединѣ зданія и посмотримъ на виды, которыми окруженъ дворецъ. Къ Сѣверу идетъ гребень горъ, одинъ другаго выше, и все это покрыто изумрудною разныхъ оттѣнковъ зеленью; на Востокъ воздвигается какъ пирамида та порфиновая скала, на которой выстроена терраса; къ Западу еще болѣе скала, прямая какъ церковная башня, на нее также со временемъ выстроить величественное зданіе, поляне въ своихъ частностяхъ чѣмъ ротонда; такъ, по крайней мѣрѣ, намѣревался графъ Воронцовъ, который завѣдываетъ этимъ имѣніемъ Императрицы. Видъ на полдень составляетъ море, оно за зеленью показывается точно какъ-бы у подножія дворца, но это оптический обманъ: оно еще далеко отъ дворца, и не скоро къ нему дойдешь. И въ этомъ направленіи видны двѣ скалы, какъ бы окаймливающія картину на море. Къ Востоку видны дальнія горы Крымскія, онѣ покрыты дымкою разстоянія. Ялта роскошествуетъ на первомъ планѣ этой величественной картины. Я захотѣлъ подойти къ морю, и вотъ повели меня прелестною сѣнистою аллеєю; прохладно было идти по ней, забыли и усталость. Аллея склонялась болѣе и болѣе къ направленію моря и приводила въ небольшую долинку, всю закрытую непроницаемою тѣнью деревь. Въ этой уединенной долинкѣ такъ было темно и свѣжо, что, не смотря на ясный, солнечный день, въ ней совершенные лѣтніе сумерки. Свѣжесть происходила не столько отъ сѣннолиственныхъ деревьевъ, сколько отъ протекающаго ручья, который богатѣйшимъ водопадомъ низпадалъ къ подножію этаго мѣста. Я не видывалъ подобнаго этому водопада, ибо я слѣдилъ его, какъ онъ прыгалъ между деревьями на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ сажень, начиная съ видимаго темени горъ и доходя до насъ. Противу водопада стояла вѣтхая скамья; на ней-то, говорилъ

мнѣ Масловскій, сиживалъ по нѣскольку часовъ блаженной памяти Императоръ Александръ и предавался думамъ крѣпкимъ и христіанскимъ; извѣстно, что онъ хотѣлъ скинуть съ себя царскій санъ и поселиться въ Оріандѣ на остатокъ дней своихъ. Мы вспомнили добраго Александра и, благословляя его въ душѣ, посидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ и онъ сиживалъ. Масловскій не совѣтовалъ однако долго оставаться на этомъ мѣстѣ, чтобы не простудиться отъ прохлады слишкомъ рѣзкой съ обычною температурою дня. Мы пошли далѣе къ морю; къ нему сбѣгивали дорожки осененныя деревьями; мы выбрали должайшій путь изъ двухъ намъ представшихся, а Зеленкевичъ пошелъ путемъ кратчайшимъ, за то онъ круче. Вотъ подошли мы къ самому морю и продолжали прогулку по окраинѣ его усыпанной мелкими камушками; слышали прибой волнъ его, этотъ величественный говоръ необозримой стихіи. Недалеко отъ насъ разбросано было нѣсколько каменьевъ въ морѣ, около которыхъ плесканье волнъ было шибче; маленькій мысокъ соединялъ берегъ съ этими камнями. Проводникъ нашъ, добрый Масловскій, предложилъ намъ взойти въ эти камни, тамъ послушать плесканья морскаго и отдохнуть. Мы начали по морской закраинѣ пробираться къ этимъ камнямъ, встрѣтили и тотъ ручей, который увѣдомлялъ насъ незадолго разнообразіемъ и величіемъ своего паденія; здѣсь течетъ онъ тоненькою ниткою обыкновенной рѣчки и уходитъ въ мелкіе камни, не достигая моря; слой маленькихъ камешковъ, отдѣляющихъ этотъ ручей отъ моря, не болѣе двухъ или одного аршина. Не вѣрилось глазамъ, чтобъ такое величественное теченіе кончалось столь неожиданнымъ образомъ. Я велѣлъ Ивану своему, чтобы онъ пораскопалъ рукою камни, дабы поискать моего великолѣпнаго горнаго ручья; Масловскій и Иванъ сдѣлали для меня это, и точно камни лежавшіе немножко поглубже были мокры, и сквозь нихъ сочился ручей. Такъ дѣлается съ людьми, подумалъ я, которые брызжутъ тратами сердца своего для другихъ людей, и часто любовь ихъ непонятая холоднымъ эгоизмомъ не оплачивается любовію. И святое чувство всего лучшаго въ человѣкѣ не достигаетъ до желаннаго созвучія, какъ этотъ безумный ручей не достигнулъ своего моря. Разставаясь съ этимъ горнымъ потокомъ, я однако зачерпнулъ его водицы. Слуга мой взялъ съ собою чашечку, въ которой я принимаю свои порошки, и вотъ этою-то чашечкою я изчерпнулъ свѣжей, какъ хрусталь, водицы и напоилъ моихъ спутниковъ, а Масловскій припалъ на колѣна и напился самъ изъ ручья. Вотъ мы дошли и до камней, отдѣльно вдавшихся въ море; точно, здѣсь всплески моря сильнѣе, ибо оно пробивается въ видѣ мыльной пѣны между расцѣлинами этихъ разбросанныхъ каменьевъ. Здѣсь уединенно, и мы сѣли отдохнуть на камешкѣ;

предъ нами стояла одна лишь утлая ладья рыбака, встакенная на берегъ: въ ней ловятъ устрицъ въ ближайшемъ отсюда разстояніи. Надобно посмотрѣть здѣшнія волны въ бурю, сказалъ Масловскій, теперь онѣ пробираются только между камнями, а тогда покрываютъ ихъ и грозными водометами съ гранита стекаютъ (Здѣсь предполагается учредить ванну для Императрицы). Узкою тропою мы начали подыматься въ верхъ. Здѣсь обыкновенно ѣздить верхомъ; проѣзжала и Императрица, и великая княгиня Елена Павловна; но я заблагоразсудилъ идти пѣшкомъ, хотя Масловскій и послалъ за лошадьми. Мы пришли къ мраморной скалѣ или, лучше сказать, къ ея подножію; при этой скалѣ есть навѣсъ изъ той же непочатой массы; того и смотри, что онъ оторвется, но онъ не отрывается въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Здѣсь по преданію былъ притокъ пиратовъ, сказалъ намъ Масловскій, потому что верхъ и закраины скалы подернуты были сажею отъ разводимаго ими тутъ огня; въ скалѣ есть углубленія, она какъ-бы изломана, а съ навѣса сочатся водяныя капли. Удивительная природа! Мы начали обгибать скалу, которая вертикально, какъ громадная крѣпость, выдвигалась предъ нами, а насупротивъ ея видѣлась столь же грозная твердыня, и все какъ будто изъ одного камня. Отъ подошвы саженьхъ въ семи растетъ въ скалѣ драгоцѣннѣйшее дерево; его называютъ здѣсь краснымъ деревомъ, по французски *arhoussier*; этихъ деревъ нѣтъ во всей Европѣ, говорилъ намъ Масловскій, и онѣ растутъ кромѣ Архинелажскихъ острововъ на одномъ только южномъ берегѣ Крыма. Но кто посадилъ его на эту стѣну и при томъ на такой высотѣ? По величинѣ и могучей красотѣ дерева ему много лѣтъ надобно усвоить? Самыя этѣ громадныя скалы, если смотрѣть на нихъ съ той площадки, на которой воздвигается дворецъ, кажутся очень малыми. И такъ не въ одномъ лишь нравственномъ мірѣ величіе относительно, но и въ пластической, Крымской природѣ видно это на каждомъ шагу. И эта относительность составляетъ очарованіе видовъ и привноситъ въ нихъ разнообразіе, столь пріятное для взгляда, не устающаго разсматривать. Усталый, взбрался я наконецъ въ скромное помѣщеніе хозяина, гдѣ старушка мать его припасла уже чай, при которомъ въ глиняныхъ горшечкахъ поданы были вскипаченные, ароматическіе сливки.

При чаѣ поданъ былъ бѣлый хлѣбъ съ шафраномъ; какъ кипяченыхъ сливокъ, такъ и хлѣба съ шафраномъ я давно не пивалъ и не ѣдалъ. Съ удовольствіемъ пилъ я чай и закусывалъ хлѣбомъ; послѣ такой прогулки захотѣлось мнѣ и пить и ѣсть. Не знаю, съ чего утверждалъ Масловскій, который сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ путешественниковъ, которыхъ случалось ему видать, я будто первый, кото-

рый тамъ много ходилъ пѣшкомъ. У насъ и другіе разговоры были съ Масловскимъ, когда мы прохаживались въ двоѣмъ по уединеннымъ дорожкамъ сада, которыхъ, по словамъ его, здѣсь въ саду находится на десять верстъ разстоянія. Онъ горюетъ объ оставившей его женѣ, съ которою могъ и хотѣлъ бы помириться. Я не распространился и не вызывалъ его на тяжкія для него подробности. На счетъ Козловскаго онъ сказалъ мнѣ, что былъ съ нимъ нѣкогда друженъ, но отсталъ отъ него, когда узналъ его получше. Онъ многія обстоятельства знаетъ разорительныя для чести Козловскаго. Первое, что онъ лишнее взялъ съ одного негоціанта, который жаловался на него графу, но губернская контора погасила это дѣло; всего хуже, что онъ у самаго Масловскаго, когда былъ почтъ-мейстеромъ, похитилъ письмо и сто рублей денегъ; но когда Масловскій сталъ выводить это дѣло наружу, онъ принужденнымъ нашелся возвратить ему эти сто рублей, но письмо не могъ, ибо оно было уничтожено. Теперь Козловскій мститъ Масловскому за то что сей послѣдній сталъ убѣгать его сообщества; по крайней мѣрѣ такъ Масловскій утверждаетъ.—Наступили сумерки; верхомъ я ѣхать не могъ, и Масловскій проводилъ меня до самаго подъѣзда дома моего въ своемъ кабріолетѣ и, чтобъ я не простудился, далъ мнѣ свою теплую шинель. Мы доѣхали благополучно, и онъ посидѣлъ у меня остатокъ вечера.—Варинька, пришедшая отъ князя, сказывала что у него обѣдали предсѣдатель коммерческаго Одесскаго суда Гамалѣй и какой-то князь Долгорукій, и что, по новымъ слухамъ, Государь выѣзжаетъ изъ Петербурга 18-го сего мѣсяца.

7-го Маія.

Я проснулся съ усиленною болью въ боку. Но, не смотря на болѣзнь, потащился къ князю и приступилъ тотъ часъ же къ своему нескончаемому Путешествію въ Испанію. Я ревностно читалъ, не смотря что князь почти постоянно спалъ во время моего чтенія, равно какъ и любезная сестрица его, которая при мнѣ только лишь окончила доморощеннаго цыпленка въ родѣ пулярды. Читать мнѣ неловко было, по причинѣ боли въ боку; не давая даже мнѣ сидѣть покойно, боль походила на судоргу. Однакожъ я исправно читалъ, и осталось только три листочка; окончивъ чтеніе, я разкланялся и не успѣлъ еще выйти изъ комнаты, какъ дѣвица Мауреръ начала другое чтеніе: какой-то романъ; не знаю, дремалъ ли при ономъ, его сіятельство. Пришедши домой, засталъ у жены моей княгиню Мещерскую; она, кажется, поджидала моего прихода съ тѣмъ, чтобы сообщить намъ. Гамалѣй сказалъ княгинѣ, что онъ странныя письма получаетъ отъ князя; въ одномъ изъ нихъ князь такъ разхвалилъ Козловскаго, что называетъ даже благодѣтелемъ своимъ и сестры своей, то есть дома

своего; одно письмо заключается тѣмъ, что не могу, пишетъ князь, продолжать его, потому, что какъ письма мои пишетъ князь Козловскій, то ему совѣстно писать собственноручно себѣ похвалы и пр. Письма, писанныя княземъ къ Гамалею, не подписаны его рукою, ибо онъ подписывается только къ Государю да къ статсъ-дамъ Плещеевой. Сколько можно предположить, то это что-то не похоже на князя; онъ никогда и ни къ кому такъ не выразится въ письмѣ, слѣдовательно похвалы себѣ столь яркія и несовмѣстныя помѣщаетъ самъ Козловскій. Княгиню это озаботило; можно, говоритъ она, терпѣть многія злоупотребленія, но такого гдѣ лице князя компрометируется, гдѣ подъ его именемъ можно Богъ знаетъ что написать и гдѣ нѣтъ контроля, потому что князь слѣпецъ, а сестра его также плохо видитъ, этаго терпѣть не должно; доказательствомъ то, что Гамалѣй соблазнился письмомъ, потому что онъ Козловскаго знаетъ хорошо. Мысль княгини была, чтобы довести объ этомъ до свѣдѣнія князя, о чемъ уже она и переговорила съ Муравьевою. Княгиня полагаетъ, что Гамалѣй письма не отдастъ для улики, боясь тѣмъ оскорбить Кологривую, которая всегда ласкается Гамалѣя. Пожалуй, говоритъ княгиня, Козловскій можетъ рѣшиться написать отъ лица князева и къ самому Государю..... И такъ, вотъ плоды политики сестры князевой, за которую она отвѣтитъ неразъ своей совѣсти..... Княгиня, просила насъ не говорить о томъ никому и особенно Варинькѣ, опасаясь, чтобы та не пересказала Козловскому..... Поповъ увѣдомляетъ, что Турчанинова, услышавъ, что я подалъ въ отставку, сильно встревожилась..... Все это для меня Тарабарская грамата!

9-го Мая.

Утро цѣлое посвятилъ я на журналъ свой, дабы хотя немножко подвинуть его и когда пришелъ ко мнѣ кн. Мещерскій, то я прочиталъ ему только что оконченное мною описаніе Царской Оріанды, которое онъ нашелъ вѣрнымъ. Мещерскій сказывалъ также мнѣ и о тѣхъ письмахъ къ Гамалѣю, которыя жена Мещерскаго по словамъ самаго Гамалѣя считаетъ фальшиво составленными Козловскимъ, отъ лица князева. По соображенію выходитъ, что врядъ не Кологривая ли сама диктовала эти письма, въ такомъ случаѣ оныя должны быть ею подписаны. Вообще это дѣло темно и запутано.

Среда. 10-го Маія.

Полутру я отправился къ князю, когда онъ сидѣлъ съ Муравьевою, я нашелъ въ домѣ его Гамалѣю сладко бесѣдующимъ съ сестрою князя; послѣ прихода моего они пересѣли на другое мѣсто, и она рекомендовала мнѣ своего гостя. Гамалѣй, председатель Коммерческаго Суда въ Одессѣ, очень похожъ особенно ухватками своими и родственнымъ сход-

ствомъ, на брата своего, который теперь товарищемъ министра государственныхъ имуществъ; сего послѣдняго я видалъ въ Петербургѣ. Въ скорости и князь пришелъ, разговоръ завязался довольно интересный; Гамалѣй пересказывалъ о восточной чумѣ, которая три раза распространялась по Одессѣ. Послѣ ухода Гамалѣя, онъ заставилъ меня дочитывать мое путешествіе, и мнѣ оставалось дочитать страницъ до четырехъ, тогда бы и конецъ былъ, но князь круто остановилъ мое чтеніе и велѣлъ глядѣть мнѣ на часы, замѣтя, что я рано обѣдаю. Я отрывисто отвѣтствовалъ ему: ваше сіятельство, хотите, чтобъ я скорѣе ушелъ, то я сей часъ и пойду. Въ ту же минуту я сталъ разкланиваться, и князь не могъ не замѣтить моего смущенія, а я не могъ не замѣтить желанія его, чтобы я скорѣе убирался. Книга ли моя ему наскучила, или моя особа, того достовѣрно не знаю.

Князь завелъ разговоръ, что, бывши у Муравьевой, Мещерскій и всѣ напали на него, чтобы рѣшиться ему пригласить другаго оператора. Я почти началъ колебаться между Караваевымъ и Ванцети. Тутъ Кологривая замѣтила: вотъ ты колеблешься, братецъ, а когда я совѣтовала, то ты не обращалъ вниманія; а я примолвилъ: давно бы надобно было, чтобы глаза ваши были зрячи. Я полагаю, примолвилъ я, что предисловіе, которое предшествовало совѣту скорѣе дѣлать операцію, не менѣе для васъ должноствовало быть занимательно. Конечно, сказалъ князь. Подъ словомъ: предисловіе я разумѣлъ тѣ свѣдѣнія о письмахъ къ Гамалѣю, кои сообщила ему безъ сомнѣнія Муравьева, ибо она вызвалась передать ему что она слышала отъ княгини Мещерской. — Я пришелъ домой огорченный и взволнованный и, признаюсь, въ неудовольствіи на политику князя, любящаго разъединять людей и призывающихъ ихъ только по одиночкѣ. Я окончилъ практическій трактатъ, какъ спастись, Людовика де-Влуа, или по латинизированному прозванію Блозіуса; сей трактатъ правильнѣе называется: *de Direction des âmes religieuses*.

Четвертокъ, 11-го Маія.

За обѣдомъ подали мнѣ миндальное печенье, оно очень было вкусно приготовлено, и мнѣ вздумалось отправить князю, потому что оно лучше мнѣ показалось, чѣмъ то пирожное, которое выписывала для него изъ Одессы Муравьева. Признаюсь, тайная моя мысль была та, чтобы показать князю, что и мой столъ, не смотря на вопіющее неравенство средствъ нашихъ, былъ тоже хорошъ. Князь очень оцѣняетъ свои обѣды, можетъ быть въ аристократическомъ значеніи; но въ деревнѣ обѣдъ не то, что въ городѣ; здѣсь и это добро, когда-бъ кто нибудь пришелъ раздѣлить обѣдъ нашъ. — Я получилъ наконецъ желанное извѣщеніе, что приготовлены мнѣ мажары съ волами для

отправленія моего скарба; этаго событія я дожидался болѣе двухъ недѣль и, увы! доселѣ все тщетно; наконецъ я отправлю хотя что нибудь изъ неразкупоренныхъ ящиковъ со времени ихъ укладки изъ самаго Петербурга. Бокъ мой все еще продолжаетъ болѣть, и я, по совѣту врача Шмидта, котораго по сему случаю призывалъ, рѣшился принять три приуготовительныя пилюли Мориссона.

Суббота, 13-го Маія.

Поваръ, котораго я нанялъ нѣсколько тому дней назадъ, сего-дня явился въ общипанной аммуниціи; увидимъ, будетъ ли въ немъ толкъ?—Двѣ мажары явились со своими быками, и я тотъ же часъ поспѣшилъ наложить на нихъ нѣкоторые изъ готовыхъ и укупоренныхъ ящиковъ, всего 16 мѣстъ, и съ вечера-же отправилъ Ивана ихъ конвоировать и бережно ихъ скласть, когда довезутъ вещи до Симферополя.

Воскресенье, 14-го Маія.

Масловскій пріѣхалъ ко мнѣ на своихъ дрожкахъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ духовному моему отцу, который звалъ насъ къ себѣ на праздникъ.

Понедѣльникъ, 15-го Маія.

Послѣ обѣдни мы намѣревались пойти къ князю поздравить его съ приобщеніемъ святыхъ таинъ; Мещерская хотѣла также съ нами идти. но вдругъ передумала и со своею любезною Марьею, какъ она обыкновенно выражается, пошла отдыхать на квартиру къ Муравьевой; а мы съ женою и Варинькою отправились къ князю, гдѣ сестра его и оставила меня обѣдать. Съ нѣкотораго времени, она крѣпко ухаживаетъ за мною, ласкаетъ и угождаетъ по возможности ветхозавѣтными благами. Я спросилъ князя нацѣть глазной операціи. И вотъ что онъ объяснилъ мнѣ. Онъ писалъ къ Натальѣ Ѳедотовнѣ Плещеевой, чтобы та нарочно съѣздила къ нѣкоей Висковатовой, знаменитой, по настоящему времени, сомнамбулѣ Петербургской, которую надлежитъ спросить (для чего и свои волосы князь отправилъ), можно-ли просить пособія у профессора Кіевскаго Караваева, также знаменитаго окулиста, или остановиться на первомъ рѣшеніи, то есть дожидаться, когда пріѣдетъ изъ чужихъ краевъ Ванцети. На этомъ рѣшеніи ясновидящей теперь дѣло и остановилось. Здѣсь я не хочу класть моего собственнаго сужденія, не хочу разсматривать вѣрованіе князева въ животный магнетизмъ, игравшее его душою въ продолженіе лучшей части жизни князевой; замѣчу одно лишь то, что Висковатова, сколько могъ я слышать объ ея мнѣніяхъ и сужденіяхъ, женщина добросовѣстная и основательная. Въ брошюрѣ о сто семи лѣтнемъ старцѣ, между прочимъ, вотъ что сказано. „Старецъ въ молодости имѣлъ связь съ одною Польскою княгинею; бывши на духу у своего духовнаго отца, прозор-

ливаго Кіевскаго схимника Епифанія, онъ вотъ что отъ него услышалъ: за твои заслуги и раны, Богъ тебя проститъ на сей разъ и помилуетъ; но если ты впередъ не исправишься въ жизни, то будешь наказанъ *строю, строю, строю, строю, строю*. Слова схимника остались въ памяти Щегловскаго (такъ назывался 107 лѣтній старецъ), но чрезъ нѣсколько времени онъ снова подпалъ искушенію, и вскорѣ сбылось прореченіе схимника; но каждое *строю* его воспрещенія выкупилось не менѣе, какъ десятию годами. Пятьдесятъ лѣтъ ссылки отвѣчали пятикратному повторенію словъ схимника“. Это извѣщеніе изъ жизни стосемилѣтняго старца должно быть для меня всегда памятно. Кромѣ того изъ сей же книжки я замѣтилъ, что старецъ имѣлъ привычку всегда ложиться въ 10 часовъ и въ первомъ часу по полуночи вставать и помолиться до 2 часовъ ночи, а потомъ опять ложиться. Мнѣ сего дня же пришла идея лечь также въ 10 часовъ, да и впредъ ложиться ранѣе.

Вторникъ, 16-го Маія.

Пришли посѣтить насъ Лиза и Любушка. Онѣ предложили намъ прогуляться, и мы сдѣлали обширную прогулку; доходили по дорогѣ до вновь строящагося моста. Я велъ Любушку, Катя шла съ Лизою. По своему обыкновенію я вступился въ умозрѣнія метафизическія, принаравливая ихъ къ дѣлу любви и влеченія одного пола къ другому: не знаю, поняла-ли меня моя спутница, но она дѣвушка добрая, молчаливая и смиренная. Не знаю, по какой причинѣ я философствую съ женщинами; мнѣ сдается, что все это выходитъ и вырастаетъ изъ злаго корня нашей грѣховности..... И полустарые люди могутъ быть хитрыми оболъстителями, и въ этомъ случаѣ полужеланіе старика вѣрнѣе и надежнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ буйная и раскрытая ревность молодости. Все это касается до меня, но не до этой дѣвицы, которую Господь да управитъ къ спасенію.....

Варинька позднеенько возвратилась отъ князя. Рѣшенія на мою просьбу не получено. Послѣ обѣда пришли туда Вѣра Муравьева со своею племянницею; въ то время Варв. Петровна читала князю книгу, и вотъ неожиданно Муравьева вырываетъ эту книгу изъ рукъ Вариньки и передаетъ ее племянницѣ, и та начинаетъ читать князю ту же книгу..... Видано ли гдѣ, такое безстыдство? Все это время князь отдѣляется молчаніемъ.....

17-го Маія.

Путру приходила къ намъ прощаться дѣвица Мауреръ, она отправляется изъ князева дома; въ разговорахъ своихъ очень жалуется на Кологривую; подтверждаетъ, что Гамалѣй имѣетъ дѣйствительно письма, якобы подписанныя самимъ княземъ, между тѣмъ какъ изъ

вѣстно, что князь къ Гамалѣю не писалъ и никогда писемъ не подписывалъ. Въ этѣхъ-то письмахъ заключаются тѣ чрезмѣрныя похвалы Козловскому, о которыхъ было выше упомянуто. Замѣтно, что денегъ она отъ князя немного получила; впрочемъ старецъ приглашалъ ее опять пріѣхать, и она разстается, по видимому, не съ большою печалью.

Былъ за обѣднею. Отъ туда пошелъ на дежурство къ князю; успѣлъ ему дочитать мое путешествіе въ Испанію, а онъ успѣлъ подремать. Князь выписалъ себѣ изъ Одессы втораго повара на мѣсто Петра, который умеръ, и вотъ цѣлую недѣлю онъ долженъ готовить пробныя блюда, самъ заготовляя меню, то есть, по своему произволу, не ожидая назначенія; сего-дня первый день этому пробному столу, и онъ звалъ къ себѣ Мещерскаго, чтобы смаковать блюда, а тотъ такъ доволенъ этимъ приглашеніемъ, что отказался ѣхать къ имяниннику. По той же причинѣ и меня князь убѣдительно просилъ, чтобы я завтра къ нему явился, хотя я и отказывался за ранѣе, по причинѣ усилившагося нездоровья моего.

22-го Маія.

Князь предложилъ мнѣ послушать Жизни Суворова, сочин. Полеваго, которая ему при первомъ чтеніи очень понравилась. Это обзорнѣе жизни читалъ также Козловскій и поутру и послѣ обѣда. Это не біографія, а эскизъ жизни Суворова, составленной для Русскихъ политипажей, которые, впрочемъ, не слишкомъ изящны; по крайней мѣрѣ радостно то, что это Русское произведеніе. Сестра князева не такъ чувствуетъ себя здоровою; она пролежала все время и не выходила къ обѣду; Шмидтъ изъ за обѣда нѣсколько разъ вставалъ для нея, князь беспокоится о нездоровьи сестры. Мы сего-дня были за пробнымъ столомъ новонанимаемаго повара, который назначаетъ себѣ цѣну, кромѣ содержанія, сто рублей ассигн. въ мѣсяцъ.

Поутру зашелъ ко мнѣ Мещерскій и привелъ съ собою какого-то Рахманова, пріѣзжаго изъ Одессы; онъ отозвался, что будто видалъ меня въ Москвѣ, но я не помню, чтобы сіе случилось. Онъ пріѣхалъ попросить князя объ одномъ интересномъ для него дѣлѣ. Рахмановъ женатъ на племянницѣ Родіона Александровича Кошелева; князь не отказалъ ему и хотѣлъ письменно просить Императрицу.

23-го Маія.

Вечеромъ, возвратившаяся Вар. Петр. объявила намъ, что пакетъ съ моею отставкою пришелъ; что князь еще его не читалъ, потому что ему помѣшали, но что сестра князева успѣла кое-что изъ него показать Вар. Петр. И главное, что Варв. Патровн. увидѣла, состояло

въ томъ, что Государь не исполнилъ въ полнотѣ представленія князя и что вмѣсто прошенныхъ 6000 ассигн. Его Величество, отставляя меня отъ службы, пожаловалъ мнѣ только 1000 рубл. серебромъ пансіона. Я, услышавши объ этомъ рѣшеніи, обрадовался и опечалился оному, но во всякомъ случаѣ благодарю моего Господа. По крайней мѣрѣ, участь моя, какова-бы она ни была, разрѣшилась. Завтра, безъ сомнѣнія, узнаю дальнѣйшія подробности. Шмидтъ сказывалъ Варварѣ Петровнѣ, что характеръ болѣзни сестры князевои довольно серіозенъ и что будто у нея Крымская, желчная лихорадка, болѣзнь, въ ея лѣта довольно опасная..... Помогите ей Господи! Бѣда, если она не оправится. Что тогда станетъ съ нашимъ княземъ?

24-го Маія.

Самъ князь ко мнѣ пріѣхалъ и привезъ съ собою двѣ бумаги: одна отношеніе къ нему главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ г. Адлерберга, другая копія съ именнаго указа Правительствующ. Сенату о моей отставкѣ. Въ отношеніи своемъ къ князю вотъ что, между прочимъ, Адлербергъ пишетъ къ нему: что Его Императорское Величество изъявилъ высочайшее соизволеніе на увольненіе г. Бартенева отъ службы сего 8-го Маія, со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ ему, въ особое вниманіе и уваженіе собственно къ предстательству вашему, пенсію по тысячѣ рубл. сереб. въ годъ и единовременно годоваго оклада содержанія его 1715 рубл. серебромъ, При семъ Государь Императоръ изволилъ отозваться, что, назначивъ сему чиновнику пенсію свѣше размѣра, въ уставѣ положеннаго, Его Величество не призналъ возможнымъ обратить ему въ пенсіонъ полное его содержаніе, какъ вы желали; но, чтобъ сдѣлать вамъ пріятное, оказалъ ему, также внѣ правилъ, особую монаршую милость, пожалованіемъ единовременнаго пособія. И такъ вотъ тѣ бумаги, которыя старецъ привезъ мнѣ самъ и вручилъ мнѣ лично, чтобы я списалъ съ нихъ для себя копіи. Князь былъ немножко разтроганъ, отдавая мнѣ бумаги. „Вотъ ты меня оставляешь, Юр. Никит., сказалъ онъ мнѣ, оставляешь меня старика, которому немного уже остается жить. Вашему сіятельству, извѣстны причины, почему я это дѣлаю. Знаю, отвѣчалъ князь, что безпрестанное твое нездоровье и чрезмѣрная здѣшняя дороговизна обязывали тебя оставить службу..... Вотъ, можетъ быть, и я скоро самъ умру, немного уже мнѣ жить остается..... Теперь и сестра моя очень неможетъ. Докторъ сказалъ мнѣ, что у нея Крымская желчная лихорадка..... Жаль мнѣ сестры. Нынѣшняя почта есть уже другая, что я не только не получаю изъ Петербурга писемъ на примѣр., отъ Попова, который ко мнѣ каждую почту пи-

шетъ, но даже и газетъ не получивалъ; ничего не знаю, гдѣ Государь и выѣхалъ-ли онъ изъ Петербурга. Прощаясь со мною, князь сказалъ мнѣ: теперь уже поздно, а потому ты не ходи уже сего-дня ко мнѣ. Завтра приходи обѣдать. Князь у меня долго оставался, и мы о многомъ переговорили; при семъ случаѣ я воспользовался попросить его о нашей Варв. Петровнѣ, на что онъ согласился, приказавъ приготовить нѣкоторыя бумаги: положено, что князь будетъ писать къ Императрицѣ и г-жѣ Барановой, и оба эти письма отдать въ руки самой Варв. Петр.

И вотъ наконецъ дождался я и свободы отъ службы. Это случается третій разъ въ моей жизни: сперва я вышелъ отставку, чтобы жениться и служить по гражданской службѣ, ибо я служилъ въ военной; во второй разъ вышелъ, чтобы ѣхать въ деревню, и вотъ теперь въ третій разъ и, кажется, послѣдній. Господь былъ милосердъ ко мнѣ во время службы моей: при первой отставкѣ я получилъ штабсъ-капитана 2-го кадетск. корпуса; при второй, за отличіе, чинъ коллежскаго совѣтника и 4000 рубл. ассигн. денежнаго награжденія: теперь же, въ послѣдній разъ, получаю 1000 рубл. серебр. пенсіона и 6000 рубл. ассигн. единовременнаго награжденія. Богу благодареніе! Покуда все хорошо кончилось. Есть внутри очень глубоко скрытое радостное чувство, что я сталъ вольный казакъ и что послѣдніе дни должны быть посвящены Господу и на посильную пользу ближнихъ моихъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь и святая Его благодать!

25-го Маія.

Жена моя возвратилась изъ дома князева и передала мнѣ, что онъ очень груститъ и нѣсколько разъ спрашивалъ обо мнѣ; наконецъ такъ нетерпѣливо, что просилъ Катю мою скорѣе меня высылать къ нему, когда услышалъ, что я пріостался у Муравьевой. Я сей часъ побѣждалъ къ нему и точно нашелъ его грустнымъ, а у сестры его въ то время развязался на рукѣ бинтъ. Сей часъ пришли доктора и, между ими новый, служащій въ Ялтскомъ карантинѣ, нѣкто Бирябаумъ; его я здѣсь въ первый разъ увидѣлъ; онъ былъ въ какомъ-то неотбѣленномъ балахонѣ или блузѣ съ перламутровыми пуговицами. Къ обѣду пришла Муравьева; столъ былъ отличный; нѣкоторыя кушанья отменно вкусно и легко были составлены. Супъ былъ родъ пюре изъ бѣлаго хлѣба; грудинка баранья фарсированная такъ хорошо, что я и не помню, чтобы гдѣ нибудь мнѣ случалось ѣдать это блюдо, изъ простаго и, такъ сказать, разночинскаго, такъ опрагматизованное искусствомъ и пр. Обѣдъ шелъ весело, вино пили охотно, и князь немножко поразвеселился. Нашей больной, послѣ обѣда и послѣ кровопусканья,

сдѣлалось полегче. Я долго просидѣлъ послѣ обѣда; читали Суворова исторію; слушая рѣзкія черты ея, князь плакалъ отъ умиленія; все высокое для нашей народности находить въ немъ сочувствіе; я всегда былъ увѣренъ, а здѣсь еще болѣе утвердился, что святая Русь близка этому благодатному вельможѣ. Елис. Михайл., не смотря на свои страданія, нашла однако времячко сказать мнѣ: вижу, что вы съ Муравьевой въ большой пріязни.... Я не успѣлъ отвѣчать ей. Козловскій отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: мнѣ можно теперь съ вами, Юр. Никит., говорить откровенно, вы не на службѣ; Бирнбаумъ сказалъ мнѣ, что Кологр. опасна и что давно бы ей слѣдовало кровь пустить, чтобы пресѣчь горячку, и теперь этотъ врачъ не увѣренъ, чтобы не открылась у нея эта болѣзнь завтра; если, чего не дай Боже, чтѣ случится, тогда я не останусь при князѣ. Я могъ сносить многое отъ сестры князевой, потому что она сестра его, но ничего не намѣренъ терпѣть подобнаго отъ Муравьевой, которая, вѣроятно, здѣсь воцарится. Я отвѣчалъ ему на это: по этому и другіе могли выносить, что то была сестра князева, а не кто другій....

30-го Маія.

Доселѣ записки мои представляли множество мелочей безъ большаго порядка внесенныхъ въ мою рукопись. Правду сказать, это меня отягощало и вмѣстѣ съ симъ отымало у меня время отъ занятій своевременныхъ и даже необходимыхъ для меня. Періодъ служебной жизни кончился, вѣроятно никогда уже и не возобновится; теперь и въ моемъ журналѣ нужна реформа; въ записываніи обыденной жизни мнѣ также нуженъ нѣкоторый просторъ, иначе это занятіе обратится для меня въ тягостную неволю. И такъ рѣшаюсь измѣнить мою обыкновенную срочность и въ сіи листки буду заносить лишь то, чтѣ мнѣ покажется наиболѣе заслуживающимъ вниманія¹⁾. Въ прошедшую Пятницу, 26-го Маія, князь пришелъ ко мнѣ неожиданно. Входя онъ былъ очень грустенъ и сказалъ женѣ моей: мнѣ скучно, и я къ вамъ пришелъ побесѣдовать. Сестра его очень больна, астма или прерываніе духа продолжается²⁾. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы прочи-

¹⁾ Этихъ дальнѣйшихъ записокъ мы не имѣемъ, не увѣрены даже, были ли они писаны, а занесены на бумагу нѣкоторые рассказы князя А. Н. Голицына.

²⁾ Елисавета Михайловна Кологривова пережила своего брата нѣсколько мѣсяцевъ: она скончалась въ Петербургѣ Іюня 1845 года. Чудесная Гаспра досталась племяннику князя Александра Николаевича, князю Николаю Сергѣевичу Голицыну. Позднѣе приобрѣлъ ее графъ В. Н. Панинъ; и теперь она принадлежитъ его внучкѣ, графинѣ Паниной, не щадящей средствъ на ея поддержаніе. По красотѣ и широтѣ вида съ обширнаго Гаспринскаго балкона это одно изъ лучшихъ мѣстъ на южномъ берегу Крыма. П. Б.

татъ ему записку о Варварѣ Петровнѣ, составленную мною наканунѣ: онъ согласился на исполненіе моей просьбы. Болѣзнь старухи, сестры князевой, продолжается не уменьшаясь; она очень ослабѣла; приобщалась святыхъ таинъ; ночи почти проводитъ безъ сна, послѣднюю только ночь могла уснуть до 4 часовъ. Всѣ начали къ ней ласкаться, только князь не подпускаетъ говорить съ нею; это ей вредно. Впрочемъ я и жена моя желанные у нея гости, а Вариньку она требуетъ къ себѣ всякой день. Не смотря на свою болѣзнь, она подарила сей послѣдней голубое пальто съ кружевною обшивкою: нарядъ дорогой, которымъ замѣтно довольна наша Варв. Петр.

Въ Субботу, 27-го Маія, я получилъ отношеніе изъ департамента о томъ, что я пожалованъ пенсіономъ и денежнымъ единовременнымъ награжденіемъ, и спрашиваютъ вмѣстѣ меня, въ какомъ городѣ я намѣреваюсь жить, дабы ассигновать туда высочайше пожалованный мнѣ пансіонъ. Эта офиціальная бумага подписана Ѳедоромъ Ивановичемъ Прянишниковымъ.

*

Въ бумагахъ Ю. Н. Бартенева сохранились слѣдующія письма къ нему.

Письма князя А. Н. Голицына.

I.

Александрія¹⁾, Августа 25 дня (1843).

Любезной Юріи Никитичъ!

Послѣднее ваше письмо, съ поздравленіемъ приобщенію моего Святыхъ Таинъ. Оно очень хорошо, и дай Богъ, чтобы со мною совершилось то, что вы пишете. На одно только я не согласенъ: вы пишете, что мнѣ мѣсто приготовлено на вѣковомъ *Олимпѣ*. Я туда не хочу, а лучше за меня помолитесь, чтобы Господь меня туда принялъ, куда Онъ разбойника пустилъ. И, слава Богу, здоровъ, и вотъ что со мной случилось. Вы знаете, какъ Любинька²⁾ всегда была противъ операціи, вдругъ я получаю отъ нея разрѣшеніе приступить къ операціи лѣваго глаза; на той же почтѣ получаю письмо отъ Гавр. Степ. Попова, изъ Кіева, коему схимникъ Парфеній поручилъ мнѣ написать, что никакое лѣчение мнѣ не поможетъ, развѣ операція³⁾. Сіи два письма, въ одинъ день мною полученныя, служили мнѣ указаніемъ о волѣ Божіей, и я на сей

¹⁾ Такъ называлъ князь Голицынъ свою усадьбу въ Гаспрѣ. П. Б.

²⁾ Сомнамбула, жившая въ Петербургѣ. П. Б.

³⁾ Операція произведена была въ слѣдующемъ 1844 году, 17 Августа, и князь Голицынъ, прозрѣвъ, въ тотъ же день поручилъ князю Козловскому увѣдомить о томъ Юрію Никитича, находившагося въ Симферополѣ.

же почтѣ писалъ въ Харьковъ и зову оператора Ванцетія сюда. Не знаю, скоро ли онъ можетъ приѣхать, ибо графъ Головкинъ въ Харьковѣ для операціи. Радуюсь, что ваше здоровье поправилось, также и Екат. Степ., которой прошу сказать мой усердный поклонъ и чтить моей. Прощайте, Христосъ съ вами.

Надѣясь скоро съ вами увидѣться, скажу вамъ только, что я *нечистый*, что и нечистыя мѣста солнце освѣщаетъ; такъ-то и моя грѣшная душа; слѣдственно, все, что выходитъ изъ моихъ недостойныхъ устъ, есть не мнѣ принадлежащее, и потомъ изъ любви христіанской не замѣчайте мнѣ никогда. До послѣздыханія мы любимъ объ себѣ внушать хорошія мысли; право, все заимствованное. Господь да почиетъ на васъ всѣхъ.

Dites à Жигачевъ que dans les lettres il ne faut écrire que ce qui peut être lu en public et que la suite produit des commérages. Remerciez le pour des envoies.

2.

Любезный Юрій Никитичъ!

На силу я отъ васъ получилъ письмо и признаюсь, что ваше молчаніе меня удивило; даже на официальные мои письма, съ провожденіемъ аттестата вамъ, не имѣлъ отъ васъ увѣдомленія въ полученіи оныхъ. Я принужденъ былъ писать къ Эвпаторійскому почтмейстеру, чтобы онъ меня увѣдомилъ, доставлены-ли къ вамъ мои письма. Вы пишете, что на васъ напала какая-то хандра и что вы никакими письмами не занимались, хотя и получали ихъ множество въ Кіевѣ; но я думалъ, что мои письма не должны быть на ряду съ обширною вашею корреспонденціею, тѣмъ болѣе, что вы меня приучили къ полученію вашихъ писемъ, даже въ путешествіи вашемъ изъ Петербурга въ Москву, съ самой дороги. Радуюсь, что вы находите утѣшеніе въ бесѣдѣ съ схимникомъ; совѣтую открыть ему вашу душу и надѣюсь, что онъ вамъ дастъ средства не предаваться вашимъ хандрамъ, которыя ничто иное суть, какъ искушенія врага: ибо, какъ вы пишете, они удаляютъ васъ отъ людей вами любимыхъ и почитаемыхъ, Богъ же насъ обращаетъ только къ любви даже и враговъ нашихъ. Книгу вашу соч. Сю получилъ, и надобно ли будетъ ее отправить къ вамъ по прочтеніи въ Кіевъ или куда въ другое мѣсто, объ этомъ меня увѣдомьте.

Катеринѣ Степановнѣ мой усердный поклонъ. Ежели Варвара Петровна не уѣхала, также.

Прощайте. Христосъ съ Вами!

P. S. Отца Парфенія попросите о благословеніи мнѣ.

Письма князя Козловскаго.

1.

Князь, незабвенной памяти, тотъ же день, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поспѣшилъ увѣдомить о благополучномъ окончаніи операціи. Ю. Б.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Его сіятельство поручилъ мнѣ извѣстить васъ, что 17-го сего Августа г. Караваевъ снялъ катарактъ съ лѣваго глаза у его сіятельства благополучно. Состояніе здоровья князя очень хорошо, и мы надѣемся, что очень скоро его сіятельство будетъ видѣть прекрасную природу южнаго берега.

Примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи п таковой же преданности вашего превосходительства покорный слуга К. П. Козловскій.

Авг. 1844 г.

Мыза Александрія.

2.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Его сіятельство князь Александръ Николаевичъ изволилъ приказать мнѣ переслать ваши книги и благодарить васъ за романъ г-на Сю: книжку же о магнетизмѣ князь, возвращая вамъ, приказалъ мнѣ увѣдомить, что взглядъ сочинителя совершенно противоположенъ настоящему взгляду на магнетизмъ; факты нѣкоторые есть довольно любопытные, но вообще книга ниже своего названія.

Здоровье его сіятельства, слава Богу, удовлетворительно; зрѣніе постепенно укрѣпляется.

Князь приказалъ мнѣ написать къ вамъ, чтобы вы сказали его усердіе Екатеринѣ Степановнѣ.

Примите увѣреніе и пр.

К. Козловскій.

11 Октября

1844 г.

Письмо Графа М. С. Воронцова.

Одесса, 29 Декабря 1844.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Я имѣлъ честь получить весьма обязательное письмо ваше и душевно благодарю васъ за весьма лестное и вовсе мною не заслуженное изъясненіе вашихъ дружескихъ чувствъ ко мнѣ. Мнѣ весьма было

пріятно съ вами познакомиться на южномъ берегу Крыма, но тѣмъ болѣе сожалѣю, что пребываніе ваше тамъ было столь кратковременно и что мнѣ такъ мало удалось съ вами видѣться. Грустно, очень грустно мнѣ говорить съ вами о потерѣ почтеннаго князя Александра Николаевича, въ то самое время, когда друзья его были обрадованы возвращеніемъ ему зрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывалось ему столько наслажденій въ созерцаніи красотъ природы, его окружавшихъ.

Повѣрьте, что при этомъ печальномъ событіи, я тотчасъ представилъ себѣ горестъ, которую вы почувствуете при такомъ извѣстіи, но я никакъ не могъ рѣшиться вамъ о томъ писать и быть первымъ, чрезъ котораго оно къ вамъ бы дошло. Васъ, какъ и меня, какъ и всѣхъ любившихъ и уважавшихъ покойнаго князя, должна утѣшить мысль того смиренія, того отсутствія страданій, съ которыми онъ окончилъ жизнь, посвященную благу ближнихъ; и что доблести его были его предвѣстниками тамъ, гдѣ достойно цѣнятся добродѣтели христіанъ. Молитвы столькихъ несчастныхъ, коихъ онъ улаждалъ немощи, были его сопутниками въ могилу.

Жена моя и я отъ всего сердца благодаримъ васъ за поздравленіе съ выходомъ въ замужество дочери нашей *); мы оба вмѣстѣ просимъ васъ принять увѣреніе въ искреннихъ желаніяхъ нашихъ, чтобы въ теченіи наступающаго и многихъ другихъ годахъ вы имѣли полный успѣхъ во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ. Душевно вамъ преданный

М. Воронцовъ.

*

Чета Бартеневыхъ изъ Кореиса переехала въ Евпаторію, оттуда въ Симферополь и затѣмъ вѣроятно въ Кіевъ, гдѣ жила давняя ихъ пріятельница и единомышленница Александра Петровна Хвостова. Юрій Никитичъ не дождался въ Крыму глазной операціи, сдѣланной его благодѣтелю князю Голицыну профессоромъ Караваевымъ въ Августѣ 1844 года. послѣ которой черезъ три мѣсяца онъ скончался, 22 Ноября почти 72 лѣтъ отъ роду.

Мое личное знакомство съ Ю. Н. Бартеневымъ началось въ Москвѣ въ 1853 году и продолжалось до его кончины, 27 Ноября 1866 г. (онъ родился 16 Февраля 1792 г.). Его супруга, Екатерина Степановна (соученица графа П. Х. Граббе) скончалась 21 Декабря 1872 г., 73 лѣтъ. Отъ нихъ обоихъ кромѣ добра я ничего не видѣлъ и сохраняю о нихъ благодарную память. П. Б.

*) Графиня Софья Михайловна Воронцова вышла за графа Андрея Павловича Шувалова. П. Б.

